

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 4

Июль – Август 1999

Том 46

Москва

Ядерный Контроль. № 4. Июль - Август 1999

Содержание

Редакционная статья	3
Нераспространение: игра без правил?	
Интервью	4
Юрий Соломонов: «Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло»	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России: из ядерного и ракетного досье	10
Интервью	15
Валентин Евстигнеев: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики»	
Анализ	
Юрий Федоров. Каспий: периферия или новый центр мировой политики?	26
Иван Сафранчук. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России	40
Гузэль Таипова. О юридическом статусе Каспия	49
Полемика	57
Игорь Николайчук. Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики	
Сообщения	
О Конференции по безопасности в Южной Азии	75
Петр Литаврин. Распространение легкого и стрелкового оружия: о позиции России	76
Из редакционной почты	81
Библиотека	84
Новости ПИР-Центра	88
Summary	90
Об авторах	92

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****№ 4 (Том 46)****Июль – Август 1999****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакция:**

Владимир Орлов, главный редактор
 Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
 Карина Фуралева, помощник главного редактора
 Евгений Маслин, старший советник
 Роланд Тимербаев, старший советник
 Иван Сафранчук, обозреватель
 Дмитрий Литовкин, специальный корреспондент

Алексей Рей, корреспондент
 Мария Верникова, секретарь редакции
 Татьяна Абрамова, корректор
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
 Виктор Меримсон – производство
 Елена Трофимова – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7–095–335–1955

(многоканальный)

Факс: +7–503–234–9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала****(сокращенная):** <http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железнодорожке, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Стэнфорде, Тель-Авиве, Токио и Франкфурте

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции, за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–335–1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to +7–503–234–9558 (fax) or info@pircenter.org.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 17 июня 1999**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Фонда Форда, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, филиала НПО *Радиевый институт* им. Хлопина (аварийно-технический центр), ПО «Маяк» и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1999

Ядерный Контроль. № 4. Июль - Август 1999

Редакционная статья**НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ: ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ?**

В мае мировое сообщество стало свидетелем первой в истории войны между новыми ядерными державами. Исламские сепаратисты вторглись на территорию индийского штата Джамму и Кашмир. Мало у кого вызывает сомнение тот факт, что сепаратисты пользуются полной поддержкой Пакистана и военнослужащие пакистанской армии участвуют в конфликте. Это позволяет говорить именно о конфликте между Индией и Пакистаном – де-факто ядерными государствами (хотя они и не считаются таковыми по Договору о нераспространении ядерного оружия).

Это не первый случай, когда ядерные державы, пусть и в опосредованной форме, вступают в конфликт. В период холодной войны военнослужащие советской и американской армий не раз видели друг друга через створ прицела – на Корейском полуострове, во Вьетнаме... А военные советники и инструкторы по спецоперациям встречались и того чаще – почти на всех континентах.

Однако тогда обе стороны придерживались определенных правил игры, которые складывались годами и в целом соблюдались. Эти правила предотвращали перерастание столкновений в локальных конфликтах и региональных войнах в глобальную термоядерную войну. Почему? Главным образом потому, что военные действия протекали в странах третьего мира, за редким исключением вдалеке от границ Советского Союза и США. Это были войны за влияние и власть в мире. Две империи предпочитали мериться силами подальше от дома, на периферии мира. И в таких условиях возможность эскалации конфликтов была минимальной.

Другое дело конфликт между Индией и Пакистаном. Эти страны обречены воевать на собственной территории, а значит цена такого конфликта на порядок возрастает и оправдывает применение всего набора военных средств, имеющегося у сторон. По этой причине майский конфликт между двумя странами чрезвычайно опасен. Тот факт, что он не принял ядерную форму, не должен никого успокаивать. Да, пока страны не завершили работу по доведению своих арсеналов до полноценного боевого состояния. Продолжаются ракетные программы в обеих странах: создание средств доставки среднего радиуса действия – это главная задача Индии и Пакистана. Так что обе страны не имеют возможности начать и вести полноценную ядерную войну. Но это пока. Что будет через два-три года, когда новые ракеты пойдут в серию и для них будет произведены ядерные боеголовки?

Косовский конфликт развязал руки странам, которые стремились решить свои проблемы силовыми методами, а также позволил некоторым странам отказаться от части ранее данных обещаний. Так, Индия, используя агрессию НАТО против Югославии и попытку нарушить территориальную целостность этой страны как повод, теперь и слышать больше не хочет о Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Все прежние посулы о том, что подписание Индией этого важнейшего договора – как с точки зрения ядерного нераспространения, так и с точки зрения разоружения – является делом ближайшего будущего, больше недействительны. Конечно, позиция Индии небезупречна, и отказ от ДВЗЯИ под предлогом косовского конфликта сомнителен. Но страна имеет суверенное право на политику увязок одних мировых событий с другими. И в этом все страны небезгрешны.

Конфликт между Индией и Пакистаном – это не просто очередная стычка индийских военных и сепаратистов, которые случаются в этом районе с досадной регулярностью. Это конфликт нового поколения – первый конфликт между новыми ядерными державами и первый конфликт после косовских событий. И он показал – пока на деклараторном уровне, – что страны, подобные Индии, почувствовали большую свободу в своих внешнеполитических действиях.

Что же оказалось? Неужели правее всех США, страна, взявшая на себя минимум международных обязательств в области права войны, но наиболее активная в силовых акциях против Югославии? Но ведь по сути точно так же поступили Индия с Пакистаном: они не участники ДНЯО и, приобретя ядерное оружие, чисты перед международным правом.

Режим нераспространения шире и объемнее договора, его основавшего. Это дает международному сообществу право (по крайней мере моральное) на применение к этим странам мер принуждения. Но США принимают логику нарушителей режима нераспространения. Получается, что остальным дана отмашка – можно, на старт. Индия и Пакистан просто демонстрируют свою способность и желание первыми воспользоваться этой ситуацией.

Интервью**ЮРИЙ СОЛОМОНОВ: «ВРЕМЯ ДИАЛОГА С США
ПО ВОПРОСУ О ПРО ЕЩЕ НЕ УШЛО»**

17–18 марта 1999 года Сенат и Палата представителей США приняли решение о развертывании работ по созданию национальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов. Это, как представляется многим экспертам в России, означает начало выхода США из договора по ПРО 1972 года и подрывает стратегический баланс между двумя странами. Главный идеолог этой программы в США генерал Лес Лайлс (Les Lyles), возглавляющий Ballistic Missile Defense Organization, утверждает, что развертывание национальной системы ПРО необходимо для защиты территории США от возможных ракетных ударов со стороны экстремистских режимов: Ирана, Ирака, Северной Кореи. По мнению генерала, в перспективе аналогичную угрозу для США могут представлять Индия и Пакистан.

С директором и генеральным конструктором Московского института теплотехники, конструктором стратегического ракетного комплекса Тополь-М Юрием Соломоновым беседует в эксклюзивном интервью специальный корреспондент периодических изданий ПИР-Центра Дмитрий Литовкин.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Юрий Семенович, как человек, непосредственно причастный к решению вопросов национальной безопасности, что Вы думаете по поводу резкой активизации США в вопросах развертывания национальной системы ПРО? Действительно ли этот шаг со стороны Америки станет нарушением договора 1972 года?

СОЛОМОНОВ: Вначале необходимо обрисовать реальное положение дел.

Фактически это выглядит так: 16 марта администрация США сняла свои возражения по поводу инициативы членов американского конгресса о развертывании национальной системы ПРО. Ранее Белый дом заявил, что наложит вето на соответствующий законопроект.

17 марта американский Сенат одобрил законопроект по вопросу о развертывании национальной противоракетной обороны (97 сенаторов – за, 3 – против).

18 марта Палата представителей конгресса США одобрила законопроект, провозглашающий курс на развертывание национальной системы ПРО (за его поддержку проголосовало 239 членов нижней палаты, против – 185).

В отличие от сенатской версии вариант палаты не содержит требований к администрации приступить к развертыванию НПРО, «как только это станет технически осуществимым».

Поскольку окончательно утвержденной на государственном уровне программы развертывания НПРО нет, существуют несколько версий ее возможного содержания.

По одной из них первоначально будет развернуто в одном районе около 20 ракет-перехватчиков, которые будут обеспечивать защиту 50 штатов США от единичных (до четырех) ракет нападающей стороны с любых направлений. При этом подразумеваются в качестве противников «экстремистские режимы Северной Кореи, Ирана, Ирака, Ливии, а также возможные несанкционированные пуски со стороны России и Китая».

Существует версия о «создании пяти-шести районов обороны с развертыванием на них 100 ракет-перехватчиков, перекрывающих всю территорию США от одиночных и малых групп баллистических ракет».

Одновременно муссируются слухи и о проведении работ в рамках так называемой ПРО ТВД. Последняя была апробирована в реальных условиях при известных кампаниях Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, и

эффективность ее тоже известна. Работа по совершенствованию характеристик ПРО ТВД связана с улучшением двух основных ее компонент: информационной и огневой.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не думаете ли Вы, что США могли бы создать адекватную угрозу, скажем, Ирану, не тем, что создадут систему обороны от его ракет, а, например, нацелив на это государство свои баллистические ракеты? Или поступят так же, как сегодня в Югославии или Ираке, просто подведут к берегу провинившейся страны флот и обстреляют побережье крылатыми ракетами?

СОЛОМОНОВ: Стратегическая система ПРО – это, прежде всего, система защиты. Сегодня США пользуются активными формами обороны. Если вы создадите систему подобного класса, вы, прежде всего, ориентируетесь на оборону своей территории и вам все равно какого цвета и с какой стороны к вам прилетит баллистическая ракета. Это стремление обезопасить себя, по заявлениям американской стороны, никак не связано с Россией, обладающей ракетными технологиями уровня досягаемости территории США. Такие страны можно пересчитать по пальцам: Франция, Англия и Китай. Теперь кто из них сможет напасть на США? Франция и Англия вряд ли, Россия тоже объявила о том, что США для нее стратегический партнер. Может ли в этой связи представлять угрозу Китай? Это уже вопрос о взаимоотношении США и Китая. Именно поэтому они чисто по политическим мотивам не называют потенциальных агрессоров своей территории из числа стран, владеющих ракетными технологиями такого уровня. Но делают это они, на мой взгляд, не очень умно, объясняя развертывание системы ПРО угрозой экстремистских режимов, у которых ничего подобного в обозримом будущем не предвидится. США об этом прекрасно осведомлены, но, тем не менее, это выбрано руководством страны как главная причина развертывания системы ПРО.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Официально американцы не связывают развертывания своей ПРО с гипотетической угрозой из России. Однако известно, что баллистические ракеты Северной Кореи не в состоянии достичь территории Соединенных Штатов. Ракеты Ирана – тоже. Как недавно признал на встрече с Евгением Примаковым премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху, его страна не обладает информацией о том, что ракеты

Ирана могут достигать территории Израиля. Я уж не говорю о способности иранских ракет долететь до Соединенных Штатов. Какую, по Вашему мнению, потенциальную угрозу может представлять развертывание ПРО США для России?

СОЛОМОНОВ: Если проанализировать аспекты вопроса, связанные с возможным развертыванием системы ПРО, то можно с уверенностью констатировать, что это понятие с *двойным дном*. Это, безусловно, то позитивное с моральной точки зрения, что заложено в системе противоракетной обороны, – это система защиты своей территории. И откровенно говоря, трудно, наверное, кого-то упрекать в том, что он хочет от кого-то защищаться. Ну, а второе-то *дно* заключается в том, что будучи системой, безусловно, оборонительной, она предназначена для защиты от стратегических наступательных вооружений. И коль скоро она призвана решать задачи обороны от стратегических средств, то по известным законам диалектики, любое действие порождает противодействие, противодействие в области совершенствования стратегических наступательных вооружений (СНВ). Из этой формулы следует, что вообще развертывание системы ПРО – это *очень серьезный фактор нестабильности*. Причем, нестабильности не на уровне взаимоотношений отдельных стран между собой, а носящей глобальный характер, поскольку, стратегическими вооружениями на сегодняшний день владеют многие страны.

Проходила ли цивилизация через подобные ситуации в прошлом? Да, проходила. 23 марта 1983 года президент США Рональд Рейган выступил с проектом концепции *звездных войн*, подготовленной генералом Абрахамсоном. Эта история известна. И что из этого получилось, тоже известно. Американцы, проведя очень большой объем работ в направлении совершенствования, а в ряде случаев и создания перспективных технологий, вынудили ответную сторону, в данном случае Советский Союз, потратить значительные материальные ресурсы для того, чтобы найти адекватный ответ на те инициативы, которые были предложены мировому сообществу.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Можете ли Вы привести примеры нерационального, с точки зрения сегодняшнего дня, использования денежных средств на реализацию ответных мер?

СОЛОМОНОВ: Если говорить о тех мероприятиях, работах, которые у нас проводились, то они осуществлялись без учета реальных возможностей реализации тех или иных новаций, самой программы стратегической оборонной инициативы. Я приведу несколько примеров почему это происходило. Ясно, что сама инициатива имела политическую окраску только на завершающей фазе, когда она озвучивалась. И, что инспирирована она была военно-политическим руководством страны, за которым стояла воля военных и военной промышленности Соединенных Штатов, заинтересованных в большей загрузке своих производств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Безусловно, и в то время, и сейчас военно-промышленный комплекс США был заинтересован максимально привлекать бюджетные ресурсы под флагом решения в принципе благородной задачи.

Так вот, в качестве иллюстраций можно привести ряд решений, которые предлагались. Причем, о них говорили на телевидении и в открытой печати Соединенных Штатов. В качестве элементов ПРО предлагались 20 лет назад элементы космического базирования, когда в качестве средств поражения рассматривали химические и рентгеновские лазеры, комплексированные соответствующими системами наведения, то, что с точки зрения развития современной техники просто нереально, и то, что рассматривалось в качестве средств поражения, которым надо было противодействовать. И это так или иначе находило отражение в планах, которые обсуждались и по которым принимались решения при формировании ответных мер.

Эта ситуация применительно к теперешним реалиям, к тому, что мы знаем о работах в этом направлении, очень схожа. С той лишь разницей, что в ряде случаев нет откровенно завиральных идей, которые предлагаются в качестве компонентов новой системы ПРО США. Теперь она носит, я бы сказал, более прагматичный характер. Оценочная стоимость программы развертывания ПРО США только в период до 2005 года потребует выделения 10–12 млрд долл. Вместе с этим общепризнанным является мнение, которое не требует серьезных доказательств, и которое гласит, что выработка мероприятий по эффективному преодолению ПРО – гораздо более простое, дешевое и в любых условиях более

эффективное средство по сравнению с тем, что может предлагаться в качестве создания оборонительной системы подобного типа.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: То есть вы хотите сказать, что можно создать более эффективные средства нападения, которые преодолеют любую систему противоракетной обороны?

СОЛОМОНОВ: Я бы сформулировал задачу немного по-другому. Если перед средствами нападения ставится задача нанесения необратимого ущерба защищающейся стороне, то эта задача по известному критерию *стоимость–эффективность* может быть реализована за значительно меньшие средства по сравнению с решением другой задачи – недопущению по тому же критерию невосполнимого ущерба на своей территории благодаря созданию необходимых средств защиты. Однако, когда мы говорим о каких-то критериях в подходах к решению этой проблемы, мы должны учитывать, какой облик будет иметь оборонительная система, каковы уже имеющиеся или перспективные средства нападения, какой достигнут уровень развития науки и техники. А этот уровень нам и американцам хорошо известен. США не скрывают общую концепцию наземных экспериментов, которые они проводят, о демонстрационных пусках противоракет с атолла Кваджалейн и т.д. и делают это абсолютно целенаправленно – *раскачать лодку*, в которой находится человечество, имея в виду заключенные международные соглашения в этой области.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Сколько может сегодня стоить развертывание системы ПРО России и сможем ли мы вообще адекватно ответить США, если американский Сенат все-таки пойдет на пересмотр договора 1972 года?

СОЛОМОНОВ: На сегодняшний день говорить о том, каков уровень затрат потребует для адекватного ответа очень тяжело, потому что еще нет окончательной ясности, что будет представлять из себя система противоракетной обороны США. В любом случае, если предположить, что США выйдут за рамки договора 1972 года по ПРО, то проведение работ в России потребует серьезного отвлечения средств от других отраслей народного хозяйства.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Действительно ли *Тополь-М* способен преодолеть

противоракетную оборону США и если да, то не является ли это элементом дестабилизации?

СОЛОМОНОВ: Решение задачи преодоления ПРО может реализовываться по двум направлениям. Одно из них, когда вы рассматриваете ряд мероприятий на перспективу, закладывая в конструкцию те или иные особенности, связанные с возможностью преодоления противоракетной обороны. Вы за это должны заплатить деньги, усложнить ракету и так далее... А в другом случае вы можете этого не делать. Ведь в итоге сделать это можно потом, как направление в совершенствовании вооружения, как модернизацию...

Именно это я и имею в виду, когда говорю об изначально заложенных в конструкцию *Тополь-М* технических решениях. Они позволяют перейти от ситуации, когда предполагаемой системы защиты у противника нет к ситуации, когда такая система у противника есть. И те затраты, которые надо было понести с самого начала, уже реализованы внесением в конструкцию ракеты с самого начала.

В этом есть безусловное преимущество с точки зрения создания функционально новой системы, рассчитанной на применение в самых разных условиях. Ведь создание системы противоракетной обороны – это только один из показателей противодействия этой системе оружия. Но существуют и другие системы, другие направления противодействия. Например, проведение встречного ядерного взрыва на участке выведения ракеты. Можно ничего не делать, не закладывать в конструкцию ничего такого, что может быть использовано в других условиях применения. А можно сразу упрочить ракету, чтобы обеспечить ее защиту. И так далее.

Именно это мы и сделали в ракете комплекса *Тополь-М*, изначально заложив в конструкцию ряд технических решений, которые облегчат переход потенциального применения этого оружия от тех условий, когда системы ПРО предполагаемого противника нет к той ситуации, когда эта система появится. Все ли сделано в этой ракете? Нет, конечно, далеко не все. По договору СНВ-1 и предстоящего СНВ-2, ее изначально нельзя было оснащать разделяющимися головными частями. Но даже не специалисту ясно, что если у вас есть моноблочная головная часть, в условиях

противоракетной обороны, конечно же, ее легче сбить, чем несколько боевых блоков. Может ли иметь несколько боевых блоков *Тополь-М*? Конечно же может, как и любая другая ракета-носитель. Сейчас это не реализовано в ракете. Но если на это будут выделены средства, проявлена воля руководства страны, то, конечно же, это может быть выполнено.

Ответ на вторую часть вопроса очевиден. Создаваемая ракетная система приходит на смену устаревающей. Это естественный процесс обновления группировки стратегического вооружения. Рассчитанное на долгие годы, оно, естественно, обладает тактико-техническими характеристиками самого широкого спектра.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь США могут опасаться *Тополь-М* из-за того, как сообщалось в печати, что Ваш институт реализовал в конструкции машины маневренные боевые блоки, которые могут преодолевать противоракетную оборону. Так ли это?

СОЛОМОНОВ: Некоторые пишущие люди – большие фантазеры. Я не хочу комментировать эти высказывания, так как помимо своей воли, должен буду говорить о том, что реализовано на ракете. Процесс совершенствования ракетных технологий, создание новых систем и модернизация старых – жизненная необходимость. В этом процессе особое место занимает решение проблемы повышения точности боевого применения и эффективности боевой части у цели. Это позволяет уменьшить мощность ядерных боевых блоков или потенциально использовать наряду с ядерными и неядерные боезаряды, применение которых, в свою очередь, придает баллистическим ракетным комплексам качество многофункциональности.

Дальнейшее повышение точности стрельбы будет полностью зависеть от развития ракетных технологий, уровня развития систем управления. Увеличение быстродействия вычислительных машин и их памяти даст возможность применять более точные алгоритмы управления и наведения, что при одновременном снижении габаритов и веса приборов, в конечном счете, позволит создать управляемые и самонаводящиеся боеголовки, и это не такая уж далекая перспектива.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Юрий Семенович, как Вы считаете, надо ли нашей стране бороться за то, чтобы сохранить договор по ПРО в первоначальном виде? Может быть, имея на вооружении комплекс *Тополь-М*, нам нет причин волноваться, а если у США есть лишние деньги, то пусть они их и тратят на модернизацию своей системы ПРО?

СОЛОМОНОВ: У этого вопроса две части. Если наше мнение в этом вопросе значимо и если оно будет принято во внимание американцами, то нам, безусловно, надо сделать все возможное, чтобы договорные обязательства, которые были в свое время закреплены договором 1972 года, с учетом уточнения этого договора Хельсинским и Нью-Йоркским протоколами, остались неизменными. Я думаю, что такой подход к решению проблемы был бы наиболее стабилизирующим фактором двухсторонних отношений в этой области. Если стать на позицию, что американская сторона к нам не прислушается, что тоже очень вероятно, судя по тому, что сейчас происходит в мире, то нам нужно выработать ответные меры. Сегодня они еще не очевидны и, прежде всего, из-за финансово-экономического положения страны. Наши адекватные ответные действия должны быть минимизированы в плане нагрузки на бюджет страны.

Задача адекватного ответа очень непростая не только в техническом плане, здесь абсолютно неприемлем подход, основывающийся на взаимных угрозах. Если перенести диалог в такую плоскость, то может возникнуть ситуация, когда Россия на действия, противоречащие международной практике с точки зрения взаимоотношений между сторонами, начнет предпринимать шаги, которые будут носить какой-то категорический, вызывающий характер. Вот это абсолютно недопустимо. Есть очень много взвешенных решений, которые могут стать абсолютно достойным и эффективным средством для продолжения диалога и поиска путей возможного компромисса.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие, по Вашему мнению, это могут быть решения?

СОЛОМОНОВ: Я не хотел бы говорить на эту тему, так как ответ, озвученный мною, может иметь очень нехороший резонанс. Но нам надо сделать все зависящее от нас, чтобы сохранить систему взаимоотношений на уровне диалога, чего бы это нам ни стоило.

Потому что разругаться независимо от действий противоположной стороны легче всего. Надо найти в себе волю разработать предложения, которые бы позволили нам умно решить эту проблему.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но все равно, наверное, есть грань допустимого, за которой слова уже ничего не значат.

СОЛОМОНОВ: Безусловно, такая грань существует, и ее не надо переступать, чтобы сохранить возможность продолжения диалога. Вот что самое главное, на мой взгляд. Если мы переведем наши взаимоотношения в плоскость конфронтации, то не надо быть слишком прозорливым человеком, чтобы понять, что это путь к возврату *холодной войны*. Это скажется и на решении вопросов в рамках договоренностей по СНВ-1 и СНВ-2, на всем том, что было достигнуто США и Россией с таким трудом за последние 25 лет в этой области. Благодаря необдуманным действиям, которые могут быть предприняты в этом направлении, мы можем скатиться к ситуации не просто *холодной войны*, а с учетом того, что технология в этой области сделала существенный шаг вперед, я думаю к новому, более серьезному, этапу гонки вооружений. И не допустить этого, прежде всего, должна Россия. По понятным соображениям, в силу того, что мы имеем крайне ограниченные экономические и финансовые ресурсы, а значит любой шаг в сторону нового витка гонки вооружений будет для российской экономики равнозначен самоубийству.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Можно ли тогда рассматривать развертывание ПРО, как давление военно-промышленного лобби на администрацию и конгресс США?

СОЛОМОНОВ: Я думаю, что это и есть главная причина, о чем я сказал в самом начале нашей беседы. Инициатором создания и развертывания системы ПРО стал военно-промышленный комплекс США. Это – фирмы, связанные с ракетными технологиями и информационным обеспечением. Все предприятия, заявленные на решение этой проблематики, в результате хотят иметь гарантированное на многие годы бюджетное финансирование.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Последний вопрос, напрямую не относящийся к теме нашего разговора. Что у нас происходит с *Тополями*? Есть ли какие-то основания надеяться, что в нынешнем году второй

полк этих ракет будет поставлен на боевое дежурство?

СОЛОМОНОВ: Основания надеяться есть. Хотя сейчас еще не кончился второй квартал [беседа состоялась в апреле – Ред.] и окончательно подводить итоги вроде бы рано. Но министр обороны маршал РФ Игорь Сергеев неоднократно выступал и говорил о том, что задачей на этот год является постановка второго полка комплекса *Тополь-М*. Задача эта очень тяжелая, в первую очередь для промышленности. Главные сложности

существуют потому, что график финансирования, который был установлен на государственном уровне и который определен в виде правительственного задания не соблюдается. Если такая ситуация продлится еще месяц, то можно с полной уверенностью сказать, что выполнение годовой задачи окажется под большим вопросом. Если средства будут выделены, то мы с задачей, хотя это будет и очень тяжело, справимся, и в конце концов в XXI век войдем с системой оружия, которая будет принята на вооружение российской армии.

Вышли в свет в апреле – июне 1999 года

- *Ядерный Контроль*. № 3. Май – Июнь 1999. В номере: Николай Успенский «Экспортный контроль – один из ключевых элементов национальной безопасности», Геннадий Евстафьев «Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений», Владимир Мисюченко, Светлана Гвоздева, Владимир Орлов «Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»)», Абрам Иойрыш «Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии», Александр Калядин «Россия перед лицом дефолта по обязательствам в отношении КХО», Владимир Белоус «Характеристики и задачи современного нейтронного оружия», Роланд Тимербаев «О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ», Сергей Решетников «Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления договора в силу», Евгений Маслин «ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия», Мария Кацва «К вопросу о системе лицензирования в России». Цена 1250 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. № 11. Summer 1999. В номере: «Обострение российско-американских отношений: корни ни в Косово, а гораздо глубже», Николай Успенский «Экспортный контроль – один из ключевых элементов национальной безопасности», Виктор Заборский «Атомная энергетика Украины: вызовы и перспективы», Сергей Решетников «Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и о перспективах вступления договора в силу», Игорь Николайчук «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики», Юрий Соломонов: «Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло», Валентин Евстигнеев: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». Цена 625 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).

(см. также с.25)

Ядерный Контроль. № 4. Июль - Август 1999

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье» ПИР-Центра, опубликованные в апреле–мае 1999 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ: ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

• В Минатоме

Об итогах коллегии Минатома по проблеме утилизации атомных подводных лодок

7 июня прошла коллегия Минатома России, посвященная проблеме передачи списанных из состава ВМФ атомных подводных лодок (АПЛ) в ведение министерства и началу осуществления программы их утилизации. Главным результатом обсуждения стало определение графика и источников финансирования работ.

Утвержден трехгодичный план, подписанный министрами обороны, Минатома и министерства экономики, о передаче списанных субмарин Минатому для их утилизации. Хранение и поддержание экологической безопасности кораблей, ждущих очереди на разделку, остается в компетенции МО РФ в лице главного исполнителя – ВМФ. Несмотря на первоначальные планы о полной передаче кораблей в ведение Минатома, у последнего не нашлось десяти тысяч специалистов, способных обеспечить техническую безопасность этих радиационно опасных объектов, а у Минэкономики свободных заводских площадей под промежуточные пункты отстоя списанных АПЛ. Поэтому принято решение, что военные моряки, обслуживавшие АПЛ, будут откомандированы в ведение Минэкономики, а Минатом обеспечит оплату их труда. При этом, на особо критичных в плане безопасности постах АПЛ останутся военнослужащие, а часть экипажей будет укомплектована гражданскими специалистами.

Основными источниками финансирования программы станут собственные средства Минатома и международная помощь, в частности, программа Нанна-Лугара. Именно из этих денег Минатом планирует производить расчеты с судостроительными и судоремонтными предприятиями Минэкономики, задействованными в утилизации АПЛ, и оплачивать труд военнослужащих, остающихся на атомоходах.

Всего по планам Минатома в 1999 году Россия сможет получить по линии международной помощи порядка 50–60 млн долл. (*Соб. инф.*)

• РВСН

Определены задачи по дальнейшему развитию группировки комплекса *Тополь-М*

На очередном заседании Военного совета РВСН был обобщен опыт ввода в боевой состав ВС РФ ракетного комплекса *Тополь-М*, подведены первые итоги его эксплуатации в войсках, определены задачи по дальнейшему развитию группировки этого комплекса. Главнокомандующий РВСН генерал-полковник Владимир **Яковлев**, выступая на заседании отметил, что впервые в истории РВСН постановка ракетного комплекса на боевое дежурство осуществлена на фоне Государственных совместных летных испытаний. Также на заседании Военного совета значительное внимание было уделено оценке эффективности мер, принимаемых по поддержанию боевой готовности ракетного вооружения и обеспечению надежности его эксплуатации. В частности, отмечалось, что работы по развитию комплекса стационарного базирования в этом направлении вышли на новый качественный уровень, позволяющий приступить к планомерному наращиванию группировки ракетного комплекса *Тополь-М*. (Ильшат Байчурин. *Тополь* идет в рост. *Независимое Военное Обозрение*. №16, 30 апреля – 06 мая 1999, с.1.)

Козельская ракетная дивизия признана лучшим соединением РВСН

По итогам 1998 года Козельская ракетная дивизия признана лучшим соединением в РВСН. В случае необходимости она может действовать по целям, расположенным в Западной Европе. По словам командира дивизии полковника Сергея **Каракаева**, ракетный комплекс 15П035, хотя и считается уже устаревшим, но это боеспособное и весьма грозное оружие. Срок эксплуатации ракет комплекса продлен до 24 лет, и он способен стоять на боевом дежурстве до 2005 года. А на 2001–2002 года намечено

первооружение козельской дивизии комплексом *Тополь-М*. Уже сейчас в соединении идет процесс ознакомления личного состава с новой техникой, чтобы к началу перевооружения у ракетчиков имелись знания об этом комплексе.

У стратегических ракетчиков Козельска меньше бытовых проблем по сравнению с другими родами войск нашей армии. Деньги они получают вовремя, подразделения укомплектованы офицерами почти на 100%, рядовыми и сержантами – на 96–97%.

Основная задача солдат срочной службы в РВСН – охрана стартовых позиций и командных пунктов. Безопасность этих спецобъектов обеспечивается несколькими рядами забора, состоящего из находящейся под высоким напряжением сетки и системы сигнализации, а также долговременными огневыми точками, прожекторами. (Секреты калужского леса. *Независимая Газета*. 29 мая 1999, с.2.)

• **Ядерная доктрина. Сокращение ядерных вооружений**

Состоялось заседание Совета безопасности России по вопросам совершенствования ядерно-оружейного комплекса

29 апреля состоялось плановое заседание Совета безопасности РФ по вопросам ядерно-оружейного комплекса и его совершенствования.

Информация о планах проведения заседания Совета безопасности была предоставлена 13 апреля 1999 года. Источником этой информации был секретарь Совета безопасности Владимир Путин. Тогда он говорил о заседании 27 апреля, подчеркнув, что оно является плановым и не может рассматриваться как реакция на югославские события. Кроме этого, при предоставлении информации о заседании, он отметил, что средства массовой информации будут детально проинформированы об итогах заседания. Круг вопросов, которые планировалось обсуждать, секретарь Совета безопасности очертил максимально широко: «вопросы и проблемы развития Вооруженных сил». Однако накануне планировавшейся даты заседание было перенесено. **28 апреля** была распространена информация, что к заседанию главкомы видов Вооруженных сил, обладающих ядерным оружием, представили доклады, в которых обосновывали повышение уровня боеготовности стратегических ядерных сил.

Решения заседания Совета безопасности были оформлены в трех документах: два указа президента и одна программа. Все они обладают высшей степенью секретности. Вопросы, которые могли быть обсуждены на заседании:

Ядерные испытания. Этот вопрос обсуждался, о чем заявил Владимир Путин сразу после заседания. В общих чертах возможное решение проблемы, выбранное на заседании Совета безопасности, выглядит следующим образом: Россия будет развивать программу подкритических ядерных испытаний на Новой Земле. Одновременно секретарь Совета безопасности признал, что в этой части у России есть трудности.

Поскольку технологией этих испытаний Россия владеет: они уже проводились, и есть программа их проведения в 1999 году (насколько известно, выполняется по графику), то, по всей видимости, этот вопрос обсуждался в широком контексте. *Во-первых*, возможно, что речь шла об увеличении ассигнований на эти программы. Тогда это вопрос банальный, и вряд ли оправданно то внимание, которое ему уделил в своих комментариях Владимир Путин. *Во-вторых*, возможно, речь шла о расширении этих программ в интересах обеспечения большего уровня безопасности складированных ядерных боезарядов. В этом случае понятно, почему позже стали появляться по этому поводу комментарии со ссылками на 12-е ГУМО (представителей которого на заседании не было). Однако тогда не понятна роль Минатома, поскольку поддержание уровня безопасности и сохранности складированных ядерных боезарядов (резерв) – это, прежде всего, обязанность 12-го ГУМО. *В-третьих*, возможно, речь могла идти об испытаниях в интересах разработки ядерного боезаряда нового поколения. Тогда понятна роль Минатома – им его разрабатывать, и роль 12-го ГУМО – им его испытывать, хранить, обслуживать и т.д.

Кроме этого, в некоторых средствах массовой информации со ссылками на официальные структуры сообщалось, что планируется модернизация ядерных боезарядов нынешнего поколения. Причем, в одном случае ссылки шли, в основном, на Минатом, а в другом, в основном, на 12-е ГУМО. Таким образом, можно сделать вывод о том, что есть конкретные планы проведения совместных работ силами Минатома (разработчиками ядерных боезарядов) и 12-м ГУМО. Вероятно,

что выбранным направлением работ по новому поколению ядерных боезарядов стало создание малого боезаряда для стратегических носителей, *во-первых*, через создание собственно нового боезаряда, и, *во-вторых*, через модернизацию уже существующих в плане снижения их мощности.

Тактическое ядерное оружие. Владимир Путин сразу после заседания Совета безопасности сообщил, что один из принятых по итогам заседания документов относится «не только к силам стратегического ядерного сдерживания, но и к тактическому оружию». Тем не менее, вряд ли оправданы комментарии, сделанные в этой связи рядом отечественных и иностранных журналистов, которые восприняли слова секретаря Совета безопасности буквально и интерпретировали их как относящиеся к тем типам вооружений, которые стали предметом односторонних взаимных инициатив президентов США и Советского Союза в 1991 году (далее подтвержденные и развитые – дополненные – российским президентом Борисом Ельциным в 1992 году). При таком понимании слов Владимира Путина был неизбежен вывод о том, что Россия откажется от выполнения односторонних инициатив. К такому выводу и пришли авторы публикаций.

Такое понимание заявлений секретаря Совета безопасности представляется неправомерным. Владимир Путин настойчиво подчеркивал, что Россия не отказывается ни от каких из взятых на себя обязательств. При этом не делалось оговорок между односторонними (не верифицируемыми и добровольно наложенными обязательствами) и обязательствами по формально оформленным международным договорам. При отсутствии оговорок о статусе этих видов обязательств и заявлений об отказе от добровольных ограничений, по сути, имеют одинаковую силу. Значит, если Россия действительно отказалась от обязательств 1991 года, то слова Владимира Путина надо воспринимать как прямой обман международного сообщества. Готовность российской правящей элиты пойти на такой шаг в области ядерных вооружений вызывает сомнения. В этой связи слова Владимира Путина скорее надо воспринимать как подтверждение российских обязательств, в том числе от 1991 и 1992 годов.

При оценке заявления секретаря Совета безопасности необходимо учитывать, что четкой классификации ядерного оружия на

тактическое и стратегическое не существует. Реально пользуются следующей классификацией: стратегическое все, что стало предметом договоров СНВ-1 и СНВ-2, все остальное – тактическое. Но при учете способов применения такая классификация становится не приемлемой, так как очевидно, что даже те вооружения, которые мы называем стратегическими, можно применять для достижения тактических целей, и наоборот (хотя и с большими оговорками).

Возможно, что разговор на заседании Совета безопасности шел именно в терминах планов и способов боевого применения. А именно о возможности ведения ограниченной ядерной войны стратегическими средствами для устрашения противника, демонстрации собственной решимости, для чего необходимо нанесение заданного, но ограниченного ущерба. То есть это дискуссия в рамках концепции ограниченной стратегической ядерной войны. Из-за отсутствия четкой терминологической основы для классификации ядерного оружия (собственно как и удовлетворительной концепции классификации), а так же в силу того, что в отечественной военной науке деление военных операций на тактические и стратегические осуществляется практически исключительно по критерию масштабности боевых действий и их последствиям, вышеприведенный вариант ядерной войны вполне мог быть означен на заседании Совета безопасности как *тактический* – по критерию масштаба боевых действий, что полностью соответствует отечественной военной науке. Соответственно, и средства для ведения такой тактической войны правильно называть в рамках этой логики *тактическими*.

Таким образом, тактическое ядерное оружие, которое имел в виду Владимир Путин – это новое поколение ядерных боезарядов, характеризующихся малой или сверхмалой мощностью, но доставляемых к цели стратегическими носителями.

По крайней мере, при такой интерпретации пропадает противоречивость в высказываниях секретаря Совета безопасности, но остаются сомнения (в силу того, что он делал такие заявления, не владея полностью сложившейся – пусть и не до конца адекватной – терминологической базой), что он полностью отразил суть того, что обсуждалось на заседании Совета безопасности.

Есть предположения, что на Совете безопасности также обсуждался вопрос о тактических средствах доставки, в частности, о производстве ракетных комплексов малой дальности *Искандер*. Это фактически означает возврат к теме собственно ТЯО. Если принять за основу предположение, что Россия не может отказаться от своих обязательств, в том числе и добровольных (а такое предположение выглядит вполне логичным с учетом интересов правящей элиты), то говорить о ракетных комплексах в контексте ТЯО нельзя, поскольку, согласно плану выполнения односторонних инициатив, все ядерные боеголовки для наземных ракет малой дальности должны быть уничтожены к 2000 году.

Предположения о том, что на заседании Совета безопасности обсуждались вопросы выкупа у Украины бомбардировщиков Ту-160 и Ту-95МС, а также продление гарантийных сроков эксплуатации ракет РС-20В и восьми РПК СН проекта 667БДР, высказанные рядом СМИ, вызывают сомнения. Это частные вопросы, для решения которых есть отработанные процедуры (за исключением вопроса о выкупе бомбардировщиков), и вынесение их на заседание Совета безопасности вряд ли было оправдано. Что касается выкупа бомбардировщиков у Украины, то в 1999 году вновь появились признаки того, что к этой идеи могут вернуться. В этом плане высказывался и главком ВВС. Однако до последнего времени было мало признаков того, что лоббистские усилия ВВС имеют высокие шансы на успех. В пользу предположения того, что эта тема действительно обсуждалась на заседании, в свою очередь, говорит заявление Владимира Путина о том, что на заседании обсуждали «международные контакты в ядерной сфере». В контексте обсуждения военных ядерных программ это бессмысленно. Но применительно к проблеме выкупа стратегических бомбардировщиков слова секретаря Совета безопасности понятны. В то же время, не исключено, что данное высказывание было частью *информационной завесы*, призванной скрыть истинную повестку дня заседания.

Есть все основания предполагать, что уровень секретности заседания был не частью пропагандистской компании, а реально необходимым элементом. В пользу этого говорит продуманная работа со СМИ при освещении этого заседания. Были различные *сливы* информации, практически все из

которых уводили обсуждение в новое русло: тактическое ядерное оружие, Югославия, ядерные испытания и трудности с их проведением, ОГК ССС. При этом обычно крайне чувствительные ко всем этим вопросам, российские ведомства никак не реагировали на публикации в СМИ.

Сам президент во вступительном слове заявил, что необходимо обсудить «перспективы развития российского ядерного сектора, который составляет материальную основу нашей ядерной политики». Из этого можно сделать вывод о том, что речь шла не о ядерной политике или структуре СЯС, а о конкретных системах. Однако все программы модернизации российских СЯС, а также примерные оценки степени их реализации, известны специалистам. Засекречивать такие вопросы, а также вопросы продления гарантийных сроков эксплуатации отдельных систем или закупки бомбардировщиков на Украине, не имеет смысла. Все это верифицируемо.

Засекречивать в том объеме, как это было сделано, имеет смысл только планы, касающиеся не систем доставки (вспомним, что *Тополь-М* скорее рекламировали, нежели засекречивали), а планы создания или модернизации ядерных боезарядов. Таким образом, наиболее вероятно, что на заседании обсуждали планы создания нового поколения боезарядов в контексте, который был описан выше. Это подводит к выводу о том, что реально на заседании обсуждали не совсем тот круг вопросов, который потом был включен в одобренные Советом безопасности документы. Хотя, безусловно, некоторое пересечение не могло не присутствовать. Документы, которые были приняты по итогам заседания, должны были в проектах существовать и раньше, в том числе и у тех, кого с самого заседания удалили (главкомы видов Вооруженных сил, владеющие ядерным оружием). Это объясняет утечки в СМИ как до, так и после заседания. Таким образом, можно предположить, что некоторые конкретные вопросы, как продление гарантийных сроков отдельных типов ракетных комплексов и РПК СН, действительно отражены в документах, но не обсуждались на заседании.

Нельзя не учитывать перенос заседания с 27 на 29 апреля. Видимых причин для этого не было: внутривластная обстановка, здоровье президента и т.д. в эти дни были примерно одинаковы, что позволяет сделать

вывод о том, что отсрочка была мотивирована внесением изменений в повестку дня заседания и, возможно, необходимостью подготовить новый документ (документы). То есть на самом заседании обсуждали то, что срочно готовили и согласовывали к заседанию в последние дни перед его проведением. По нашим оценкам, это были вопросы производства нового поколения ядерных боезарядов, причем весь цикл – от разработки до испытаний и производства.

Кроме этого, необходимо обратить внимание на один момент, выпавший из поля зрения СМИ и экспертов, обсуждавших итоги заседания Совета безопасности 29 апреля. *Интерфакс* распространил следующие слова президента из вступительной речи на заседании (необходимо уточнить, что агентство не цитировало, а пересказывало Бориса Ельцина): «президент напомнил, что в июле 1998 года Совет безопасности определил структуру российских сил ядерного сдерживания на период до 2010 года, а в декабре 1998 года были одобрены (кем не говорится) основные положения политики ядерного сдерживания России». С нашей точки зрения, речь здесь идет о том самом документе, который 15 марта 1999 года был представлен заместителем секретаря Совета безопасности г-ном Михайловым под названием «Основные направления политики РФ в области ядерного сдерживания». Тогда представитель Совета безопасности сообщил, что документ был «утвержден на днях». Из слов же президента на заседании Совета безопасности следует, что документ был принят еще в декабре 1998 года. Напомним, что сам текст документа нигде не публиковался. (Аналитики ПИР-Центра оценивают итоги ядерного заседания Совета безопасности. *Вопросы Безопасности*, №11, июнь 1999, с.3–6; *соб.инф.*)

- **Экспорт и экспортный контроль**

Россия в санкциях в отношении Ливии больше не участвует

В развитие решения Совета безопасности ООН президент РФ Борис Ельцин подписал указ, приостанавливающий выполнение Россией экономических санкций в отношении Ливии. (В санкциях не участвуем. *Российская Газета*. 18 мая 1999, с.1.)

Россия и Индия обсудили проект строительства АЭС в Индии

Руководители Минатома РФ и комиссии по атомной энергии Индии наметили пути

реализации соглашения о строительстве в Индии атомной электростанции *Куданкулам*. На переговорах 28 апреля в Москве руководители делегаций министр РФ по атомной энергии Евгений Адамов и Раджагопала Чидамбарам обсудили широкий круг научно-технических и организационных вопросов по этому проекту.

На АЭС *Куданкулам* планируется соорудить два энергоблока с реакторами на легкой воде типа ВВЭР-1000. По мнению экспертов, стоимость поставляемого в Индию оборудования будет соответствовать мировым ценам. Строительство одного блока атомной станции обходится в среднем в два миллиарда долларов. В 1998 году Россия и Индия подписали контракт на технический проект строительства атомной станции. В его выполнении с российской стороны будут участвовать ВПО *Зарубежатомэнергострой*, АО *Атомэнергоэкспорт* и московский институт *Атомэнергопроект*. Минатом РФ ведет работы в Индии в рамках реализации подписанного 25 марта 1997 года дополнения к межправительственному соглашению между бывшим СССР и Индией от 1988 года о строительстве АЭС *Куданкулам*. (Россия и Индия обсудили проект строительства АЭС в Индии. *Интерфакс*. 29 апреля 1999.)

Россия предложили строить вторую АЭС в Иране

Минатом подтвердил существование официального предложения Тегерана России принять участие в строительстве второго энергоблока иранской АЭС *Бушер*. Представитель Минатома сообщил, что российская сторона уже готовит свои предложения относительно сооружения второго энергоблока. В то же время он не исключил, что иранская сторона, рассмотрев российские предложения, может передать контракт какой-либо другой стране. Тем более что ряд стран Евросоюза уже предложили Ирану возобновить сотрудничество в ядерной сфере, если он согласится на прямые инспекции своих атомных объектов. По мнению независимых специалистов, у российских атомщиков все же есть шансы получить контракт на второй энергоблок в Бушере. (Алексей Зайко. Атомная заноза в тело Америки. России предложили строить вторую АЭС в Иране. *Известия*. 12 мая 1999, с.1.)

Интервью**ВАЛЕНТИН ЕВСТИГНЕЕВ: «ШТАММ ЭБОЛЫ В РОССИЮ ПРИВЕЗЛИ РАЗВЕДЧИКИ»**

В издательстве Рэндом хаус вышла книга бывшего советского военного ученого Канатяна Алибекова «Биологическая угроза». В своем труде автор, бывший участником программы разработки биологического оружия в СССР в 1975–1991 годах утверждает, что советские ученые пытались превратить вирус-ВИЧ, вызывающий СПИД, в оружие. Причем, происходило это даже в то время, когда Михаил Горбачев пытался налаживать мирные контакты с Западом, что, тем не менее, не помешало ему отдать распоряжение о значительном расширении работ по превращению смертельно опасных бактерий и вирусов в оружие массового уничтожения. По словам автора книги, СССР неоднократно применял биологическое оружие в Афганистане, опыляя вирусом сапа позиции моджахедов, разрабатывал программы создания биологических боеголовок для крылатых ракет. Более того, по мнению Канатяна Алибекова, Москве удалось овладеть технологией перестановки генов, сделав, таким образом, болезнетворные микробы более устойчивыми к внешним факторам среды и менее поддающимися лечению.

Ряд серьезных американских СМИ, в частности, газета New-York Times, высказывает серьезные сомнения в достоверности изложенных автором фактов. Говоря о том, следует ли доверять источнику информации, газета приводит мнение сотрудников ЦРУ, знакомых с показаниями Канатяна Алибекова еще с 1992 года сразу после его переезда в США. «Они отзываются о нем, как об очень надежном источнике информации, по поводу фактов, о которых ему известно из первых рук, – подчеркивает газета. – Он в меньшей степени надежен, когда речь заходит о политических и военных вопросах, информацию о которых он получал из вторых рук».

Корреспондент журнала Ядерный Контроль Дмитрий Литовкин встретился с заместителем начальника войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) – начальником Управления по биологической защите МО РФ генерал-лейтенантом медицинской службы Валентином Евстигнеевым, чтобы из первых рук получить информацию о программе биологической войны, разрабатывавшейся в СССР, и тех мероприятиях, которые проводились в стране, чтобы ее не допустить.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Валентин Иванович, химическое и биологическое оружие сегодня находятся вне закона. Международные договоренности запрещают этот вид вооружений и Россия с этим согласна. В этом году мы начнем уничтожение 40 тысяч тонн химических отравляющих веществ, но о каких-то работах в плане биологического оружия ничего не слышно. Вверенные Вам войска биологической защиты остаются без каких-либо изменений в структуре МО РФ. Какие задачи они сегодня решают?

ЕВСТИГНЕЕВ: Хочу начать с того, что понятие биологическая защита появилось в 1992 году в период первого этапа реформы ВС. Управление образовалось на базе расформированного 15-го управления МО РФ, которое в советские времена создавалось и занималось разработкой средств защиты от биологического оружия и решало задачи по адекватному ответу на разработку биологического оружия иностранными государствами. Но после того, как в марте 1992 года президент России Борис Ельцин провозгласил отказ от биологических программ наступательного характера, 15-е

управление было расформировано. В новую структуру из всего коллектива управления была взята только небольшая часть сотрудников, они и составили костяк управления биологической защиты в структуре войск РХБЗ. Причем, хочу особенно отметить, что все офицеры, перешедшие в новую структуру до и после 1992 года, занимались исключительно созданием средств защиты от биологического оружия. Я, например, всю жизнь создавал вакцины против чумы.

По сравнению с прошлыми годами, наше управление теперь маленькое. Из служащих у нас тридцати офицеров только восемь биологи, остальные имеют инженерное образование и занимаются разработкой технических средств медицинской защиты. Это, прежде всего, системы диагностики возбудителей инфекционных заболеваний и токсинов, средств экстренной и специфической профилактики этих заболеваний, гаммаглобулинов, вакцин, новых антибиотиков, химиопрепаратов, средств дезинфекции и дезинсекции. Все эти задачи выполняются в единственном нашем научно-исследовательском институте Микробиологии МО РФ, расположенном в городе Кирове. Институт имеет в своем составе еще два научных центра: Екатеринбургский центр военно-технических проблем противобактериологической защиты и Вирусологический центр в Сергиевом Посаде. Только эти три учреждения задействованы во всех биологических программах МО РФ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь иностранные газеты часто утверждают, что на МО России работает и ряд сугубо гражданских научных учреждений. Например, не так давно, газета *New-York Times* опубликовала материал, в котором обвиняла ряд гражданских учреждений России в работе над наступательными биологическими программами и, в частности, упоминался Институт биоорганической химии (ИБХ РАН)...

ЕВСТИГНЕЕВ: Нас часто в чем-то обвиняют. Но реальность такова, что такие контакты действительно были, однако, только в советские времена. Сегодня из-за недостаточного объема финансирования МО РФ биологической тематики, небольшого объема проводимых нами работ, мы практически перестали контактировать с гражданскими научными учреждениями страны, так как платить за выполняемые в

наших интересах задачи нам нечем, да и нет таких проблем, которые бы мы не могли решить сами. Конечно, отдельные работы выполняются, но в таком мизерном количестве, что не представляют сколько-нибудь существенной доли во всех работах нашего управления по созданию систем биологической защиты.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не могли бы Вы назвать конкретные гражданские учреждения, с которыми работает управление биологической защиты МО РФ и какие задачи там выполняются в интересах армии?

ЕВСТИГНЕЕВ: Мы работаем с Новосибирским НПО *Вектор*, расположенном в поселке Кольцово. Генеральный директор этого научно-исследовательского центра Лев Сандахчиев помогает нам в разработке рекомбинантной вакцины против гепатита-В. Этот вирус переносится, прежде всего, при использовании нестерильного медицинского оборудования и инструментов. Эта проблема актуальна и при переливании крови больным, и в стоматологии. В результате заражения у больного может развиваться рак или цирроз печени. Препарат называется *Ревакс* и сейчас проходит доклинические испытания.

Если говорить о других контактах с гражданскими учреждениями, то по нашему заказу в Московском государственном научном центре антибиотиков разрабатывается новый антибиотик – *фторхиналон*. В обиходе он будет называться *пифлоксацин*. Но успех этого, пожалуй, единственного совместного проекта напрямую зависти от финансирования. Если мы будем нормально получать деньги от государства, то к 2000 году наша армия получит этот антибиотик широкого спектра действия. Это хороший препарат, правда, он не самый последний и не самый совершенный. Но мы считаем, что он полностью удовлетворит потребности вооруженных сил в интересах защиты от инфекционных заболеваний.

Если говорить в этой связи о конкретном предназначении наших военных филиалов, то в Екатеринбурге выполняются чисто технические – конструкторские работы по созданию технических средств защиты от биологического оружия. Кроме того, там проводятся технологические работы по производству некоторых вакцин, разрабатываются новые антибиотики и эуеобиотики. В Сергиевом Посаде

разрабатываются вакцины от наиболее распространенных вирусных заболеваний.

Как я уже сказал, военная биологическая программа МО РФ состоит из создания средств защиты общего и медицинского назначения. К средствам общего назначения относятся машины и приборы для биологической разведки, оценки биологической обстановки, прогнозирования развития эпидемиологической ситуации и для ликвидации последствий применения биологического оружия или естественных вспышек инфекционных заболеваний. Эта проблема для нас сегодня наиболее актуальна. Так как приборы биологической разведки, стоящие на вооружении российской армии, морально и физически устарели. Например, сигнализаторы об опасности биологического нападения – АСП (автоматический сигнализатор биологического нападения) имеют более чем тридцатилетний стаж работы в войсках.

Сегодня наши институты работают над одной из новых модификаций этого прибора в тесном контакте с Институтом биологического приборостроения – сугубо гражданским учреждением. Прибор сейчас проходит стадию государственных испытаний. В него заложены новые физические принципы работы, новая элементная база, в конструкции используется современная вычислительная техника. К сожалению, из-за недостаточного финансирования этой работы прибор разрабатывается уже восемь лет, и даже если мы завершим его разработку в этом или следующем году, то возникнут проблемы с его заказом в войска. Денег у министерства обороны на заказ подобной техники просто нет.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Зная, как работали в былые годы отечественные оборонные предприятия, трудно предположить, что весь объем конструкторских работ выполнялся ими самостоятельно. Создавались огромные кооперации разнопрофильных научно-исследовательских институтов, каждый из которых и решал свой конкретный комплекс проблем в рамках общей работы. Конечно, можно допустить, что из-за отсутствия средств МО РФ вынуждено опираться только на свои возможности по созданию средств противобиологической защиты. Так ли это?

ЕВСТИГНЕЕВ: Нужно сказать, что и в прошлом мы опирались только на свои силы. Объясняется это довольно просто – наши институты были единственными держателями государственной коллекции микроорганизмов, являющихся потенциальными агентами биологического оружия. Против этих возбудителей, поскольку мы являемся их хозяевами, мы и создаем вакцины и препараты защиты. Это стандартизованная коллекция с государственным реестром и этими микроорганизмами мы пользуемся, чтобы проверять эффективность созданных нами средств защиты.

Только штаммов сибирской язвы в нашей коллекции больше 100 образцов. Помимо последней, у нас есть еще чума, сеп, бруцеллез, туляремия, холера, продуцент ботулизма, лихорадки Эбола и Ласса, сыпной тиф... Это различные штаммы, отличающиеся различными свойствами, поэтому назвать точное количество всех экземпляров вирусов в коллекции я затрудняюсь. Для этого нужно специально вызывать начальника музея и по его картотеке проверять количество ампул с каждым видом биологического вещества. Но по объему это небольшая коллекция – от одной до пяти ампул одного возбудителя.

Если возникает необходимость поработать с каким-нибудь из возбудителей, он извлекается из коллекции, размножается и используется в работе. Таким образом, мы не только решаем свои повседневные рабочие вопросы, но и пополняем коллекционный материал. В количественном плане объем хранящихся у нас биологических веществ не превышает одного грамма, но если учитывать еще и питательную среду, то эти показатели максимум доходят до одного килограмма вещества. Держать эти возбудители в большом количестве нет нужды.

Для того, чтобы создать против каждого вируса надежное противоядие, нужно испытать целый набор средств для их обнаружения на объектах внешней среды. Мы должны, взяв пробу биологического вещества, точно сказать, с чем мы имеем дело – с бактериями, вирусами или риккетсиями, к какому классу они относятся.

Если мы успешно справились с определением вещества, то дальше должны заняться экстренной профилактикой. А вот в случаях с чумой нужно проводить дополнительную специфическую вакцинопрофилактику. Для этого разрабатываются различные вакцины.

Если возбудители инфекционного заболевания были обнаружены на объектах внешней среды, на обмундировании, предметах быта или в воздухе, то нужно делать дезинфекцию. Если возбудитель распространяется с помощью различных переносчиков – клещей, блох, вшей, комаров, то нужно уничтожить в первую очередь этих переносчиков, провести дезинсекцию. Но возбудитель может интегрироваться и в грызунов, которые являются переносчиками чумы.

В указанном комплексе исследований нужно проверять и средства коллективной или индивидуальной защиты военнослужащих. Мы должны точно знать достаточно ли надежны наши средства индивидуальной защиты: Л-1, ОЗК, как они защищают участки кожи от различных аэрозольных смесей возбудителей инфекционных заболеваний. Дальше мы должны знать защищает ли наш общевойсковой противогаз от различных аэрозолей. Надо проверять обитаемые отсеки вооружений и военной техники на предмет проникновения этих аэрозолей внутрь танка или боевой машины пехоты, или в какое-то закрытое фортификационное военное сооружение, бомбоубежище.

То есть все эти индивидуальные и коллективные средства защиты должны быть адаптированы к отражению возможной биологической атаки, гарантируя защищенность личного состава от поражения инфекционными заболеваниями. Нам нужно подобрать правильные средства дезинфекции, так как обработка внутренних помещений не должна нарушать нормальную работу электроники. Эти средства не должны вызывать коррозию, быть безопасными для человека. Для того, чтобы военнослужащие не дышали парами хлора, нам надо создавать специальные соединения дезинтегрирующие примеси.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы сказали, что одной из функций 15-го управления МО РФ была разработка адекватных наступательных средств. Что имелось в виду? Мы сегодня говорим об оружии, от которого собираемся защищаться. Но ведь ваши слова подразумевают, что и мы имели свои средства нападения. Что конкретно разрабатывали в Советском Союзе?

ЕВСТИГНЕЕВ: Дело в том, что по многим источникам, а мы ориентируемся на очень большое их количество, у нас существует специальный список биологических средств,

которых нам стоит опасаться. Такой перечень поражающих биологических агентов был составлен из данных разведывательных органов – КГБ и ГРУ. При составлении этого документа мы пользовались известными популярными книгами по биологической войне, исследованиями Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI). На основе всего этого был создан достаточно обширный перечень биологических агентов, в который вошло около 37 возбудителей различных заболеваний. Именно они и были взяты за основу для создания средств защиты. Наиболее опасными среди них являются: возбудители чумы, туляремии, сибирской язвы, бруцеллеза, мелиоидоза, натуральная оспа, восточный энцефалит лошадей, сыпной тиф, холера, желтая лихорадка, токсины ботулизма, энтеротоксин Б.

Создавая средства защиты, нужно было создать какую-нибудь копию – подобие средства нападения. Поэтому нужно было научиться выращивать возбудители, отработать технологию его накопления, сделать какие-то стабилизирующие питательные добавки, чтобы он был устойчив во внешней среде. Следующим шагом было создание средств доставки и применения этого биологического вещества. Все это было необходимо делать не только для создания вакцин, но и чтобы проверить средства нашей биологической разведки, выяснить плотность обсеменения территории при применении этого оружия. Весь этот цикл работ и был так называемой наступательной частью программы МО РФ, который создавал реальную адекватную угрозу, и в 1992 году был запрещен и ликвидирован.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Эти факты свидетельствуют о том, что СССР имел реальные наработки биологического оружия минимум 37 видов. Но как оказалось, перед нами стоит проблема сокращения химических боеприпасов, других видов вооружений, а вот о биологических боеприпасах ничего не говорится, потому что их просто не существует. Как же так получилось, что, имея конкретные наработки этого вооружения, оно так и не пошло в серию...

ЕВСТИГНЕЕВ: Действительно до 1992 года, благодаря нашей внешней разведке, добывшей как реальные образцы американских биологических боеприпасов, так и их технические чертежи, мы могли моделировать

реальные боеприпасы: одно-, двух-, трех-, четырехфунтовые авиабомбы. Мы даже вытаскивали их единичные образцы в своих лабораториях, проводили натурные испытания с участием животных на специальном полигоне в Аральском море на острове Возрождения. Но после 1992 года на все это был наложен строжайший запрет и теперь заражение животных мы проводим только путем прививок. И таким же образом проверяем эффективность наших защитных средств. А если нужно проверить средства биологической разведки, то мы испытываем их не на натуре, а на специально моделируемых ситуациях в лабораторных условиях с помощью имитаторов. Например, на том же вакцинном штамме, или берем какой-то непатогенный микроорганизм.

Что же касается вопроса, почему наши разработки так и не пошли в серийное производство, можно сказать только одно: биологическое оружие отличается от химического тем, что оно состоит из живых организмов. Процесс хранения последних очень затруднителен. Именно по этой причине их никто никогда не накапливал, стратегических запасов не создавал. Исключение могли составлять только токсины. Но поскольку у руководства СССР не существовало идеологической подоплеки проведения таких экспериментов и испытаний, программа не смогла набрать такого же серьезного масштаба, как разработка ядерного или химического оружия. Все эксперименты проводились, что называется, на всякий случай. В каком-то отношении это был блеф нашего руководства, давшего задание создать такое оружие, но никогда не воспринимавшего его всерьез как реальное средство нападения и тем более не строившего планов его применения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь Вы сказали, что проводили эксперименты по реальному испытанию биологического оружия на полигоне с участием людей?

ЕВСТИГНЕЕВ: Действительно такое учение было. Но за всю историю существования 15-го управления МО оно было единственным. В нем приняли участие 15 человек и несколько подопытных животных. Главной целью тогда ставилась проверка надежности наших общевойсковых противогазов и защитных костюмов, но никак не эффективность действия биологических веществ на организм нападающих.

Конечно, мы могли создать биологический арсенал токсинов, но не накапливали их только потому, что опять-таки, не было такой политической установки. Поэтому запасов биологического оружия в СССР не было и уничтожать нам сегодня нечего. Для нас существовала только одна проблема – уничтожить лабораторное и испытательное оборудование, которое могло вызвать подозрение, что мы продолжаем биологические эксперименты и готовы произвести какую-то крупную партию биологического вещества. Поэтому это так называемое *крупномасштабное оборудование* было ликвидировано еще в начале перестройки по приказу Михаила Горбачева в период до 1989 года.

В то время как раз начались трехсторонние переговоры между Великобританией, США и СССР о визитах на объекты, где могло разрабатываться биологическое оружие. Мы ездили на подозреваемые биологические объекты в США и Великобританию, и бывший тогда генеральным секретарем Михаил Горбачев принял решение заблаговременно уничтожить все демаскирующее, вызывающее сомнения в наших чистых намерениях приборы и установки. Заодно с оборудованием были уничтожены и емкости с биологическим материалом более пяти литров (колбы с биологическими ферментерами). Именно из-за этого предусмотрительного политического хода мы уже давно не представляем ни для кого угрозы и не имеем каких-либо демаскирующих признаков, что у нас есть какая-либо наступательная биологическая программа. Сегодня нас можно подозревать только в намерениях.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда Вы говорите, что нас можно подозревать в намерениях, что Вы подразумеваете под этим словом?

ЕВСТИГНЕЕВ: Прежде всего то, что мы еще окончательно не договорились с Западом о том, что будет называться биологическим оружием, какое оборудование или технологические установки считать потенциально способными его производить и что из этого списка нужно запретить. Не решен вопрос и с уровнем открытости в предоставлении иностранным инспекторам информации о том, над чем работают наши лаборатории сегодня. И причиной тому не только неуступчивость российской делегации. Есть очень много нареканий в адрес американцев, не согласных со многими

пунктами, способными существенно облегчить взаимопонимание между государствами и обеспечить надежный контроль над деятельностью научных лабораторий.

После распада СССР мы закрыли наш единственный биологический полигон в Аральском море, так как он отошел Казахстану, да и надобности по его дальнейшему использованию больше не было. Закрыв этот объект, мы вынуждены были провести целый комплекс мероприятий по дезинфекции всей его территории. Нами были ликвидированы все подопытные животные и с соблюдением необходимых норм захоронены в специальных могильниках. Некоторое научное оборудование было вывезено в Россию. Был проведен тщательный мониторинг всей территории острова, где мы проводили натурные испытания биологических боеприпасов. В экологическом плане мы оставили остров во вполне нормальном состоянии.

Но после нашего ухода с острова Возрождения на него высадился целый десант американских специалистов-биологов, главной задачей которых было определить, чем же здесь занимались русские. Американцы раскопали наши могильники, провели анализы тканей животных и сделали выводы о том, что на полигоне мы отрабатывали технологии боевого применения сибирской язвы. Этот факт говорит сам за себя. Пока у нас не будет договоренностей о том, что есть биологическое оружие, как его классифицировать, мы никогда не сможем поверить друг другу в искренности наших намерений.

Именно по этой причине, пока не будет разработан свод международных договоренностей по контролю за созданием биологического оружия, выработан механизм международных инспекций и очерчен круг необходимой для отчета документации, США и другие страны могут продолжать подозревать нас в нечистоплотных намерениях. Но я опять с полной ответственностью заявляю, что мы вели разработки наступательных биологических веществ, но они никогда не производились серийно и еще в 1989 году началось их уничтожение, в 1992 году мы прекратили и сами исследования в лабораториях по созданию биологического оружия массового уничтожения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы говорили, что пытались имитировать американские биологические боеприпасы. Значит ли это, что в США был разработан конкретный серийный образец носителя биологического оружия?

ЕВСТИГНЕЕВ: Совершенно верно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Наверное, у нас еще была возможность сравнить немецкие и японские трофейные боеприпасы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Наверное, да. Во время операции наших войск в Манчжурии в 1945 году были собраны трофейные образцы японского биологического оружия. Об этом есть документы в архивах, свидетельства очевидцев. Все это хозяйство было собрано на один теплоход и должно было быть отправлено в СССР. Но как это не покажется странным, теплоход бесследно исчез. Я думаю, что он мог стать жертвой японских ВМС или же был специально затоплен советскими моряками. К сожалению, история умалчивает об этом эпизоде. И поэтому от японцев мы ничего не получили.

Американцы, напротив, забрали командира японского отряда, разрабатывавшего оружие и плодотворно продолжали с ним работать и после войны. А на Нюрнбергском процессе в Германии суду представили рядовых участников этой программы. Что же касается немецкого биологического оружия, то на этот счет не существует каких-либо документов. Хотя были сведения, что немецкие ученые ставили опыты на военнопленных. Но так как Гитлер был боктериофобом, очень боялся лично заразиться какими-нибудь вирусом, биологическая программа третьего рейха так и не вышла из стен научных лабораторий. Поэтому о немцах и их биологической программе у нас достаточно скудные сведения.

В итоге биологическое оружие СССР стало одной из отечественных военных *страшилок*, созданных руками наших ученых. Для этого нам не пришлось воровать где-то вирус и их штаммы, всего этого добра у нас хватало с избытком. Большинство биологических веществ, входящих в список 37 наступательных средств, являются для России эндемическими заболеваниями. Их изучением наши ученые-биологи занимались еще с царских времен.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что же кроме политической воли государственных мужей помешало нам развернуть крупномасштабное изготовление биологических боеприпасов?

ЕВСТИГНЕЕВ: Перейти к адекватному ответу? Американские бомбы попали к нам в начале пятидесятых годов, и мы ими пользовались буквально до начала восьмидесятых годов. Этого вполне хватило для отработки своих защитных систем и возможных теоретических разработок создания наступательных технологий. Кроме того, я думаю, что существовала конкуренция среди видов оружия массового уничтожения. Все внимание было уделено, прежде всего, ядерному оружию, как самому эффективному средству нанесения неприемлемого ущерба противнику. Мы даже водородную бомбу изобрели и взорвали раньше американцев. Поэтому все средства государства и ученые умы были, прежде всего, направлены на это. Успешно развивалось химическое оружие, мы накопили его 40 тыс. т. А бактериологическое оружие плохо хранилось, было сложно в эксплуатации и имело ретроградное действие, ударив по неприятелю можно было получить ответ своими же вирусами по собственным войскам. Все эти факторы и удерживали от создания реального носителя биологического оружия и разработки теории его применения. А для того, чтобы блефовать, достаточно было иметь научный потенциал и имитировать хоть какую-то деятельность в этой области.

Во многом именно так сегодня пытаются блефовать Ирак и Иран. Эти государства имеют реальную современную биологическую промышленность, основу которой создали сами американцы, поставляя в прошлом в эти страны технологическое оборудование и обучая персонал предприятий. Теперь США и страны НАТО переживают, как бы страны экстремистских режимов не применили против них биологическое оружие, когда они сами и помогли им создать предпосылки для его появления. Я лично оцениваю эту ситуацию, как типичный блеф с целью шантажа мирового сообщества. В Иране и Ираке скорее всего нет биологического оружия, но есть прекрасное понимание политической элитой государства прелестей нагнетания страстей вокруг этой темы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Мы с Вами говорили, что у СССР не было причин создавать реальные образцы биологического оружия. Но давайте

представим, что такая необходимость все же появилась. Сколько дней нам бы потребовалось, чтобы развернуть серийное производство биологического оружия?

ЕВСТИГНЕЕВ: После того, как ученые-генетики высказали мнение, что можно видоизменить свойства возбудителя с помощью генетических манипуляций, получить биологическое вещество, более устойчивое к действию внешней среды и более эффективно проникающее через защитные клетки организма, в начале семидесятых годов было принято постановление правительства о разворачивании генетических исследований и более серьезном изучении биотехнологий. Биологическое оружие при всех его тактических минусах все же самый дешевый в производственном плане вид оружия массового уничтожения. Внедрение этих технологий сулило бы большой экономический эффект при минимальных денежных вложениях. Поэтому и было создано специальное министерство – *Биопром*, которое должно было изучить эти возможности и максимально приблизить наши наработки к их возможному серийному производству.

В последствии *Биопром* переименовали в министерство медицинской промышленности. И по аналогии с нашими институтами был создан ряд НИИ в городе Оболенске Московской области, в Серпухове институт Иммунологии, в Новосибирске в поселке Кольцово институт вирусных риккетсий – НПО *Вектор*, была рассмотрена возможность создания промышленной базы для производства наступательных биологических препаратов и их носителей. Но эта программа не вышла на пиковую фазу своего развития.

Причиной тому все та же политическая обстановка в стране. Если бы не Михаил Горбачев и его окружение, может быть у нас были бы какие-то промышленные предприятия, готовые в любой момент приступить к массовому производству компонентов биологического оружия. Наверное, можно только приветствовать, что эта программа так и не была реализована и не нашла своего продолжения. И созданный в дальнейшем РАО *Биопрепарат* на базе министерства медицинской промышленности, в который вложили огромные валютные средства страны, в итоге стал самым современным фармакологическим гражданским центром России, который

занимается исключительно мирными медицинскими проблемами.

Я думаю, что такой поворот в судьбе нашей наступательной биологической программы можно только приветствовать. Хотя как всегда остается привкус огорчения за наши военные институты, которые в очередной раз, дав толчок для развития гражданской промышленности, сами остались без современного оборудования и средств существования.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда мы говорим о биологических средствах нападения, вы постоянно повторяете, что это аэрозоли, жидкости или порошки. Но я помню из детства, что самым распространенным плакатом по гражданской обороне был тот, на котором дружинник сметал метлой в ящик разбегающихся из него жуков или тараканов. Почему исследователи остановили свой выбор именно на жидких аэрозольных формах биологического оружия?

ЕВСТИГНЕЕВ: Вы понимаете, все, кто создает оружие, всегда хотят получить быстрый эффект от его применения. По нашему мнению, самым надежным способом распространения возбудителей инфекционных заболеваний будет создание аэрозоля, несущего в каждой своей частице возбудитель инфекционного заболевания. Человек, вдыхая такой воздух, сразу же заражается. Можно использовать переносчиков заболевания, но здесь вероятность получения нужного эффекта намного ниже. Переносчик вируса либо сам погибнет, либо не найдет солдата. Потом укус через кожу всегда менее опасен, чем вдыхание зараженного воздуха. Японцы в свое время использовали в своих снарядах, зараженных чумой блох, по-видимому, со времен второй мировой войны эти насекомые и ассоциируются на всевозможных плакатах с образом биологического оружия.

Есть и еще одна причина. Порошок или жидкость распылил – и она полетела. А, например вошь, – тяжелая, она не полетит по воздуху. Комаров, вшей их трудно распространить по площади. Их, конечно, можно распылить, но опять-таки они быстро упадут в месте распыления, и зона поражения будет небольшой. Хотя появление колорадского жука, который поедает картофель на российской земле, с нашей точки зрения, очень подозрительно.

В прошлом году в Саратовской области мы, например, боролись с саранчой, чуть не погубившей весь урожай пшеницы. Когда стали разбираться с тем, какого вида эти насекомые, то оказалось, что их родина – далекий от Поволжья Апеннинский полуостров. Вот и решайте, что это природный казус или скрытая форма диверсии.

Тем более, что не так давно американцев уличили в том, что они сбросили на Кубу какой-то контейнер с насекомыми уничтожающими сахарный тростник. Кубинцы после этого даже обращались в ООН, чтобы было проведено расследование этого случая. Иногда, в качестве скрытого диверсионного применения могут быть использованы переносчики возбудителей, но как оружие для большой биологической войны они непригодны.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но я думаю, что даже в эпоху глобального противостояния в мире никто всерьез не воспринимал возможность крупномасштабной биологической войны?

ЕВСТИГНЕЕВ: Я думаю, что да. Скорее рассматривались возможности какой-то показательной диверсионной акции. Именно поэтому вопросы защиты от биологического оружия принимает в современном мире несколько иной оборот, чем несколько десятков лет назад, когда начинались эти работы. Современная лабораторная техника позволяет легко производить самых опасных инфекционных возбудителей даже в самых непригодных для этого условиях. А это, в свою очередь, влечет возрастание риска биологического терроризма.

В США, например, было раскрыто несколько групп биологических террористов. Они внесли сальмонеллы в маленьком придорожном кафе в продукты питания. Около двухсот человек, пообедавших в этом заведении, были госпитализированы. Одного шизофреника поймали за попыткой купить возбудителей чумы. Во всяком случае, даже у нас, в России, один из чеченских полевых командиров угрожал применить биологическое оружие. И такую угрозу нельзя недооценивать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но как, по Вашему мнению, может развиваться сценарий такого террористического акта?

ЕВСТИГНЕЕВ: Для специалиста-биолога в этом большой проблемы нет. Добыть биологический агент для создания оружия, что совсем нетрудно, и действовать. Например, была история с 201-й дивизией в Таджикистане, когда один полевой командир из Афганистана (я сейчас не помню точных оперативных данных, но, кажется, он был обучен в Пакистане) познакомился с медицинской сестрой в госпитале, та собрала для него мочу человека, больного гепатитом. Этой мочой обмыли арбузы и дыни, часть ее вводилась шприцем внутрь плодов. Затем зараженные арбузы и дыни по очень низкой цене продали на пути следования наших воинских подразделений. Конечно, солдаты с удовольствием покупали эту бахчу и в результате все заболели гепатитом. Этот случай, произошедший в 1995 году, можно считать классическим примером биологического терроризма.

Теперь, например, возьмем другую ситуацию. Кто мешает террористу договориться с работниками особо опасных лабораторий, где работают с возбудителями? Достаточно вынести всего один грамм биологического вещества, разложить его на питательной среде и оружие готово. Причем такой питательной средой может быть тот же мясной бульон. Ну, а дальше, имея этот размноженный возбудитель, можно его разливать в общественных местах, смачивать фрукты или канцелярские принадлежности, да хотя бы те же ручки дверей, распылять через вентиляционные системы. Вот вам и терроризм.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Если это так, то, наверное, уже существует перечень наиболее вероятных биологических угроз для населения России? Тем более, когда в рамках вооруженных сил ваш потенциал сегодня несильно задействован. На какие действия вы сегодня ориентированы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Мы, прежде всего, готовимся к отражению именно таких случаев терроризма. Причем мы тут не пионеры, читаем соответствующую зарубежную литературу, переводим статьи о том, какой экономический ущерб может быть нанесен стране в случае применения террористическими группами биологического оружия. Американцы провели такие расчеты и смоделировали применение биологических средств против города, в котором проживает около 100 тыс. человек. Они проводили этот расчет для выяснения размеров страховых

взносов на создание запасов средств защиты от биологического оружия. И они просчитали, что с точки зрения экономики, лучше иметь запасы вакцин, которые, к слову, ежегодно нужно заменять, чем потом проводить ликвидационные мероприятия, локализуя последствия теракта. Поэтому и мы, познакомившись с этими работами, пришли к выводу, что и нам не мешало бы предпринять аналогичные меры безопасности. Ну, а поскольку средства обнаружения, идентификации и защиты от действия биологического оружия мы в Вооруженных силах давно отработываем и умеем делать, то можем успешно решить эту проблему.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как будет выглядеть эта программа?

ЕВСТИГНЕЕВ: Как она выглядит?.. Это обычный блок вопросов, примерно такой же, который мы с Вами только что обсудили.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь мы же живем в России...

ЕВСТИГНЕЕВ: Я вам должен сказать, что в СССР была учреждена специальная программа. Над ее реализацией трудились около 15 министерств и ведомств и около 100 научно-исследовательских институтов. И все эти организации вели разработку средств защиты. Сегодня такой государственной программы по сути нет. Мы обязаны каждый год докладывать ООН о наличии такой программы, и мы пишем, что она у нас есть. Но фактически над ее созданием трудится только один наш военный институт.

Над банальными инфекциями, такими как грипп, туберкулез, СПИД, гражданские институты еще работают. Но если кто-то применит настоящую боевую заразу, то вся надежда будет только на военных. И у нас, конечно, найдутся силы и средства, чтобы защитить людей. Мы – единственные в стране, кто продолжает работать с возбудителями, с которыми гражданские медики не работают: геморрагических лихорадок Эбола, Марбурга, Ласса. В этот список можно добавить еще и сибирскую язву, с которой хотя и работают гражданские институты, но вакцину выпускает только наш военный институт в Екатеринбурге. Мы полностью обеспечиваем всем необходимым всю Российскую Федерацию и даже поставляем часть препаратов за рубеж.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Это все очень интересно, тем более, что, например, в истории с разработкой вакцины от вируса Эбола у нас не было даже образцов зараженной этим заболеванием крови людей, американцы, уже много лет безуспешно борющиеся с этим заболеванием, отказались помочь нам с образцами крови. Как же удалось решить эту сложную проблему, создать вакцину, да еще и предложить ее на экспорт?

ЕВСТИГНЕЕВ: Мы, если говорить корректно, создали не вакцину, а гамма глобулин. Дело вот в чем. В последние годы резко возросли миграционные потоки, подвижность нашего населения. Причем, в Африку сегодня ездят не только дипломатические работники и туристы, но есть целая категория россиян, имеющих там постоянную работу. Поэтому угроза, что наши граждане могут заразиться экзотическими заболеваниями типа геморрагических лихорадок Эбола, Денге, Марбурга, возросла в несколько раз по сравнению с советскими временами. Знать и уметь отличить эти болезни – наша прямая обязанность. Мы должны быть уверены, что человек болен не гриппом, а лихорадкой Эбола. При этом с этими болезнями и их симптомами должны быть знакомы и российские гражданские медики, а не только военные, которые с ним всегда и работали.

В 1997 году у нас произошел такой случай. Приехали два летчика из Заира в Старый Оскол и заболели непонятной лихорадкой, у врачей местной больницы сразу же возникло опасение, что это лихорадка Эбола, так как в Африке в это время была ее эпидемия. Когда начали искать специалистов, способных лечить это экзотическое заболевание, оказалось, что они есть только в армии. Генерал-майор медицинской службы Александр Махлай, который возглавляет Вирусологический центр в Сергиевом Посаде, и, кстати, получил звание Героя России за изобретение гамма глобулина от лихорадки Эбола, с еще одним сотрудником института поехали в Старый Оскол. Там они продиагностировали больных, обнаружили, что летчики больны малярией. Заодно потренировали персонал инфекционного отделения госпиталя, чтобы они научились работать в режиме отделения по особо опасным вирусным заболеваниям. А когда наши люди вернулись из командировки, мы приняли решение, что такие случаи могут

повторяться впредь, и нам что-то нужно делать. Тем более, что штамм Эбола у нас был.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Откуда, ведь летчики оказались больны малярией, а американцы нам отказали в ее штаммах?

ЕВСТИГНЕЕВ: Верно. Штамм попал к нам из конфиденциальных источников...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Это значит, что наша внешняя разведка справляется с возлагаемыми на нее функциями?

ЕВСТИГНЕЕВ: Можно считать, что и так... И уж, поскольку возбудитель Эбола у нас был, мы решили создать гамма глобулин. Но начинать пришлось с самого начала. Мы не знали, что это за возбудитель, как с ним работать и какие меры предосторожности принимать, на чем он растет. Цикл этих очень опасных работ мы сделали. Для подтверждения работоспособности препарата, нам нужно было вакцинировать вирусом лошадей. Не знаю, как можно описать сложность работы с лошадью, зараженной вирусом Эбола, со здоровым животным справиться-то непросто, а нам приходилось работать в специальных средствах защиты. Малейшая оплошность, прорыв перчатки и последствия могли быть самыми печальными. Одна из наших сотрудниц погибла, выполняя опыты. Она порвала защитные перчатки, но из-за того, что это произошло накануне новогодних праздников, она скрыла этот факт от руководства института. В результате, когда женщина обратилась за помощью к врачу, было уже поздно.

В последствии от зараженных вирусом Эбола лошадей мы получили кровь, простерилизовали ее, выделили гамма глобулин. Потом мы научились делать иммуноглобулин не из чистого вируса, а из иммунных комплексов. Проверили мы этот препарат сначала на животных, потом на добровольцах, убедились, что он имеет нормальную фармакинетику и сможет защищать от болезни не только обезьян, мелких лабораторных животных. Мы сочли возможным представить наше изобретение, как полноценный фармацевтический препарат. Когда в Африке произошла новая вспышка лихорадки Эбола, мы предложили всемирной медицинской организации 150 доз препарата. Те, в свою очередь, сразу же поделились нашим препаратом с американцами, которые и подтвердили, что это настоящий гамма глобулин обладающий всеми

профилактическими свойствами, но пока не лечащий само заболевание. Дело в том, что когда лихорадка уже развилась, он бесполезен, но в начальной стадии, когда есть только подозрение на возможность заболевания, он полностью защищает человека от смертоносного вируса Эбола.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Имея такие перспективные наработки, ваше ведомство находится в столь печальном финансовом положении. Мне кажется, что это достаточно парадоксально. Я помню, что перед операцией *Буря в пустыне* к вам обращалось командование армии США с просьбой продать партию вакцин от сибирской язвы. Думаю, есть и другие предложения...

ЕВСТИГНЕЕВ: Предложения-то есть, но не все из них мы можем реализовать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы отказали американцам, которые просили вакцину от сибирской язвы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Все достаточно банально. Так как американцы наши вероятные противники по годам *холодной войны*, то вопрос о предоставлении наших образцов военных вакцин долго согласовывался с различными государственными инстанциями. В итоге США, имевшие четкие сроки начала операции *Буря в пустыне*, купили вакцину у Китая. Но я думаю, что главной причиной все-таки были не бюрократические рогатки, а нежелание государства делиться своими военными секретами в столь щепетильной сфере, как биологические разработки, ведь за ними очень большое будущее. И уж если быть совсем откровенными, то те 37 биопрепаратов, о которых мы с Вами говорили, – это всего лишь первое поколение биологического оружия. Сегодня во многих точках мира работают уже над третьим...

Вышли в свет в апреле – июне 1999 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 09. Том 53. Май 1999.* В номере: «Политическая ситуация в России после отставки правительства Евгения Примакова», «Нефть и газ – стратегические инструменты внешней политики России» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 10. Том 54. Май 1999.* В номере: «Контуры думской предвыборной кампании и политические технологии как инструмент предвыборной борьбы», «Переход белорусского президента на российское политическое поле неизбежен, но он будет сопровождаться сменой его стратегии», «Украина на сером рынке вооружений» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 11. Том 55. Июнь 1999.* В номере: «Четыре угрозы правительству: справится ли с ними Сергей Степашин?», «Аналитики ПИР-Центра оценивают итоги ядерного заседания Совета безопасности», «Россия после кризиса и накануне парламентских и президентских выборов» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Серия «Доклады ПИР-Центра».* Доклад №5. Иван Сафранчук. «Тактическое ядерное оружие в новом мире и нестратегические ядерные силы России». По вопросу приобретения доклада обращайтесь по тел. (095) 335-1955.

(см. также с.9)

Анализ**КАСПИЙ: ПЕРИФЕРИЯ ИЛИ НОВЫЙ ЦЕНТР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ?****Юрий Федоров**

кандидат исторических наук, член Совета ПИР-Центра

К середине девяностых годов вокруг каспийского региона завязались сложные узлы обостряющихся экономических и политических противоречий. В проблемы вокруг Каспия оказались вовлечены как практически все региональные государства, так и многие ведущие державы современного мира. В значительной мере, а может быть и полностью, это обусловлено перспективами освоения углеводородных ресурсов, находящихся под дном Каспийского моря и в прилегающих к нему районах.

На протяжении нескольких лет в средствах массовой информации, а во многом и в серьезных стратегических калькуляциях доминировали весьма оптимистические оценки будущей роли данного региона в мировом энергетическом балансе. Общим местом, например, стало упоминание Каспия как *Персидского залива XXI века*. В последний год, однако, широко распространились иные, пессимистические представления. Стали утверждать, что Каспийский регион останется *пренебрежимо малой величиной* на мировом энергетическом рынке, особенно в условиях падения цен на нефть. Последнее считается сегодня явлением долгосрочного порядка, несмотря на заметный рост нефтяных цен в первой половине 1999 года.

Все это ставит несколько вопросов. Какова реальная роль каспийского региона в удовлетворении будущих потребностей в энергии? Каково влияние ценового *антикризиса* на перспективы освоения каспийских месторождений нефти? Что будет означать появление ее новых источников в этой зоне для России?

Причины расхождений в оценках энергетических ресурсов каспийского региона

Анализ экономических и политических перспектив каспийского региона затруднен серьезными расхождениями в оценках имеющихся там запасов нефти. Этому есть несколько причин. Прежде всего, в геологических, технических и экономических исследованиях используются различные категории данных, характеризующих

углеводородные месторождения, начиная от подтвержденных бурением запасов, извлекаемых с помощью имеющихся технологий, добыча которых экономически эффективна, и кончая прогнозными оценками ресурсов, полученными на основе изучения геологической структуры крупных регионов. Разница между соответствующими показателями может достигать нескольких десятков раз. Поэтому сколько-нибудь объективный анализ любой информации, относящейся к запасам и/или ресурсам углеводородов, невозможен без ясного указания той их категории, о которой идет речь. Дополнительные сложности возникают в связи с тем, что в разных странах используются различные системы оценки месторождений, со своей весьма специфической терминологией, оперировать которой со знанием дела могут лишь специалисты. Однако практически все они так или иначе проводят принципиальную грань между оценками, полученными в результате разведочного бурения и предположениями, основанными на анализе итогов геологических и геофизических исследований, в том числе сейсморазведки¹.

В этой связи важно подчеркнуть, что к 1999 году большая часть оценок энергетических ресурсов каспийского региона, в том числе запасов нефти, особенно находящихся под дном Каспийского моря, относилась к числу прогнозных, исходящих из интерпретации геологических и геофизических данных, добытых, прежде всего, в процессе сейсмической разведки. Дальнейшее же изучение подводных структур Каспия затруднено нехваткой необходимого оборудования, в первую очередь так называемых плавающих полупогруженных буровых платформ, способных прокладывать скважины глубиной несколько километров².

Между тем, характеристиками месторождений и другими геологическими и технико-экономическими данными часто манипулируют в политических и иных целях. Правящие элиты новых прикаспийских государств, крайне заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций.

Поэтому они склонны преувеличивать предполагаемые запасы нефти и газа на соответствующих территориях. В частности, типичным приемом является использование прогнозных оценок в тех случаях, когда речь, по сути дела, должна идти о доказанных запасах. Разумеется, такого рода уловки хорошо понятны специалистам, в том числе работающим в нефтяных компаниях, в той или иной мере интересующихся ресурсами Каспийского моря. Однако ажиотаж в средствах массовой информации и в политических кругах часто оказывается важным фактором в принятии инвестиционных решений особенно, когда проводятся углубленные геологические исследования, призванные определить и уточнить запасы нефти и газа.

Наряду с понятным стремлением преувеличить энергетические ресурсы каспийского региона, существует и серьезная заинтересованность в их преуменьшении. Так, в России часто – и не без оснований – опасаются, что появление на мировом рынке каспийских энергоресурсов может существенно ухудшить условия экспорта российской нефти, особенно, если цены на нее останутся низкими. Неслучайно поэтому в российских средствах массовой информации часто подчеркивается, что углеводородные ресурсы каспийского региона постоянно преувеличиваются, тогда как на деле они вряд ли заслуживают того внимания, которое им уделяется в последние годы.

Помимо оценок пригодных для разработки запасов нефти и газа в каспийском регионе типичным объектом манипуляций со стороны разного рода политических сил и экономических субъектов является стоимость их транспортировки к основным районам потребления. Между тем (как это будет подробно показано в дальнейшем) именно стоимость транспортировки в нынешних ценовых условиях является ключевым фактором, определяющим перспективы каспийских нефтяных ресурсов на мировом рынке.

Далее, российские специалисты до последнего времени, как правило, оперировали с цифрами, полученными при изучении каспийского региона во время существования Советского Союза. Однако после его распада проводились весьма интенсивные исследования, особенно на шельфе Каспийского моря, результаты которых принадлежат не российским организациям, а правительствам новых

независимых государств и нефтяным компаниям. Между тем, в России часто ссылаются именно на результаты советских изысканий.

Кроме того, важно иметь в виду рассматриваются ли в каждом конкретном случае ресурсы, находящиеся, собственно, под дном Каспийского моря или же в регионе в целом. Последние, в частности, должны учитывать очень крупные запасы газа в Туркмении, гигантские газовые месторождения в районе Астрахани в России и в Карачаганаке на северо-западе Казахстана, уникальное Тенгиз-Королевское нефтяное месторождение на казахстанском берегу Каспийского моря и многие другие залежи углеводородов в регионе³.

Наконец, результаты геологических исследований и технико-экономических разработок являются, как правило, коммерческой тайной. Поэтому, политики, независимые эксперты, не говоря уже о масс-медиа, не имеют необходимой информации для того, чтобы оценить достоверность тех или иных оценок, вычленив дезинформацию и так далее.

Все эти факторы способствовали тому, что вокруг энергетических ресурсов Каспия сложилась совокупность мифов, запутанная система относительно достоверных и заведомо искаженных оценок, что серьезно затрудняет анализ и прогноз развития событий в каспийском регионе, и его роли в мировой политике и экономике. Тем не менее, некоторые существенные выводы можно сделать на основе сопоставления информации, появившейся в последние годы в различных открытых источниках.

Нефтяные ресурсы Каспия

Необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что во второй половине девяностых годов в новых независимых государствах каспийского бассейна – Азербайджане, Казахстане и Туркмении (именно о них, в первую очередь, идет речь при обсуждении нефтяных перспектив региона) – добывалось примерно 1,3–1,5% мирового потребления нефти и от 13 до 14% ее производства в России. Иными словами, каспийский регион действительно играет пока маргинальную роль в глобальном нефтяном балансе.

Вместе с тем, потенциальные возможности этих стран примерно в два раза больше, чем их нынешняя роль в мировом производстве

нефти. Во второй половине девяностых годов мировые доказанные запасы нефти, добыча которых экономически эффективна, оценивались примерно в 139 млрд т (чуть больше одного триллиона баррелей)⁴. В свою очередь, согласно наиболее авторитетным оценкам, принадлежащим американским правительственным ведомствам, доказанные запасы нефти в каспийском регионе, как под дном Каспийского моря, так и в окружающих его районах составляет от 2,1 до 3,9 млрд т

(15,4–29,0 млрд баррелей) или от 1,5 до 2,8% мировых доказанных запасов нефти. Если же учесть возможные или прогнозные ресурсы, то общее количество нефти, которое может находиться в каспийском регионе, достигнет 24–26 млрд т (или 178–191 млрд баррелей). Поскольку прогнозные ресурсы нефти на планете оцениваются в пределах от 270 до 440 млрд т, то доля каспийского региона в них может составлять от пяти до девяти процентов⁵.

Таблица 1. Производство нефти в России и новых независимых государствах Каспийского бассейна за период 1990–1997 годы (млн т)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Россия	516	462	399	354	318	307	301	306
Казахстан	25,8	26,6	25,8	23,0	20,3	20,5	23,0	25,8
Азербайджан	12,5	11,7	11,1	10,3	9,6	9,2	9,1	9,0
Туркмения	5,7	5,4	5,2	4,9	4,4	4,7	4,4	5 (оценка)
Узбекистан	2,8	2,8	3,3	3,9	5,5	7,6	7,6	7,9
Каспийский регион	46,8	46,5	45,4	42,1	39,8	42,0	42,0	47,7

Источники: Каримова Г. Политико-экономические реформы в Узбекистане. Ташкент, 1995, с.42; *Коммерсант-Daily*, 25 февраля 1998; БИКИ, №146, 14 декабря 1996, с.2; *Russian Petroleum Investor*, December 1997/January 1998, p.37; *Russian Petroleum Investor*, February 1998, pp.26, 63; *Interfax Petroleum Report*, 6–12 February 1998, pp.15, 16, 18; *Interfax Petroleum Report*, 20–26 February 1998, p.2; *Interfax Petroleum Report*, 6–12 March 1998, p.5; *Interfax Petroleum Report*, 20–26 March 1998, pp.4, 12

Таблица 2. Доказанные запасы и прогнозные ресурсы нефти в новых независимых государствах каспийского бассейна (млрд т)

	Доказанные запасы	Прогнозные ресурсы	Всего
Азербайджан	0,5–1,5	3,7	4,2–5,2
Казахстан	1,4–2,2	11,6	13,0–13,8
Туркмения	0,19–0,20	4,4	4,6
Узбекистан	0,03–0,04	0,1	0,1
Всего	2,1–3,9	22,0*	24,2–25,9*

* Включая ресурсы прикаспийских районов России и Ирана.

Источник: *Caspian Sea Region*, October 1997, U.S. Energy Administration, <http://www.eia.doe.gov>

Наиболее важной характеристикой, позволяющей оценить место Каспийского региона в мировом энергетическом балансе, является его экспортный потенциал. По оценкам министерства энергетики США, экспорт нефти из стран Каспийского бассейна к 2015 году может составить от 100 до 200 млн т в год⁶. Сами по себе эти цифры невелики. Они эквивалентны 3,5–7% нынешней мировой добычи. Нижние границы этого прогноза совпадают по порядку величины с представлениями российских специалистов. Так, по словам директора ВНИИ *Зарубежгеология* Владимира Высоцкого, «примерно через 10–15 лет после ввода новых месторождений Азербайджан и Казахстан смогут извлекать из недр соответственно 40 и

70 млн т в год»⁷. Аналогичные по порядку цифры были названы экспертами Мирового энергетического агентства, которые оценили экспортный потенциал Азербайджана в 2010 году в 28–29 млн т нефти, Казахстана – в 56–58 млн т, Туркмении – в 17–28 млн т⁸. Планы, разработанные руководством прикаспийских государств, предполагают несколько большие объемы добычи и экспорта. Однако эти прикидки отражают, по-видимому, наиболее оптимистические варианты, тогда как реальные процессы, как правило, развиваются по иным, менее благоприятным сценариям.

Вместе с тем, нельзя не учитывать результаты геологических и геофизических исследований, проведенных в 1993–1997 годах, которые

стали известны в последнее время и которые, как можно предположить, не были приняты во внимание при разработке в середине десятилетия упомянутых только что прогнозов. Так, в казахстанском секторе Каспийского моря была открыта структура Кашаган, прогнозные ресурсы которой оцениваются примерно в шесть миллиардов тонн нефти⁹. Если эти оценки подтвердятся, то она попадет в число уникальных, сверхкрупных месторождений мирового масштаба. В Туркмении объявлено об открытии больших месторождений нефти в восточной части страны, в бассейне реки Аму-Дарья, где по словам туркменского руководства, может находиться в общей сложности до восьми миллиардов тонн нефти¹⁰. Крупные запасы нефти, до 600 млн т, имеются, как считают многие специалисты в российском секторе Каспийского моря.

Эти открытия, возможно, могут изменить представления о прогнозных ресурсах региона, но в ближайшее время вряд ли скажутся на оценках имеющихся там достоверных запасов, разработка которых может быть экономически эффективной. При этом важно иметь в виду, что расходы на освоение и эксплуатацию указанных структур, в частности, Кашагана, могут быть весьма велики, поскольку инфраструктура в прилегающих прибрежных районах (причалы, склады, трубопроводы, подъездные пути и другие коммуникации, жилье и так далее) развита крайне слабо.

Можно приводить также многие другие оценки и расчеты, но все они так или иначе сводятся к тому, что производство нефти в новых независимых государствах каспийского бассейна в ближайшие 10–15 лет может достигнуть 100–200 млн т в год, а экспорт – 100–150 млн т. Однако оценить роль каспийской нефти в структуре будущего мирового нефтяного рынка в настоящее время весьма трудно. *Во-первых*, как показывает опыт разведочного бурения на находящейся на азербайджанском шельфе структуре Карабах, нет уверенности в том, что все намеченные к освоению участки содержат углеводороды. *Во-вторых*, азиатский экономический кризис и падение цен на нефть могут весьма серьезно сказаться на перспективах каспийского региона. *В-третьих*, пока нет ясности относительно того, какова будет стоимость транспортировки каспийских нефти к районам их потенциального потребления.

Неудача на Карабахе

Структура Карабах, находящаяся в северной части азербайджанского сектора Каспийского моря на расстоянии около 120 км от берега, считалась одной из наиболее перспективных. Она была открыта еще в 1965 году, но из-за сложного геологического строения и большой глубины предполагаемого залегания нефти – около 3800 м под дном моря ее детальное изучение в советское время не проводилось. Накопленные ко второй половине девяностых годов данные сейсмической разведки позволяли предположить, что там могут быть добыты от 80 до 130 млн т нефти. Международный консорциум – Каспийская международная нефтяная компания, предназначенный для детального исследования, а затем – эксплуатации Карабаха был создан 10 ноября 1995 года. В его состав вошли российский *Лукойл* (12,5% акций), американский *Пензойл* (30% акций), итальянский *Адживит* (5% акций), азербайджанская государственная нефтяная компания ГНКАР (7,5% акций) и совместное предприятие *Лукаджит* (45% акций), созданное *Лукойлом* и *Адживитом*¹¹.

Разведочное бурение на Карабахе началось летом 1997 года. К ноябрю 1997 года была пробурена первая скважина, которая дала негативные результаты, обнаружив лишь некоторый приток газа. Вторая скважина, прокладка которой проходило с апреля по июль 1998 года, показала наличие газоконденсата. Третья – завершенная 18 ноября 1998 года дала свидетельства наличия небольших количеств нефти. На основе разведочных работ, в том числе бурения до глубин 3700–3800 м, которые обошлись консорциуму примерно в 120 миллионов долларов, была подсчитана величина извлекаемых запасов нефти – от шести до восьми миллионов тонн и природного газа – от 11 до 27 млрд куб м. Дальнейшие работы на Карабахе признаны бесперспективными¹².

Эти итоги работы Каспийской международной нефтяной компании часто интерпретируются как доказательство того, что нефтяные ресурсы Каспийского моря крайне преувеличены, что сколько-нибудь серьезных перспектив у этого региона нет. Однако такой вывод, по меньшей мере, преждевременен. Прежде всего, статистика свидетельствует, что лишь около 25% геологических структур, предполагавшихся после сейсмических исследований перспективными с точки зрения наличия нефти или газа, являются таковыми на деле. Как правило, сейсморазведка

выявляет подземные полости, ограниченные своеобразными соляными куполами, или слоями, образовавшимися из иных плотных пород, в которых может накапливаться нефть или газ. Но, если, например, в результате землетрясений такой купол оказывается треснутым, то нефть и газ могут вытечь из этой трещины. Поэтому, неудача разведочного бурения на Карабахе – достаточно естественное явление, которое само по себе не является доказательством бесперспективности каспийского региона, но, разумеется, заставляет пересмотреть прогнозы поставок азербайджанской нефти на мировой рынок в будущем десятилетии.

Влияние нефтяного антикризиса на перспективы освоения каспийского бассейна

Так называемый нефтяной антикризис стимулировал новые дискуссии о будущем разработок энергетического углеводородного сырья в каспийском бассейне. До начала падения цен на нефть осенью 1997 года перспективы освоения каспийских месторождений выглядели достаточно оптимистично не только с геологической, но и с экономической точки зрения. Считалось, что быстрое экономическое развитие, прежде всего Восточной Азии, приведет к более или менее устойчивому росту мирового потребления нефти примерно на 2,5–3,0% в год. Иными словами, к 2015 году мировые годовые потребности в нефти увеличились бы по сравнению с серединой девяностых годов примерно на 1,0–1,5 млрд т и достигли бы 4,5–5,0 млрд т. Проведенные Мировым энергетическим агентством в середине девяностых годов расчеты показали при этом, что прирост спроса на нефть в Европе к 2015 году может составить чуть меньше 240 млн т в год, тогда как в Азии он, скорее всего, достигнет 800 млн т в год¹³, а остальное пришлось бы на Северную и Южную Америку, Австралию и Африку. Если бы эти тенденции были реализованы, то каспийская нефть оказалась бы, безусловно, востребованной, а ценовые условия – даже если бы сохранилась цена в 20 долл. за баррель (около 146 долл. за тонну) – сделали бы ее добычу весьма выгодной.

Однако кризис, начавшийся осенью 1997 года, внес весьма существенную неопределенность в прогнозы потребления нефти в будущем десятилетии. По мнению, например, директора Оксфордского института энергетике Роберта Марло, падение производства в новых драконах Восточной Азии может снизить рост

мирового потребления нефти примерно в два раза – до 1,5%¹⁴. Впрочем, опыт 1998 года показывает, что даже краткосрочные прогнозы – а в начале 1998 года эксперты более или менее уверенно предполагали, что цены на нефть начнут подниматься, чего на самом деле не произошло, – не выдерживают сравнения с реальностью. Поэтому к долгосрочным, перспективным экономическим оценкам, в том числе связанным с энергетикой, следует относиться с предельной осторожностью.

В более широком контексте, важно подчеркнуть, что на рубеже тысячелетий мировая экономика, особенно финансовые рынки, вошла в период неопределенности, который может продолжаться, по крайней мере, несколько лет. Эта неопределенность присуща не только тем или иным районам Азии или Латинской Америки, но и центрам экономической мощи и влияния. В частности, неясны последствия массивного притока капитала в США в результате кризиса так называемых возникающих или формирующихся рынков в Азии, России, Бразилии и т.д. В складывающихся условиях возможны неожиданные повороты событий, которые, как правило, не учитываются прогнозами экономического и политического развития. Видимо, такой вывод справедлив и в отношении нефтяного рынка. В частности, трудно предсказуемые сегодня скачки цен на нефть вполне могут реализоваться уже в ближайшем десятилетии.

Однако нарастание неопределенности мирового экономического развития не отменяет того факта, что падение цен на нефть, помимо всего прочего, предельно остро поставило вопрос о конкурентоспособности различных ее производителей, которая, в свою очередь, зависит от стоимости производства и транспортировки, величины налогов и т.д. Действительно, снижение цен на мировом рынке нефти последовательно делает нерентабельным ее производство в тех регионах, где издержки начинают превосходить цены.

В качестве примера можно привести положение, сложившееся с российской нефтью. Так, по данным, опубликованным в журнале *Нефть и Капитал*, затраты на добычу тонны нефти в Западной Сибири составляют примерно 30–40 долл. за т, транспортировка до Новороссийска по трубопроводам, принадлежащим *Транснефти*, – 23–24 долл. за т, перевалка в порту и перевозка морем до Генуи – еще около 10

долл. за т¹⁵. Иными словами, без учета налогов, себестоимость добычи и транспортировки тонны западносибирской нефти составляет от 63 до 74 долл. А это значит, что при цене на нефть *Юралс* в 10 долл. за баррель (73 долл. за тонну) российским экспортерам в лучшем случае останется 10 долл. с тонны для выплаты налогов и получения прибыли. При цене же ниже 63 долл. за тонну экспорт нефти становится бессмысленным. Если же принять во внимание налоговые выплаты, то нулевой предел рентабельности российского экспорта составляет в среднем около 14 долл. за баррель (102 долл. за тонну). Для оценки перспектив нефтедобычи в каспийском регионе необходимы аналогичные подсчеты.

Однако при такого рода расчетах нельзя игнорировать политические соображения. В условиях кризиса и нарастающей неопределенности глобального экономического развития существенно увеличивается значение согласованных политических усилий ведущих мировых держав с целью регулирования важнейших экономических процессов. В частности, можно предположить, что перспективы каспийского бассейна в известной мере будут зависеть не только от экономических факторов, но и от политических и стратегических установок, интересов и действий основных субъектов международных отношений.

В этой связи важно, что освоение нефтяных месторождений каспийского бассейна (разумеется, как и других более или менее заметных нефтеносных регионов) позволит несколько снизить роль Персидского залива и, в целом, Ближнего и Среднего Востока, в мировом энергетическом балансе, по крайней мере, не допустить ее дальнейшего повышения. Зависимость энергоснабжения важнейших мировых экономических центров от одного региона, где сосредоточено две трети мировых достоверных запасов нефти, причем региона нестабильного в политическом и военном отношении, в том числе уязвимо с точки зрения дальнейшего роста экстремистских исламских движений, распространения оружия массового уничтожения создает опасность глобального экономического кризиса, а, быть может, даже краха, в случае, если в результате того или иного развития событий оттуда прекратятся или серьезно сократятся поставки нефти. В этих условиях, развитие альтернативных источников нефти является стратегически

важной задачей для ведущих государств современного мира.

Вместе с тем, в случае каспийского региона очевидная политическая заинтересованность правительственных кругов США и ряда других ведущих держав современного мира во введении в мировой нефтяной оборот находящихся там углеводородов приходит в заметное противоречие с интересами нефтяных компаний, которые ориентируются, в первую очередь, на экономические показатели.

Себестоимость добычи нефти в каспийском регионе

С экономической точки зрения условия нефтедобычи в каспийском регионе весьма своеобразны. Издержки производства нефти, прежде всего стоимость ее добычи, в прикаспийских странах весьма невелики. Однако в силу географического положения и политических условий в каспийской зоне и вокруг нее, стоимость транспортировки значительна. Следовательно, если не произойдет повышения цен на нефть, то в экономическом плане перспективы каспийского бассейна зависят, прежде всего, от издержек на доставку нефти от мест ее добычи к крупным нефтяным морским терминалам на побережье Черного или Средиземного морей, а также Персидского залива.

Оценки себестоимости добычи нефти в каспийском регионе были сделаны в 1998 году российскими специалистами Конопляником А. и Лобжанидзе А., которые сопоставили их с аналогичными оценками для других регионов мира¹⁶. Основные показатели приведены в таблице 3. Как следует из этих данных, по себестоимости добычи нефти Каспий уступает лишь наиболее рентабельным месторождениям Персидского залива в Саудовской Аравии, Иране, Ираке, Кувейте и Абу-Даби и находится примерно на одном уровне с Ливией, Малайзией, Мексикой, Нигерией, Оманом и Венесуэлой, которые входят в число важнейших нефтедобывающих стран. Иными словами, по данному показателю прикаспийские государства близки к наиболее перспективным нефтеносным регионам, причем они существенно обгоняют Россию, особенно нефтяные районы перспективного освоения на севере Европейской части страны и на арктическом шельфе. Однако слабым местом каспийских нефтяных проектов является сравнительно высокая стоимость транспортировки.

Таблица 3. Себестоимость добычи нефти (долл./баррель)

	Минимальная оценка	Максимальная оценка
Каспий	3	4
Канада	20	25
США, Западный Техас	19	17
США, Аляска	6	7
США, остальная территория	18	35
Северное море	12	20
Египет	10	12
Габон	9	15
Индонезия	5	8
Россия	5	10
Ливия, Малайзия, Мексика, Нигерия, Оман, Венесуэла	3	5
Абу-Даби, на море	6	10
Абу-Даби, на суше	2,5	3,75
Кувейт	1	2
Иран, Ирак, Саудовская Аравия	0,5	1

Источник: Конопляник А., Лобжанидзе А. Каспийская нефть на евразийском перекрестке. Предварительный анализ экономических перспектив. М., Министерство топлива и энергетики Российской Федерации, Институт мировой экономики и международных отношений, Совет по внешней и оборонной политике, 1998, рис.8-2

Проблема транспортировки каспийской нефти

Географическое положение каспийского региона обуславливает несколько теоретически возможных вариантов ее транспортировки к морским терминалам, откуда она может быть доставлена к основным районам ее потребления.

Один из них состоит в том, чтобы использовать трубопроводную систему бывшего СССР, значительная часть которой проходит по территории России. Этот сценарий сталкивается как с техническими, так и с политическими трудностями. Прежде всего, пропускная способность бывших советских магистральных экспортных нефтепроводов и портовых терминалов составила в совокупности к моменту распада СССР 113 млн т в год. В 1997 году Россия экспортировала в *дальнее зарубежье* 109 млн т, используя практически все транспортные мощности, значительная часть которых к тому же требует ремонта. Следовательно, транспортировка каспийской нефти в объемах более трех-четырёх миллионов тонн в год потребует расширения и реконструкции трубопроводной сети и портовых терминалов, находящихся на территории бывшего СССР. Кроме того, в новых независимых государствах каспийского региона видят в транспортной зависимости от России серьезную угрозу собственной безопасности.

Однако в настоящее время реализуется именно этот вариант.

В конце 1997 года началась транспортировка нефти с азербайджанских морских месторождений Азери, Чираг и Гюнешли по давно построенному, но не работавшему в последние годы нефтепроводу Баку–Махачкала–Грозный–Новороссийск, который обычно называют *северным маршрутом*. В настоящее время пропускная способность этого трубопровода составляет пять миллионов тонн в год, но по официальным российским оценкам, при вложении примерно 800 млн долл. она может быть доведена до 17 млн т¹⁷.

В 1999 году заработал и так называемый *западный маршрут* – в строй вошел реконструированный нефтепровод Баку–Супса, соединяющий азербайджанские прииски с грузинским терминалом на берегу Черного моря. Его мощность – примерно семь миллионов тонн в год.

Кроме того, в 1999 году начались строительные работы по сооружению системы трубопроводов, принадлежащей Каспийскому трубопроводному консорциуму (КТК), которая должна соединить нефтяные месторождения в районе Тенгиза на казахстанском берегу Каспия с Новороссийском. Мощность первой очереди системы КТК, которая должна быть построена

в 2001 году – 27 млн т нефти в год, а стоимость работ оценивается в 2,3 млрд долл.

Иными словами, в начале будущего десятилетия по трем этим трубопроводам к черноморским терминалам может доставляться в совокупности около 39 млн т нефти в год, а при условии увеличения пропускной способности *северного маршрута* до 17 млн т нефти в год, общий объем транспортировки нефти может возрасти примерно до 50–51 млн т в год.

Расчет стоимости транспортировки по этим трубопроводам, произведенный российской

компанией *Транснефть*, приведен в таблице 4. Как следует из приведенных в ней цифр, транспортные расходы серьезно зависят от объема транспортировки и колеблются от 24 до 46 долл. за тонну нефти. Следовательно, себестоимость добычи одной тонны нефти в каспийском регионе и доставки ее в Геную (без учета налогов) колеблется от 45 до 74 долл. В итоге, несмотря на то, что себестоимость добычи каспийской нефти невелика, ей скорее всего, будет трудно конкурировать на мировом рынке до тех пор, пока не поднимутся нефтяные цены.

Таблица 4. Стоимость транспортировки нефти из каспийского региона в Геную (трубопровод до Новороссийска и далее морем до Генуи)

Нефтепровод	Мощность трубопровода	Стоимость перекачки	Транспортные издержки
Баку–Супса	5 млн т/год	34 долл./т	46 долл./т
Баку–Супса	10 млн т/год	24 долл./т	36 долл./т
Баку–Супса	30 млн т/год	21 долл./т	32 долл./т
Баку–Новороссийск	5 млн т/год	19 долл./т	24 долл./т
Баку–Новороссийск	10 млн т/год	22 долл./т	28 долл./т
Баку–Новороссийск	30 млн т/год	25 долл./т	31 долл./т
КТК	30 млн т/год	19,5 долл./т	25 долл./т

Источник: *Нефть и Капитал*, №1, Январь 1999, с.51

Если эти расчеты верны, то оптимальной стратегией транспортировки каспийской нефти было бы введение в строй трубопроводов КТК и наращивание мощности маршрута Баку–Супса, тогда как увеличение же пропускной способности нефтепровода Баку–Новороссийск может повысить, хотя и не намного, стоимость транспортировки. Особенно важно при этом нарастить пропускную способность трубопровода Баку–Супса с 5 до 10 млн т в год, что позволит сэкономить около 10 долл. за транспортировку тонны нефти. В случае реализации этой схемы себестоимость добычи и транспортировки нефти до Генуи может составить от 50 до 60 долл. за тонну, что делает эксплуатацию каспийских месторождений рентабельной до тех пор, пока цены не упадут ниже 8,2–6,8 долл. за баррель. Важно, что при указанных уровнях цен на нефть и стоимости транспортировки каспийская нефть будет на европейских рынках заведомо более конкурентоспособной, чем российская.

Однако вариант транспортировки, при котором значительная часть каспийской нефти проходит через российскую территорию, не устраивает, по политическим соображениям, элиты новых независимых государств, которых поддерживают США, Турция и

значительное большинство европейских государств. Поэтому, как только вопрос о транспортировке энергоресурсов из Каспия встал в практической плоскости, была выдвинута идея дополнения российских маршрутов другими, *обходящими* территорию России. Свою роль при том играют и опасения, порождаемые нестабильной обстановкой на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне и Дагестане, причем, в результате сложной ситуации в Чечне возникли с транспортировкой нефти по *северному* маршруту. При этом, если территорию Чечни можно сравнительно легко *обойти*, то проложить какие-либо маршруты, связывающие Баку с Новороссийском, которые миновали бы Дагестан, физически невозможно. Следовательно, нарастание напряженности в Дагестане, не говоря уже о перспективе военно-политического хаоса в этой части России, делает политический риск *северного маршрута* весьма ощутимым.

В этой связи с середины девяностых годов, помимо нефтепровода Баку–Супса, весьма активно обсуждаются около десяти иных вариантов. Одни из них так или иначе предполагают прокладку трубопроводов через территорию Ирана, другие – через территорию Турции, третьи – через территорию

Афганистана. В силу американской позиции, исключая сотрудничество с Ираном, в обозримое время какие-либо иранские маршруты нефтепроводов практически нереализуемы, несмотря на то, что экономически многие из них достаточно выгодны, несмотря на то, что линия США по отношению к Ирану становится в последнее время более гибкой.

Гражданская война в Афганистане и связи *Талибан* с террористическими исламскими группировками, по сути дела, перечеркнули возможность реализации каких-либо проектов проведения трубопроводов через Афганистан в Пакистан. Так, американская компания *Юнокал* отказалась от проекта нефтепровода из Туркмении в Пакистан, проходящего по афганской территории после того, как выявились контакты *Талибан* с Бен-Ладеном. Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха делает невозможным проведение нефтепровода, пересекающего на пути из Азербайджана в Турцию армянскую территорию.

В этих условиях единственным более или менее реальным дополнением к существующим или строящимся в настоящее время трубопроводам является маршрут Баку–Супса–Джейхан, связывающий азербайджанские нефтяные прииски с крупным турецким нефтяным терминалом в порте Джейхан в Искандерунском заливе на побережье Средиземного моря. Перспективы этого трубопровода зависят, прежде всего, от двух основных факторов – стоимости транспортировки нефти по нему и от того, когда прикаспийские страны смогут произвести достаточно нефти, чтобы сделать необходимым строительство крупного трубопровода, дополняющего КТК, *северный* и *западный* маршруты. Политические препятствия для осуществления этого проекта связаны, прежде всего, с террористической активностью ряда курдских организаций, прежде всего, Курдской рабочей партии, в восточных районах Турции.

Согласно расчетам *Транснефти*, стоимость транспортировки по маршруту Баку–Супса–Джейхан весьма велика.

Таблица 5. Стоимость транспортировки нефти по маршруту Баку–Супса–Джейхан–Генуя (по данным Транснефти, долл. за тонну)

Объем поставок (млн т/год)	Стоимость трубопровода (млрд долл.)	Стоимость перекачки по нефтепроводу	Стоимость перевозки по морю и перевалки	Общие транспортные расходы
5	1,47	109	9,5	118,5
10	1,90	71	9,5	80,5
30	3,33	43	9,5	52,5

Источник: Конопляник А., Лобжанидзе А. Цит. соч. с.43

Если эти расчеты правильны, то транспортировка нефти через Джейхан делает при нынешних ценах на нефть эксплуатацию каспийских месторождений нерентабельной. Однако исследования, проведенные американскими специалистами, позволяют прийти к принципиально иным выводам. Действительно, согласно расчетам, проведенным в Университете Райса, строительство крупного нефтепровода Баку–Супса может снизить общие расходы по транспортировке азербайджанской нефти до Генуи до 10–12 долл. за тонну, что делает ее добычу весьма рентабельной даже при существенно меньших ценах, чем сегодня. А стоимость транспортировки через Джейхан, хотя и заметно более высокая, чем через Супсу, тем не менее, позволяет каспийской нефти успешно конкурировать на европейских рынках с российской, в том случае, если объем

транспортировки по нефтепроводу Баку–Джейхан составит около 30 млн т в год. Кроме того, прокладка нефтепровода до Джейхана может решить крайне острую в политическом плане проблему прохождения крупнотоннажных танкеров через Босфор.

Расхождения в оценках стоимости транспортировки нефти из Баку до Джейхана не единственная и, может быть, даже не главная причина, затрудняющая принятие решений относительно его строительства. Не менее важным является то обстоятельство, что, согласно практически всем расчетам, стоимость транспортировки по нему может быть приемлемой лишь в том случае, когда объем транспортировки достигает 30 млн т в год. Однако в настоящее время по трем основным нефтепроводам – *северному*, *западному* и КТК – может транспортироваться

от 40 до 50 млн т нефти в год. Следовательно, потребность в дополнительном трубопроводе возникнет лишь тогда, когда объем экспорта превысит эти показатели, а выйти на необходимый уровень рентабельности (при нынешних или близких ценах на нефть) можно будет лишь в том случае, когда экспортные

возможности каспийского региона достигнут 80 млн т в год. Иными словами, дополнительный трубопровод, будь то Баку–Джейхан, или же иранский маршрут, потребуется, скорее всего, не ранее конца будущего десятилетия.

Таблица 6. Стоимость транспортировки каспийской нефти (по расчетам James A. Baker III Institute for Public Policy, Rice University)

Маршрут	Пропускная способность	Стоимость транспортировки
Баку–Супса	45 млн т/год	5,9 долл./т
Баку–Супса	75 млн т/год	4,4 долл./т
Баку–Джейхан	30 млн т/год	21,8 долл./т
Баку–Джейхан	40 млн т/год	21,1 долл./т

Источник: Конопляник А., Лобжанидзе А. Цит. соч., с.51

При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства. *Первое* – состоит в том, что имеется проект строительства второй очереди системы КТК мощностью около 67 млн т нефти в год. Если этот проект будет реализован, то практически вся казахстанская нефть в ближайшие 10–15 лет будет транспортироваться через Новороссийск. *Второе* – связано с тем, что в обозримое время при наличии *северного* и *западного* маршрутов азербайджанской нефти не хватит для заполнения гипотетического нефтепровода Баку–Джейхан. Следовательно, этот проект может стать реальностью лишь в том случае, если часть казахстанской или туркменской нефти будет перекачиваться через этот трубопровод. Но для этого требуется построить так называемый *транскаспийский* трубопровод, соединяющий восточный и западный берега Каспийского моря. Помимо того, что этот проект встречает жесткое сопротивление России (у которой, правда, нет реальных возможностей его предотвратить, если решение о строительстве будет принято), осуществление такого рода варианта заметно увеличит стоимость транспортировки нефти.

Проблема Босфора

Таким образом, наиболее реальной перспективой в ближайшие пять–семь лет является транспортировка каспийской нефти через два черноморских терминала – в районе Новороссийска и Супсы, причем объем транспортируемой нефти может достигнуть 40–50 млн т в год. Необходимо учитывать, кроме того, что в нынешнем десятилетии через Новороссийск и Туапсе транспортируется ежегодно 30–35 млн т нефти. Следовательно, к середине будущего десятилетия может возникнуть потребность в транспортировке

через турецкие проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря до 80 и даже 85 млн т нефти. Это уже сегодня создает серьезные противоречия между Россией и Турцией, которые, если они не будут урегулированы, могут перерасти в серьезный конфликт.

Суть проблемы заключается в том, что в настоящее время проливы Босфор и Дарданеллы крайне перегружены – через них проходит до 50 тыс. кораблей в год, не считая паромов и разного рода мелких судов. При этом условия судоходства в них, особенно в Босфоре, весьма сложны. В частности, ширина наиболее узкого места Босфора около 600 м и, кроме того, проходя по нему, судам приходится совершать повороты практически под прямым углом. Это создает весьма серьезную угрозу экологической катастрофы в том случае, если крупнотоннажный танкер потерпит аварию в районе многомиллионного Стамбула.

Серьезная авария, например, произошла 13 марта 1994 года, когда танкер под кипрским флагом, имевший около 100 тыс. т нефти столкнулся с сухогрузным судном. Возник пожар и около 13 тыс. т нефти вылилось в воду, где горело в течение четырех дней¹⁸. Это стимулировало введение турецким правительством новых правил прохода судов по проливам.

1 июля 1994 года вступил в силу национальный Регламент судоходства в зоне черноморских проливов, а в турецкий закон, регулирующий движение в проливах, было внесено 59 поправок, существенно ограничивающих возможности прохождения по проливам крупнотоннажных танкеров. В

частности, были введены контроль над движением судов, ограничение скорости движения, появилось требование пользоваться услугами только турецких лоцманов и так далее. Но самое существенное в том, что проход танкеров водоизмещением более 150 тыс. т стал практически невозможным. По мнению турецких властей, проливы физически не могут выдержать нагрузку, создаваемую танкерами большей вместимости.

В итоге для того, чтобы перевезти 80 млн т нефти танкерами с максимальной допустимой для проливов емкостью потребуется около 550 рейсов в год. На первый взгляд, это сравнительно небольшое добавление к нынешнему движению по проливам. Однако согласно требованиям безопасности, проводка крупнотоннажного танкера может на несколько часов перекрыть движение остальных судов по Босфору, что, помимо всего прочего, намного повысит стоимость транспортировки. Можно ожидать, что по мере нарастания потока нефти через Босфор будет нарастать и жесткость турецкой позиции, в том числе будут вводиться все новые правила безопасности, реализация которых может существенно увеличить стоимость транспортировки нефти.

Россия, как, впрочем, ряд крупных международных нефтяных компаний, протестуют против вводимых Турцией ограничений на транспортировку нефти через Босфор. В юридическом плане они ссылаются на Конвенцию Монре 1936 года, регулиющую правила пользования проливами, в которой, в частности, содержится положение о свободе судоходства. Утверждается также, что ограничения на проход через проливы крупнотоннажных танкеров понадобились Турции для того, чтобы вынудить все заинтересованные в каспийской нефти стороны согласиться с проектом строительства нефтепровода Баку–Джейхан, обходящего Босфор и Дарданеллы по суше. Говорится и о том, что установка в проливах современных систем проводки судов, использующих компьютерные технологии, может решить проблему безопасности судоходства.

Однако, несмотря на все эти аргументы, в настоящее время нет и, видимо, не появится в будущем признаков того, что турецкое руководство может пересмотреть свой подход к проблеме транспортировки нефти через Босфор. В этих условиях возможны два варианта. *Первый* – нарастание напряженности

в отношениях России и Турции, причем пока у России нет шансов на то, чтобы заставить турецкую сторону пойти на уступки. *Второй* – поиски путей транспортировки нефти, позволяющих обойти Босфор и Дарданеллы.

К числу последних относится нефтепровод, соединяющий болгарский порт Бургас на побережье Черного моря с греческим портом Александрополис на побережье Эгейского моря, проект которого достаточно активно обсуждается сегодня в России, Болгарии и Греции. Другой возможный выход из возникающей сложной проблемы – строительство нефтепровода, соединяющего турецкое побережье Черного моря с нефтяным терминалом в Джейхане. Однако слабым местом этих проектов является то обстоятельство, что дополнительная перевалка нефти из танкеров в прибрежные емкости и наоборот существенно удорожает ее транспортировку – примерно на 10 долл. за тонну. В условиях низких мировых цен на нефть это может сделать эксплуатацию каспийских нефтяных источников нерентабельной.

Более вероятным является вариант, при котором значительная часть каспийской нефти будет потребляться в Болгарии, Румынии, на Украине и в Молдове, а также транспортироваться через украинскую территорию в Европу по системе бывших советских трубопроводов *Дружба*, возможно реконструированную с целью увеличения пропускной способности. Строго говоря, именно эта идея лежит в основе проекта транспортировки каспийской нефти, разрабатываемого в рамках группы ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова), к которой вполне может присоединиться и Казахстан. Речь идет о том, чтобы из Новороссийска и Супсы нефть доставлялась танкерами до украинских терминалов, прежде всего в районе Одессы, и далее транспортировалась бы по сухопутным маршрутам до районов потребления на Украине и в других государствах Восточной Европы.

При таком варианте не возникает необходимость в дополнительной перевалке нефти и, кроме того, можно сократить расходы на строительство новых сухопутных трубопроводов, поскольку реконструкция и модернизация существующих коммуникаций дешевле, чем строительство новых. Практически, речь идет о модернизации части бывшего советского нефтепровода *Дружба*,

связывающего Сибирь с Венгрией, Чехией и Словакией и о строительстве участка нефтепровода, связывающего черноморское побережье Украины с системой *Дружба* в районе украинского города Броды. Наконец, еще одним вариантом, позволяющим если не разрешить полностью, то, по крайней мере, снизить роль проблемы Босфора, является транспортировка определенной части нефти по румынским и болгарским трубопроводам в близлежащие европейские страны.

Стратегическое значение каспийской нефти для России

Как показывает проведенный анализ, роль каспийского региона в мировом нефтяном балансе, скорее всего, останется незначительной¹⁹. Однако для России полномасштабное освоение каспийских нефтяных месторождений создаст весьма сложные проблемы. При сохранении наметившихся сегодня тенденций, можно с уверенностью предположить, что к концу будущего десятилетия экспортный потенциал новых прикаспийских независимых государств сравняется или даже превзойдет экспортный потенциал России. При этом потоки каспийской нефти в большей своей части или полностью будут ориентированы на те же самые рынки, на которые поставляется сегодня российская нефть. Фактически, каспийский регион может превратиться в серьезного конкурента России на нефтяных рынках Европы, причем в конкурента, имеющего вполне определенные и значимые преимущества.

Так, себестоимость производства нефти в каспийском регионе существенно меньше, чем в России, причем условия освоения новых перспективных российских месторождений гораздо хуже, чем прикаспийских. Существуют маршруты транспортировки каспийской нефти на мировые рынки, прежде всего в Европу, при которых стоимость транспортировки будет сопоставима со стоимостью из северных районов России или из Западной Сибири. Политически западные страны заинтересованы в развитии каспийских нефтяных источников, имея в виду, прежде всего, максимальное расширение источников снабжения нефтью развитой части мира.

При этом возможность России снизить себестоимость добычи нефти и ее транспортировки и таким образом укрепить свои позиции в конкуренции с прикаспийскими государствами, зависит решающим образом от ее способности

привлечь современные технологии и инвестиции. Однако инвестиционный климат в России намного хуже, чем в новых независимых государствах каспийского региона. В частности, Государственная Дума, в которой доминируют левые силы, постоянно создает законодательные препятствия для расширения внешнего инвестирования в нефтяную отрасль, в том числе, например, требуя, чтобы 70% оборудования для совместных предприятий, созданных на основе раздела продукции, производилось бы в России. Это требование приходит в очевидное противоречие с потребностями российской нефтяной промышленности в привлечении наиболее передовых технологий, созданных на Западе.

В итоге, в ближайшем десятилетии Россия может лишиться значительной части валютной выручки от экспорта нефти в результате, *во-первых*, конкуренции с прикаспийскими странами на европейском рынке, а, *во-вторых*, возможного дополнительного снижения цен вследствие появления новых значительных количеств нефти в условиях уже ясно обозначившегося ее переизобилия.

Кроме того, специфическая проблема возникает для российского руководства в связи с гипотетической возможностью переориентации Украины, Молдовы, некоторых балканских государств с российской нефти на каспийскую. В этом случае для Москвы на первый план выходят не столько экономические потери, сколько политические. Россия лишается важного рычага политического влияния на Украину и Молдову, что может рассматриваться неоимперскими кругами в Москве как серьезное поражение в борьбе за доминирование на постсоветском пространстве.

Все это создает для России, точнее для ее политической и экономической элит, проблему стратегического значения – как реагировать на возможное становление прикаспийских государств в качестве конкурентов на нефтяном, а также газовом рынке, который еще более важен, чем нефтяной²⁰. Фактически, речь идет о выборе между двумя альтернативными стратегиями или, что более вероятно, о формировании некоторой их комбинации. *Первая* стратегия ориентирована на доминирование России в каспийском регионе и, в частности, на предотвращение освоения находящихся там источников углеводородов. *Вторая* – на

конструктивное участие российских компаний в их освоении.

На протяжении нескольких лет, вплоть до конца 1997 года, Россия фактически пыталась реализовать первую линию, сочетая жесткие декларации в адрес прикаспийских государств, осуществлявших, по терминологии МИД РФ, *односторонние действия по разделу Каспия*, с юридическими манипуляциями вокруг правового статуса Каспийского моря, а так же, как полагают многие специалисты, с попытками использовать в этих целях сложную внутреннюю ситуацию в Азербайджане и армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Результаты этой политики оказались для Москвы контрпродуктивными. В том числе, сократилось ее влияние в прикаспийской зоне, усилилась ориентация государств этого региона на сотрудничество с Западом не только в экономической, но и в военно-политической сферах. При этом стало ясно, что Россия практически не обладает рычагами воздействия на процесс освоения каспийских энергетических ресурсов. Это стало особенно видимым после поражения российской армии в Чечне.

В этих условиях к началу 1998 года произошел определенный поворот в российской политике в каспийской зоне. Так, намного более конструктивной стала позиция по правовому статусу Каспийского моря: из официального лексикона исчезла жесткая риторика в адрес прикаспийских государств, было подписано соглашение с Казахстаном о разграничении дна Каспийского моря между российским и казахстанским секторами, видимой стала поддержка российских нефтяных компаний, участвующих в международных проектах освоения каспийских нефтяных и газовых месторождений.

Вместе с тем, сохраняется линия на использование транспортной зависимости прикаспийских государств от России, в том числе предпринимаются активные попытки предотвратить строительство нефтепровода Баку–Джейхан, сосредоточив основные экспортные потоки каспийской нефти в Новороссийске²¹. Одностороннюю позицию занимает Россия и в армяно-азербайджанском конфликте, оказывая Еревану не только политическую, но и военную поддержку. В парламентских кругах регулярно муссируется вопрос об условиях транспортировки по Волге тяжелого оборудования для освоения морских месторождений на Каспийском море для

экономического и политического давления на Азербайджан и другие новые независимые государства региона. Все это не может не ослаблять позиции России в регионе, осложняя ее конструктивное участие в решении имеющихся там острых политических и экономических проблем, способствует сохранению нестабильности, которая разными путями дестабилизирует обстановку на российском Северном Кавказе.■

¹ Так, в государствах, возникших на территории бывшего СССР, для характеристики залежей используются семь категорий. К категории А относятся запасы залежей, изученных таким образом, что можно определить тип, форму, размер залежей, продуктивность и дебит скважин. К категории В относятся запасы залежей, изученных в степени, достаточной для составления проекта разработки. Категория С1 – запасы залежей, оцененные на основе геологических исследований и полученные в скважинах притоков нефти и газа в процессе эксплуатационного бурения. Иными словами, запасы этих трех категорий подтверждены бурением. Запасы категории С2 обосновываются данными геологических и геофизических исследований, к категории С3 – перспективные ресурсы, оцененные в пределах нефтегазоносного района, где форма и размер залежей определены в общих чертах. Запасы категорий D1 и D2 – прогнозные ресурсы, оцененные в пределах крупных региональных геологических структур. На Западе используется несколько иных систем оценок, которые далеко не во всем совпадают с советской. Так, часто применяется термин *достоверные (recoverable)* запасы, определяющие объем нефти или газа, добыча которых экономически эффективна при существующем уровне цен, и которые могут быть извлечены при помощи существующих технологий.

² На конец 1998 года из десяти плавающих полупогруженных платформ для разведочного бурения, имеющихся у Азербайджана, лишь одна – *Деде Горгуд* способна работать на больших глубинах, поскольку она была модернизирована Азербайджанской международной операционной компанией. *Caspian Investor*, May 1998, p.23

³ Астраханское месторождение было открыто в 1976 году, промышленная разработка началась в 1986 году. Запасы категорий А + В + С1 составляют 2592 млрд куб м газа и 422 млн т газового конденсата. *RAO Gasprom Offering Memorandum*, 22 October 1996, p.B-24.

Карачаганак находится на северо-западе Казахстана в 140 км от российского Оренбургского газоперерабатывающего завода. Разработка началась в 1984 году, в 1988 году были утверждены балансовые запасы – 1300 млрд куб м газа, 850 млн т газового конденсата и около 350 млн т нефти. *Сегодня*, 1 ноября 1995. Согласно нынешним планам консорциума, созданного для разработки Тенгизского месторождения, там планируется добыть 900 млн т нефти. *Независимая Газета*, 10 апреля 1993, *Российская Газета*, 13 апреля 1993.

⁴ БИКИ, №14, 5 февраля 1998, с.13

⁵ Первая цифра предложена Геологической службой США, вторая – российским ВНИИ *Зарубежгеология*. Расхождения в этих оценках в полтора раза во многом объясняется уже упомянутыми расхождениями в методиках подсчета запасов и ресурсов. *Сегодня*, 6 марта 1997

⁶ Цитировано по: Lichtblau John. U.S. Sanctions and Caspian Sea Oil and Gas. Presentation at the Conference on Caspian Oil, Gas and Pipelines, New York, 29–30 May 1997, p.1

⁷ *Сегодня*, 6 марта 1997

⁸ Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств. Алма-Ата, 15–16 мая 1995 года. Стенографический отчет о международной научно-практической конференции. Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, Алма-Ата, 1995, с.85

⁹ *Russian Petroleum Investor*, December 1997/January 1998, p.41

¹⁰ *Interfax Petroleum Report*, 6–12 March, 1998, p.20

¹¹ An Investor's Guide to Central Asia and Caucasus. *Global Securities*, June 1998, p.21

¹² *Нефть и Капитал*, №1, 1999, с.55, 59

¹³ Эти данные приведены в книге А.Конопляника при участии А.Лобжанидзе Каспийская нефть на евразийском перекрестке. Предварительный анализ экономических перспектив. М., Министерство топлива и энергетики Российской Федерации, Институт мировой экономики и международных отношений, Совет по внешней и оборонной политике, 1998, с.26, 27. Увеличение спроса на нефть (на самом деле имелось в виду – на импортируемую нефть) определялось как разница между приростом потребления (то есть увеличением потребностей в нефти) и изменением собственной добычи.

¹⁴ *Moscow Radio*, 29 Октября 1997

¹⁵ *Нефть и Капитал*, №1, Январь 1999, с.50

¹⁶ Конопляник А., Лобжанидзе А. Цит. соч.; Thomas Stauffer. Indicators of Crude Oil Production Costs: The Gulf versus Non-OPEC Sources. International Research Center for Energy and Economic Development, Occasional Paper, No.19, Boulder, Colorado, 1993

¹⁷ Речь идет о том, чтобы, по сути дела, восстановить изначальную пропускную способность этого нефтепровода. По словам российского посла в Азербайджане А. Блохина, 27 марта 1998 года правительство России официально предложило этот вариант азербайджанской стороне. Кроме того, было заявлено, что если азербайджанская сторона гарантирует загруженность этого маршрута, то Россия готова рядом с первой ниткой трубопровода проложить вторую, в результате чего пропускная способность увеличится до 30 млн т нефти в год. *Финансовые Известия*, 9 апреля 1998

¹⁸ *Дипломатический Ежегодник*, 1997, с.107

¹⁹ Тезис о незначительности роли каспийского региона в мировом нефтяном балансе нуждается, впрочем, в некоторых уточнениях. Так, в 1997 году на месторождениях Северного моря, играющего принципиально важную роль в снабжении нефтью европейских стран, было произведено около 300 млн т нефти. Это лишь не намного меньше, чем планируемый в прикаспийских государствах уровень производства нефти к концу будущего десятилетия.

²⁰ В данной статье вопросы, связанные с экономическими и политическими аспектами освоения и эксплуатации газовых ресурсов каспийского региона не рассматриваются в силу того, что они имеют свою, весьма серьезную специфику, тогда как объем статьи ограничен. В самом общем виде можно было бы подчеркнуть, что появление прикаспийского газа на европейском рынке может иметь для России еще более заметные негативные последствия, учитывая роль газового экспорта в формировании российской экспортной выручки.

²¹ Эта линия, помимо всего прочего, приводит к весьма существенному повышению экологического риска в зоне Новороссийска. Кроме того, вызывает сомнения насколько разумно со стратегической точки зрения концентрировать потоки нефти объемом почти до ста миллионов тонн в год в одной точке, расположенной рядом с очагами военно-политической нестабильности, существующими в ряде республик Северного Кавказа.

Анализ**СОЗДАНИЕ ЗОНЫ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЧТО ДУМАЮТ В РОССИИ**

Иван Сафранчук
научный сотрудник ПИР-Центра

Вопрос создания зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (ЗСЯО ЦА) нельзя назвать приоритетным для внешнеполитического курса России. Однако на ведомственном межведомственном уровне – МИД, министерство обороны, служба внешней разведки – он серьезно обсуждается и его значимость связывается в основном с тем, что создание зоны предполагается на территории, входящей в зону политических и военно-политических интересов России.

Проблемы безопасности в Центральной Азии

Геополитическая и геоэкономическая значимость центрально-азиатского пространства и внимание великих держав к нему возрастает по следующим причинам:

- освоение энергоресурсов региона (казахская нефть и туркменский газ);
- освоение энергоресурсов Каспия;
- проработка вариантов перевалки грузов по маршруту Азия (Центральная Азия, Средний Восток, Китай, Япония) – Кавказ – Европа.

Тем не менее, проблемы безопасности в Центральной Азии, которые носят ярко выраженный внутренний характер и главным образом связаны с радикальными религиозными течениями (прежде всего ваххабизмом), не позволяют перейти к полномасштабной реализации данных проектов. Как отмечают ряд экспертов, «ваххабизм уже окончательно превратился в идеологическую основу *афганского интернационала*, что делает принципиально возможным геополитическое перенесение центра активности средневосточных ваххабитов из Афганистана»¹. Необходимо отметить, что благоприятная почва для распространения этих идей сложилась в Центральной Азии, где, с одной стороны, нарушены традиционалистские мобилизационные механизмы в силу *излишней светскости* руководства республик, а, с другой, – есть значительный потенциал для протеста населения. На исламском Востоке традиционной формой выражения недовольства были рост религиозности и

националистических настроений. Современный ваххабизм имеет тенденцию к объединению обоих этих направлений. Так, например, уже сейчас в Ферганской долине (Узбекистан), заметно развитие исламизма ваххабистского толка под прикрытием узбекского национализма. Подобного же можно ожидать и в соседней Киргизии – в Ошской долине, где компактно проживают узбеки.

Осознавая опасность такого развития событий, и одновременно не желая отходить от устоявшегося светского характера власти, лидеры центрально-азиатских республик стремятся к максимально возможному привлечению внешних сил, рассчитывая, по примеру ряда стран Ближнего Востока на то, что значительные инвестиционные вливания и политическая поддержка позволят нейтрализовать в краткосрочной перспективе распространение религиозно-националистического экстремизма, а в долгосрочной – провести модернизацию общества. Таким образом, основным внешнеполитическим интересом становится поиск союзника или союзников, способных осуществить донорские вливания в экономику этих стран.

Ясно, что в этом смысле нельзя всерьез полагаться на Россию, которая в своем нынешнем состоянии неспособна предложить ни ресурсы, ни модель развития. Расчет делается на западные страны, и, прежде всего, США. В то же время есть четкое осознание того, что Соединенные Штаты, как и раньше, в Персидском заливе, намерены следовать стратегии *опорных точек*, с которых в максимальной степени удобно проецировать силу как на защиту энергоресурсов, так и путей их транспортировки к мировым океанам, а так же на защиту политических режимов, на чьей территории эти ресурсы добываются. Такие опорные точки, как предполагается, будут создаваться в наиболее стабильных и влиятельных странах региона.

Последнее стимулирует центрально-азиатские режимы на стабилизацию внутреннего

положения в своих республиках (причем жестко, что увеличивает недовольство, а, значит, и базу для развития экстремистских религиозно-националистических течений, но на это идут, так как расчет делается на краткосрочную перспективу, потом помогут внешние союзники) и на борьбу за геополитическое лидерство в регионе. В настоящее время в нее в той или иной степени вовлечены все республики региона, притом, что осью борьбы являются две страны – Казахстан и Узбекистан.

В России к борьбе за лидерство в регионе относятся положительно. Данные республики, как предполагается, все равно не смогут решить своих стратегических задач без РФ в силу инфраструктурного доминирования России на пространстве бывшего СССР, что позволяет ей сохранять рычаги давления и принуждения. Правда, в последнее время оптимизма стало меньше.

Россия теряет шанс не только на то, чтобы стать стратегическим партнером центральноазиатских стран, за исключением Таджикистана: такого шанса по большому счету и не было после развала СССР; но и шанс на сохранение роли своеобразного *запасного партнера*, сближаться с которым время от времени начинают по тактическим соображениям. По всей видимости, именно отражением этой тенденции становится падение роли России в СНГ. РФ в Содружестве выполняла роль *старшего брата*, теперь же России отказывают и в ней. Причиной этого, как можно предположить, стало то, что Россия пыталась следовать политики *равноудаленности* и, по сути, не оказывала поддержки ни одной стороне.

Тем не менее, процесс выкристаллизовывания основных линий противоречий и заинтересованных сторон, а также избавление по собственной инициативе от опеки России, еще не означает снятия основных проблем безопасности в регионе и прекращения борьбы за региональное доминирование. Скорее наоборот – исключение из активной игры России требует новых *соревновательных полей* и ведет к обострению борьбы на уже существующих, что проявляется и в вопросе ЗСЯО ЦА.

История вопроса

Впервые с предложением о создании ЗСЯО ЦА выступил президент Узбекистана Ислам Каримов на 48-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1993 году. На Лиссабонском

саммите ОБСЕ в 1996 году президент Узбекистана развил тему и фактически высказался в том плане, что создание зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, является внешнеполитическим приоритетом Узбекистана.

В апреле–мае 1995 года, проходила Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО. И на ней уже можно было заметить элементы соперничества в деле развития данной инициативы. Так, например, 21 апреля 1995 года посол Фатиш Тешабаев выразил позицию Узбекистана: «[...] бессрочное продление ДНЯО является одним из наиболее надежных средств для решения глобальной задачи безопасного мира. Решение поддержать бессрочное продление ДНЯО, является логическим результатом политики Узбекистана в области ядерного разоружения. [...] Делегация Республики Узбекистан особо хотела бы подчеркнуть необходимость укрепления режима нераспространения путем создания безъядерных зон. Республика Узбекистан после провозглашения независимости обратилась с призывом объявить Среднюю (Центральную) Азию безъядерной зоной. Именно это заявил президент Ислам Каримов в своем обращении к 48-й сессии Генеральной ассамблеи ООН»².

Через некоторое время последовало заявление Киргизии по этому же вопросу. 1 мая 1995 года Киргизия распространила рабочий документ – предложение о создании ЗСЯО в ЦА. Он состоял из трех пунктов, основными из которых являются два: «1. [...] Киргизия считает, что ЗСЯО ЦА будет способствовать миру, стабильности и безопасности в регионе. 2. Регион находится на границе между двумя мощными ядерными государствами. Выражается надежда, что создание ЗСЯО побудит их к снижению своих ядерных арсеналов и к смягчению политики ядерного сдерживания. На юге регион граничит с двумя зонами, которые чувствительны в плане ядерного распространения (Иран, Индия, Пакистан)»³.

Сама конференция специально вопросами безъядерных зон не занималась. Однако в резолюции конференции «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения» был раздел, посвященный зонам, свободным от ядерного оружия, в котором в трех пунктах выражалась поддержка их созданию.

После этого год с лишним вопрос ЗСЯО ЦА не педалировала ни одна из заинтересованных

сторон. В феврале 1997 года по итогам встречи глав центрально-азиатских государств была принята Алма-атинская декларация. В ней впервые все пять стран региона вместе высказывались за создание зоны. В апреле того же года на первой сессии Подготовительного комитета конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия договора, делегация Узбекистана заявила о намерении провести международную конференцию по ЗСЯО ЦА. В мае–июне проходили консультации по ее подготовке. Сама конференция прошла в Ташкенте в сентябре 1997 года. По ее итогам было подписано заявление министров иностранных дел пяти центрально-азиатских государств.

Следующую встречу экспертов решили провести в Бишкеке. Она состоялась в июле 1998 года. На ней был представлен проект договора о создании ЗСЯО ЦА. Однако текст, как считает ряд экспертов, нуждался в дополнительной проработке, и его не стали обсуждать на встрече.

После этого к работе собственно над текстом договора подключились сотрудники секретариата ООН, что позволило к следующей встрече экспертов, проходившей в Женеве осенью 1998 года, подготовить доработанный проект договора, который были согласны обсуждать представители всех стран.

В 1999 году прошли еще две встречи экспертов: первая – в феврале в Ташкенте, вторая – в апреле в Женеве. Обе встречи были посвящены в основном работе над проектом договора: согласованию позиций и формулировок текста. В результате удалось согласовать примерно 85–90% текста договора. Однако, как считается, именно оставшиеся 10–15% и включают в себя принципиальные вопросы, согласование которых может затянуться.

Затягиванию процесса способствует, в частности, и то, что некоторые из предполагаемых участников зоны – прежде всего Казахстан – теряют интерес к зоне, как элементу и инструменту своей внешней политики.

История развития российской позиции

Поначалу, как считает ряд экспертов, на инициативу президента Каримова в России обратили мало внимания, считая, что она не получит развития. После Конференции по

рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (КРПДНЯО) стало ясно, что вопрос ЗСЯО ЦА сам собой из региональной повестки дня не исчезнет: он стал интересен сторонам в борьбе за региональное лидерство (правда, Казахстан предпочитал действовать в основном через своего партнера – Киргизию). Российские дипломаты спорили со своими партнерами по СНГ, фактически отговаривая их от развития инициативы создания зоны. Особый упор делался на Казахстан. Например, еще в ходе КРПДНЯО один российский дипломат неофициально высказался так: «Мы против того, чтобы в центрально-азиатской безъядерной зоне принимал участие Казахстан»⁴.

На Московской встрече по ядерной безопасности в 1996 году вопрос зон, свободных от ядерного оружия, опять возник. Однако реально речь шла в основном о западном направлении. Так, тогдашний замминистра Игорь Иванов заявил: «[...] принципиальная позиция России заключается в создании как можно большего количества безъядерных зон [...] (и) Россия только приветствовала бы создание безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе». В те же дни [во время Московской встречи – Авт.] пресс-секретарь президента заявил: «[...] официальной линией России является создание безъядерных зон везде, где не расположено сейчас ядерное оружие». Более конкретно высказался директор департамента безопасности и разоружения МИД РФ Сергей Кисляк: «[...] особенно с учетом возможности расширения НАТО на Восток такая идея [создание зоны свободной от ядерного оружия в Центральной и Восточной Европе – Авт.] становится все более и более актуальной, и она все больше обсуждается среди дипломатов»⁵.

В день подписания декларации саммита появились сообщения о том, что в документе стороны «высказались за расширение безъядерных зон»⁶. На самом деле формулировки были более осторожные: «[...] мы считаем первостепенно важным продолжать наращивать объединенные международные усилия, чтобы способствовать повышению уровня безопасности во всем мире. [...] Мы вновь подтверждаем приверженность полномасштабному сотрудничеству для достижения этой цели»⁷. После этого официальная позиция России по отношению к ЗСЯО ЦА не менялась еще более года.

После Ташкентской конференции сентября 1997 года в министерстве иностранных дел РФ пришли к выводу, что механизмы реализации идеи уже *раскручены* настолько, что процесс, по сути, стал необратимым, и игнорировать его как незначительный фактор нельзя. Тем более, что он, как оказалось, органически вписался в структуру отношений политической конкуренции между странами региона.

Перед Ташкентской конференцией была выработана принципиальная установка по политической поддержке ЗСЯО ЦА. Эту позицию в Ташкенте озвучил первый заместитель министра иностранных дел Игорь Иванов⁸.

Ближе к Бишкекской рабочей встрече экспертов того уровня конкретизации позиции, который соответствовал Ташкентской конференции и был заложен в выступлении первого замминистра России, оказалось недостаточно, так как работа по созданию зоны продвинулась вперед, и пять стран региона, выступающие учредителями зоны, стремились к переводу диалога в максимально конкретное русло, вплоть до обсуждения проекта текста договора.

В России началась активная межведомственная работа (ведущая роль в ней отводится МИДу, как органу, координирующему внешнеполитическую деятельность) по определению и согласованию официальных российских взглядов на конкретные вопросы ЗСЯО ЦА. Пока проработаны только политические аспекты. Ряд важных проблем, по установившимся в России механизмам принятия решений, могут быть рассмотрены только на правительственном уровне. А их выход на него, в ближайшее время, не прогнозируется.

Основа российской официальной позиции состоит в следующем: ЗСЯО ЦА, должна создаваться в интересах укрепления безопасности в регионе и на базе существующей международной практики в деле создания зон, свободных от ядерного оружия.

Конкретные вопросы

Состав участников. Россия выступает за создание открытой зоны. Первоначально в нее должны войти пять государств – Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан. Однако в перспективе и у других государств должна быть возможность к

ней присоединиться. Механизм присоединения не предлагается. Однако высокопоставленный российский дипломат в беседе с нами предположил, что это должен быть механизм консенсуса. Вновь принятые страны должны обладать теми же правами, что и государства-учредители зоны.

Особо подчеркивается, что право присоединиться к договору о создании зоны, свободной от ядерного оружия, должно быть только у государств региона. При этом для выражения данной позиции российская сторона использует следующую формулировку: *прилегающие государства*⁹. Использование именно этого термина объясняется невозможностью дать точное определение понятию *регион Центральной Азии*, а вернее различному его толкованию. В то же время российские эксперты осознают и признают недостатки формулировки *прилегающие государства*. Поэтому они подчеркивают, что нельзя его автоматически растягивать по принципу *соседи соседей*. Российские представители оговариваются, что, если какое-то государство присоединится, то формулировка *прилегающие государства* не означает, что далее к зоне могут присоединиться страны, которые граничат с новым членом, но не граничат с одним из государств-основателей. Таким образом, в перспективе формально признается право на присоединение к ЗСЯО ЦА только за Ираном, Афганистаном, Китаем и самой Россией. Одновременно оговаривается, что присоединение к зоне Китая нереально. Перспективы и вероятность, а также хотя бы примерные сроки присоединения Афганистана и Ирана российские представители назвать не могут. Причем складывается впечатление, что дело здесь не в конфиденциальности или неосведомленности, а просто в отсутствии видения перспектив присоединения к зоне какой-то из двух названных стран.

Что касается России, то позиция однозначна – этот вопрос даже не подлежит обсуждению: присоединение России к договору в каком-либо виде, кроме как ядерной державы, подписывающей протокол о негативных гарантиях странам-участницам соглашения, невозможно. Российские дипломаты полностью отвергают предположения о том, что часть территории России, прилегающая к ЗСЯО ЦА, может в том или ином виде стать предметом договора с распространением на нее каких-либо ограничений. Одновременно рядом отечественных экспертов высказывалось опасение, что могут быть

«выдвинуты требования о полной транспарентности российских военных объектов в регионе»¹⁰.

Зона действия договора. Россия выступает за участие в ЗСЯО ЦА только государств региона, что соответствует международной практике создания безъядерных зон. При этом отечественные специалисты выдвигают еще одно требование к зоне действия договора – она должно представлять собой единое пространство, в ней не должно быть пробелов. Как представляется, это положение необходимо, в частности, для того, чтобы усилить формулировку *прилегающие государства*, то есть еще одним положением, но по-иному звучащим, закрепить эту позицию.

Термины в Договоре. В уже существующих договорах о зонах, свободных от ядерного оружия, используются два термина: ядерное оружие и ядерное взрывное устройство. Российские специалисты считали этот вопрос непринципиальным и готовы были согласиться с включением в договор любого из этих терминов или – и того и другого. К осени 1998 года в российских официальных кругах применительно к ЗСЯО ЦА стали применять только термин *ядерное взрывное устройство*.

Транзит ядерного оружия и ядерных материалов. В этом вопросе российская сторона занимает мягкую позицию, выступая за то, чтобы в договоре было закреплено положение об отсутствии ограничений на транзит, и решение этого вопроса было оставлено на усмотрение самих подписантов договора. Такая практика принята в большинстве ныне существующих безъядерных зон.

Ядерные испытания. Россия выступает за то, чтобы на территории, входящей в зону действия договора, были запрещены все испытания (в том числе и мирные). Этот вопрос должен однозначно регулироваться положениями договора.

Организация. Российские официальные лица считают, что этот вопрос должен решаться самими участниками зоны. Неофициально российские дипломаты признают, что рано обсуждать параметры Организации, которая должна быть создана по договору для его реализации. В экспертных кругах отмечается необходимость уделения особого внимания бюрократическим институтам управления

зоной; пока эта позиция не воспринята на официальном уровне.

Негативные гарантии. Россия готова дать негативные гарантии всем участникам ЗСЯО ЦА. Объем этих гарантий пока не обсуждается. Однако принципиальной позицией является то, что они будут соотнесены с гарантиями других ядерных держав и военной доктриной.

Механизм разрешения споров в ЗСЯО ЦА. Российские официальные лица считают, что спорные вопросы должны решаться пятью участниками зоны в выбранном ими формате, а в случае невозможности достичь согласия, спорный вопрос должен выноситься в ООН.

Финансирование ЗСЯО ЦА. Страны-участники зоны не смогут полностью профинансировать ее создание и обратятся за международной финансовой поддержкой. В экспертных кругах есть жесткое предостережение, что «[...] государства – прямые участники соглашения о создании зоны, не имеют достаточных финансовых ресурсов для формирования всей надлежащей инфраструктуры обеспечения функционирования зоны. Это практически означает, что они соглашались на то, что внешние силы, осуществляющие спонсорство, получат принципиальную возможность определять политическую направленность зоны»¹¹.

При этом пока нет полного видения того, какие именно институциональные формы поддержки будут выбраны: через международные финансовые организации, ядерные державы, ООН, G7(8), отдельные страны-доноры или какие-либо другие. Одновременно есть осознание того, что, если в этом будет задействована, например, G7(8), то для России могут возникнуть статусные трудности при ее отказе участвовать в финансировании зоны.

Однако к настоящему времени Россия не имеет сформулированной позиции по данному вопросу. Связанно это с механизмом принятия решений. Финансовые вопросы (дополнительные международные финансовые обязательства) могут решаться только на уровне правительства. Пока, как считает российская сторона, выходить на этот уровень рано.

Участие внешних сил в создании зоны. В России многие специалисты обеспокоены тем, что в создании зоны активное участие

принимают внешние силы. Прежде всего указывают на США. Тем более, что в Москве признается объективная подоплека этого вмешательства, основанная на финансовом спонсорстве: «Нельзя исключать, что США могут попытаться использовать процесс создания зоны с заранее заложенной в проект сверхвысокой ролью внешних сил, как инструмент политического давления на Россию и Китай, особенно по вопросу о транспарентности их ядерных программ и военной деятельности в приграничных регионах»¹².

Вмешательство внешних сил могло бы быть формализовано через создания механизмов мониторинга выполнения условий договора о создании зоны. Конкретно такой механизм мог бы быть сформирован на основе международных инспекций, работающих под эгидой ООН. Однако скандал с использованием комиссии ООН по Ираку для работы спецслужб некоторых государств должен вызвать в России новые сомнения по этому вопросу.

Подготовка текста договора. Российская сторона была предварительно ознакомлена с текстом проекта договора, представленным на Бишкекской встрече экспертов. У российской стороны было много замечаний по нему. Она с удовлетворением восприняла, что на самой конференции, несмотря на желание пяти государств ЦА, обсуждать проект не стали. Представители РФ были не готовы к обсуждению собственно текста. Более того, российская сторона и в последующем не намеревалась представлять разработчикам проекта какие-либо свои предложения в инициативном порядке.

Новый вариант договора, представленный на Женевской встрече экспертов осенью 1998 года, по мнению российских представителей выгодно отличался от предыдущего. Фактически, он был подготовлен специалистами секретариата ООН. Российская сторона согласилась обсуждать этот вариант, и российский МИД стал активно участвовать в согласовании конкретных положений договора.

ЗСЯО ЦА и каспийская проблема. Позиция России состоит в том, что до решения проблемы статуса Каспийского моря в соответствии с нормами международного права оно не должно входить в зону действия договора о создании ЗСЯО ЦА. Пока это невозможно, так как строго формально

границами стран, прилегающих к Каспию, является кромка моря. То есть здесь и заканчивается зона. При этом российские дипломаты соглашались с тем, что, если в будущем все заинтересованные стороны достигнут договоренности о разделе поверхности моря, то национальные воды центрально-азиатских стран войдут в ЗСЯО ЦА.

ЗСЯО ЦА и обязательства ее участников по СНГ. Российские представители считают, что в тексте договора должно быть такое положение: «договор не должен наносить ущерба правам и обязанностям государств-участников по другим действующим международным договорам и соглашениям»¹³.

- Ташкентский договор о коллективной безопасности. Россия выступает за полное соблюдение ташкентского договора. Однако ташкентский договор о коллективной безопасности подразумевает предоставление его членам всех видов военно-политических гарантий, в том числе и ядерных. В этой связи реально совместить обязательства членов ЗСЯО ЦА и ташкентского договора, над чем работает российская сторона, практически невозможно. Однако пока российская сторона не снимает на официальном уровне это противоречие, хотя неофициально оно признается.

Кроме этого, ташкентский договор еще по одному аспекту увязывается с ЗСЯО ЦА. Российская сторона считает, что одним из направлений активных консультаций по созданию ЗСЯО ЦА должен стать диалог по этой проблеме в рамках ташкентского договора, то есть фактически в рамках СНГ. Аргумент приводится такой: если бы несколько государств-членов НАТО решили создать зону, свободную от ядерного оружия, то вопрос обсуждался бы, прежде всего, в рамках НАТО.

- Таможенный союз России, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана. Создание зоны, скорее всего, будет предполагать создание особого таможенного, приграничного и санитарного режима по ее внешним границам. Это противоречит соглашению о создании Таможенного союза.

- Использование российских войск для охраны внешних границ СНГ. Неофициально в России высказывается опасение по поводу того, что «одним из требований внешних

участников соглашения будет отказ непосредственных участников зоны от использования российских погранвойск для охраны своих границ»¹⁴.

Экологический аспект создания ЗСЯО ЦА. Ответом на широкое обсуждение в рамках процесса создания ЗСЯО ЦА экологических вопросов и желание подписать отдельный протокол по экологическим вопросам к договору о создании ЗСЯО ЦА стала следующая позиция России: должен быть соблюден «разумный баланс между главной целью договора и другими задачами»¹⁵. В России считают, что договор должен быть о зоне, а не об экологии. *Женевский* вариант договора в этом плане удовлетворил российских представителей.

Участие в создании ЗСЯО ЦА сопредельных государств. О том, что Россия считает необходимым оставить возможность присоединения к зоне *прилегающих государств* уже говорилось. В то же время Россия высказывается против какого-либо иного участия в создании зоны стран региона. Россия однозначно против предложений о том, чтобы был еще один протокол, в котором зону признавали бы страны региона, – Иран, Афганистан, а так же крупные страны, находящиеся недалеко от зоны, – Пакистан, Индия. Основной аргумент во втором случае – это может быть использовано ими как *черный ход* в ядерный клуб. В первом случае аргументация сводится к тому, что это не предусмотрено практикой создания подобных зон. В настоящее время вопрос о подписании дополнительного протокола снят, что отвечает российской официальной позиции.

В то же время в российских экспертных кругах высказывалось мнение, что «реальная политическая легитимность зоны будет зависеть от признания факта существования зоны не только официальными ядерными государствами и всеми государствами, соседствующими с территорией зоны, но и теми странами, которые с точки зрения вопросов нераспространения следует считать *критическими*, – прежде всего Индия и Пакистан». Причем легитимность зоны, как считали эти эксперты, будет существенным образом подорвана, если «факт создания зоны не будет признан хотя бы одним из граничащих со странами зоны государством»¹⁶.

Эта точка зрения высказывалась на одном из ранних этапов формирования российской

позиции, и в настоящее время она оказалась не востребована. Теми же экспертами, которые ее высказывали, отмечалось, что «встает вопрос, в качестве какого – ядерного или безъядерного – государства будут признавать факт существования зоны Пакистан, Индия или Израиль. Может случиться так, что переговоры о признании зоны окажутся использованы для фактической легитимизации неофициальных ядерных потенциалов пороговых стран». В ходе межведомственной дискуссии верх взяла та точка зрения, что закрытие *черного хода* для приобретения официального ядерного статуса де-факто ядерными или пороговыми странами важнее, чем максимальная легитимизация зоны.

Вступление договора о создании зоны в силу. Россия считает, что он должен вступать в силу только после:

- ратификации всеми сторонами самого договора;
- ядерными державами протокола, содержащего негативные гарантии участникам зоны.

ЗСЯО ЦА и баланс сил в регионе. В российских экспертных кругах осознают, что вопрос о создании зоны используется государствами региона как инструмент и поле политической борьбы за влияние в регионе и внимание мирового сообщества¹⁷. Эта борьба идет между двумя крупнейшими странами ЦА – Казахстаном и Узбекистаном: «Развитие ситуации вокруг предложения президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о создании в Центральной Азии безъядерной зоны показывает, что данная идея стала одним из элементов борьбы за лидерство в регионе. Фактически речь идет о том, в интерпретации какого лидера – Нурсултана Назарбаева или Ислама Каримова – мировым сообществом будет признана зона и кто сумеет обеспечить наиболее широкое внерегиональное участие в соглашении. С этой точки зрения показательно практически параллельное проведение в сентябре 1997 года конференции по этой проблеме в Алма-Ате и Ташкенте»¹⁸.

При этом российские специалисты учитывают и влияние внешних сил. Логическая конструкция выглядит следующим образом. США стремятся к проникновению в ЦА. Первоначально для этого необходимо создать там вакуум влияния и силы за счет политического, военно-политического и геополитического вытеснения России из региона. Соперничество Казахстана и

Узбекистана как раз этому и способствует. Причем, как считают в российских экспертных кругах, США склонны поддержать в меньшей степени подпадающий под влияние России и более экономически независимый Узбекистан, что приведет к реальному *геополитическому плюрализму* в ЦА. Наиболее характерное выражение этой точки зрения представляется таким: «Зона, свободная от ядерного оружия в Центральной Азии, может быть в принципе использована как элемент обеспечения структуры системы *геополитического плюрализма*, формируемой США для сдерживания России и ограничения ее влияния на постсоветском пространстве, поскольку экономическая обособленность региона от остального пространства бывшего СССР, на деле, приведет к узбекской промышленной и торговой гегемонии. С этой точки зрения, интересам России соответствовало, чтобы активное участие России в формировании зоны дополнялось бы преимущественной ролью Казахстана (а не Узбекистана)»¹⁹.

Развитие процесса формирования ЗСЯО ЦА. Считается, что, с точки зрения интересов России, необходимо придать процессу формирования зоны долговременный и подконтрольный характер. Если же зона будет создаваться в форсированном режиме, то это приведет к тому, что политическая роль России будет минимальна. В России предпочли ограничиться выработкой позиции лишь по некоторым, в основном политическим вопросам. На официальном уровне расчет делается на то, что зона будет создана не раньше, чем через два года. Причем это рассматривается как оптимистический вариант.

Другие вопросы. Россия жестко выступает за то, что положения договора не должны накладывать дополнительные обязательства на страны, не входящие в договор в качестве его участников. Имеются в виду в том числе и подписанты протокола (или протоколов) к договору. То есть, речь идет о том, что в самом тексте договора, который подписывают пять стран – Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан, должны быть положения, относящиеся только к этим странам.

Россия официально не замечает намеков на некую вину или свои долги в связи с ядерной деятельностью СССР на территории некоторых стран, которые, как считается, подпишут договор. Однако в неофициальных беседах российские представители склонны

использовать следующий аргумент. В СССР входили в том числе и Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан. Деятельность, которая проводилась на Семипалатинском полигоне, не может приписываться только России, и в этой связи Россия не несет за нее никакой исключительной ответственности.

Особенности российской позиции

Прежде всего необходимо отметить, что Россия подчеркивает обязательность следования сложившейся международной практике в деле создания зон, свободных от ядерного оружия. В то же время в российских экспертных кругах высказывалось мнение о том, что создание ЗСЯО ЦА по ряду причин – процесс уникальный. Есть несколько специфических черт. Например, наличие вокруг и в непосредственной близости от нее двух де-юре ядерных держав (Россия, Китай), а рядом с регионом трех де-факто ядерных стран (Израиль, Индия, Пакистан). Плюс *пороговый* Иран. Еще одна особенность состоит в том, что зона, свободная от ядерного оружия в ЦА, может быть использована для реализации практических и достаточно важных политических, военно-политических и геополитических интересов. А значит, придется обновлять или даже создавать заново всю формально-юридическую базу, определяющую специфику существования такой зоны. Причем следовало бы уделить большее внимание деталям и формально-юридическим особенностям функционирования подобного соглашения.

Российская позиция в перспективе

Российская позиция выработывалась сложно и достаточно долго, к настоящему времени она практически полностью сформулирована по политическим аспектам ЗСЯО ЦА. Технические детали оставляются без внимания сознательно, так как этим, как считается, должны заниматься сами государства-учредители.

В перспективе российская позиция будет, с *одной стороны*, дополняться, а с *другой*, – изменяться в уже выработанных и новых положениях. Последнее тем более вероятно, что по ряду вопросов нынешняя официальная российская позиция расходится с оценками экспертных кругов. Случаи расхождений указаны в анализе конкретных вопросов, относящихся к созданию ЗСЯО ЦА.

При этом необходимо учитывать, что много раз озвученная поддержка Россией дела

создания зон, свободных от ядерного оружия на самом деле в значительной степени, является декларативной позицией. Реально, с геополитической точки зрения, интереса в расширении практики создания безъядерных зон у России нет, так как Россия, в отличие от США, не заинтересована в дальнейшем качественном и географическом снижении роли ядерного оружия.

Заинтересованность России в повышении роли ядерного оружия в деле обеспечения национальной безопасности находит свое отражение в принимаемых в России военно-стратегических документах. Тезис о том, что ядерное оружие должно стать и становится основой обороноспособности страны, практически никем не оспаривается. В связи с этим взгляды на ядерное оружие и создание зон, свободных от ядерного оружия, вступают в противоречие. Есть два варианта его снятия: *первый* – изменение взглядов на ядерное оружие, *второй* – изменение отношения к зонам, свободным от ядерного оружия. По нашим оценкам, в России более склонны пойти по второму варианту. При этом российские власти не готовы открыто об этом заявить, что предполагает наличие мощного декларативного пласта в российской политике в отношении создания безъядерных зон, вообще, и ЗСЯО ЦА, в частности. ■

¹ Очаг конфликтности в Центральной Азии смещается в район стыка Ферганской и Ошской долин. *Вопросы Безопасности*, том 33, №13, с.9

² Орлов Владимир. Как продлевали Договор о нераспространении ядерного оружия. *Ядерный Контроль*, №7, июль 1995, с.21

³ Орлов Владимир. Как продлевали Договор о нераспространении ядерного оружия. *Ядерный Контроль*, №8, август 1995, с.22

⁴ Орлов Владимир. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Перспективы режима нераспространения ядерного оружия во второй половине девяностых годов и Конференция по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Сноска 196, с.154

⁵ Цит. по: Ядерный саммит в Москве, подводя итоги. *Ядерный Контроль*, №18–19, июнь–июль 1996, с.8

⁶ *Interfax*, 20 апреля 1996, выпуск 15.10

⁷ Декларация Московской встречи, 20 апреля 1996. Московская встреча на высшем уровне по ядерной безопасности. Москва, 1996, с.18

⁸ В кабинете Евгения Примакова он был назначен министром иностранных дел России.

⁹ Беседа с высокопоставленным российским дипломатом, на условиях анонимности.

¹⁰ Беседа с экспертом аналитического центра в структуре исполнительной власти России, на условиях анонимности.

¹¹ То же

¹² То же

¹³ Беседа с высокопоставленным российским дипломатом, на условиях анонимности.

¹⁴ Беседа с экспертом аналитического центра в структуре исполнительной власти России, на условиях анонимности.

¹⁵ Беседа с высокопоставленным российским дипломатом, на условиях анонимности.

¹⁶ Беседа с экспертом аналитического центра в структуре исполнительной власти России, на условиях анонимности.

¹⁷ Российские официальные представители, признавая в целом, что элемент соперничества за влияние между странами региона существует, тем не менее настаивают на том, что он не оказывает влияния на процесс создания ЗСЯО ЦА.

¹⁸ Дария Каиргельдина, представитель МИД Казахстана в рабочей группе по проведению Ташкентской конференции, заявляла: «Ташкентская конференция призвана решить конкретный и актуальный для всех стран региона вопрос. Планируемая в сентябре 1997 года конференция по проблемам ядерного нераспространения в Алматы подтверждает злободневность темы Ташкентской конференции. Хочу подчеркнуть, что дублирование в работе двух форумов не будет. На алматинской встрече акцент будет сделан на актуальных для Казахстана вопросах устранения последствий радиоактивного заражения прилегающих к Семипалатинскому полигону территорий, конверсии соответствующей инфраструктуры». (Пресс-релиз Международной конференции «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия».) Подобные заявления в России склонны расценивать как призванные затушевать реальное соперничество Казахстана и Узбекистана в деле создания ЗСЯО ЦА.

¹⁹ Беседа с экспертом аналитического центра в структуре исполнительной власти России, на условиях анонимности.

Анализ**О ЮРИДИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАСПИЯ**

Гузель Таипова
президент Казахстанской ассоциации исследователей проблем
нераспространения

Сложность с определением юридического статуса Каспийского моря возникла не вчера. Ограничив ретроспективу советским периодом, констатируем, что до распада СССР оно имело двух *хозяев* – Советский Союз и Иран. В 1921 году Советская Россия и Персия (Иран) подписали международный договор о мореплавании, нацеленный на противодействие Великобритании в ее попытках контролировать судоходство на Каспии. Договорившиеся стороны постановили, что они будут иметь равные права по судоходству под их собственными флагами. Другим государствам в таком праве отказывалось. В 1931 году принимается Конвенция об учреждении, торговле и судоходстве, а в марте 1940 года между сторонами был заключен Договор о торговле и мореплавании, в котором говорится, что «[...] на всем протяжении Каспийского моря могут находиться только суда, принадлежащие СССР или Ирану, а равным образом гражданам, торговым и транспортным организациям одной из договаривающихся сторон, плавающие соответственно под флагом СССР или Ирана»¹. При этом Тегеран вряд ли был поставлен в известность о том, что в 1935 году Наркоматом внутренних дел Советской России был издан секретный указ о морской границе по линии Астара–Гасан-Кули. Сведения об ее утверждении отсутствуют, и охранялась она в одностороннем порядке – лишь советскими пограничниками².

Специалисты, анализировавшие указанные документы, убедительно доказывают, что «[...] договорная практика относительно Каспия не дает оснований утверждать, что на Каспии существовал кондоминиум или какой-либо другой режим совместного владения или совместной юрисдикции»³. Однако выступавшим в январе 1994 года на международном семинаре «Развитие стран Средней Азии и Закавказья» представителем Ирана Р. Дабири был сделан совершенно противоположный вывод о том, что по результатам юридического анализа духа и буквы договоров, заключенных между Ираном и Советским Союзом «[...] Каспийское море является кондоминиумом, то есть совместной

собственностью, объектом совместного владения»⁴. Кондоминиум этот был не очень типичный: Советский Союз к 1949 году в одностороннем порядке интенсивно осваивал бакинские месторождения нефти, а Тегеран предпочел громким протестам более безопасное для себя молчание. Такая стратегия себя оправдала. С молчаливого согласия Москвы чуть позже и Иран также самостоятельно занялся разработкой месторождений углеводородов на своем участке шельфа.

Наконец, в 1970 году министерством нефтяной и газовой промышленности СССР был произведен секторальный раздел советской части Каспия между республиками – Азербайджанской ССР, Казахской ССР, РСФСР и Туркменской ССР⁵. Произведен он был от срединной линии моря, что не противоречило международной юридической практике.

Каспийские пасьянсы

Вышеприведенная фраза свидетельствует о том, что если бы дискутирующие о статусе Каспия стороны руководствовались чисто формальным признаком, проблема уже могла быть решена. Трения могли бы возникнуть лишь в отношении Ирана, но при наличии консолидированной позиции остальных стран Ирану было бы крайне сложно выступать в роли оппонента. Проблема – и это совсем не секрет – возникла из-за того, что формальные юридические основания (пусть даже и не безупречные) вступили в противоречие с реальными и весьма серьезными экономическими интересами. При этом не в лучшей ситуации оказывалась одна из влиятельнейших прикаспийских держав – Российская Федерация. Дальнейшее хорошо известно: РФ пока отказывается признать правовую силу последнего решения на том основании, что оно носило ведомственный характер. С чем в разной степени не согласны остальные, теперь уже новые независимые государства.

В принципе российскую позицию можно было бы считать не лишенной определенных оснований, если бы не одно *но*. Оно

заключается в том, что в бывшем СССР все границы между республиками были не более чем границами административных территорий, но, однако, они взаимно признаны новыми независимыми государствами как межгосударственные. Так что трудно не согласиться с доводами прикаспийских республик о том, что нет достаточных оснований делать для каспийских вод исключение из общего *договорного* правила. Более того, казахстанской стороной, например, приводились и более убедительные аргументы в подтверждение легитимности линий раздела моря, проведенных в советские времена.

Например, указывалось на имеющееся постановление высшего законодательного органа – Верховного Совета СССР – от 20 сентября 1972 года «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов», во исполнение которого Советом Министров КазССР 30 апреля 1974 года принято постановление за №252, которым северная часть Каспийского моря объявляется заповедной зоной и утверждается соответствующее положение. Этим положением были установлены вполне конкретные морские границы между КазССР и РСФСР, приведена методика их определения, а также указано на обозначение границ специальными знаками.

Другое молодое прикаспийское государство – Азербайджан, пошло по другому пути. Не вступая в полемику с Москвой, Баку приступил к практической реализации прав на освоение кладовых углеводородов в *азербайджанском* секторе Каспия. В сентябре 1994 года азербайджанской стороной был подписан контракт с западными компаниями на предмет освоения трех месторождений – Азери, Гюнешли и Чираг. По этому поводу российский МИД выступил со специальным заявлением, в котором содержалось «[...] непризнание РФ подписанного соглашения со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁶. Та же жесткость была продемонстрирована российской стороной и в документе «Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря», переданного в начале октября 1994 года постоянным представителем РФ при ООН Генеральному секретарю этой организации. «Односторонние действия в отношении Каспия, – говорится в документе, – являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за

собой право принять такие меры, которые будут необходимы, и в то время, которое она сочтет подходящим, для восстановления нарушенного правопорядка и ликвидации последствий, возникших в результате односторонних действий»⁷.

Хронология дальнейших коллизий выглядит следующим образом.

В конце сентября 1995 года в столице Казахстана по инициативе руководства республики было созвано совещание руководителей правовых служб министерств иностранных дел прикаспийских государств, на котором обсуждалась проблема правового статуса Каспия. Россия от участия в том совещании уклонилась – не исключено, что в надежде на его блокирование. Так это или нет, но в результате согласование принципов деятельности прикаспийских стран на море впервые состоялось в отсутствие представителей официальной Москвы. Принципами, в частности, предусматривались демилитаризация Каспия и использование его исключительно в мирных целях; охрана окружающей среды, предотвращение загрязнения моря и ответственность прикаспийских государств за ущерб, причиненный экологии и друг другу в результате экономической деятельности; свобода осуществления прибрежными государствами торгового судоходства.

16 сентября 1996 года в ходе официального визита в Баку казахстанского президента Нурсултан Назарбаев и Гейдар Алиев подписали совместное заявление по проблеме Каспия, в котором говорилось о необходимости раздела моря на национальные сектора и праве каждого прикаспийского государства на освоение минеральных и биологических ресурсов в этих секторах. Таким образом, была зафиксирована однозначная поддержка казахстанской стороной бескомпромиссной позиции Азербайджана, что демонстрирует генеральные предпочтения Астаны и дает основания для предположений о возможной направленности дальнейших эволюций ее сегодняшнего *мягкого* подхода. Трудно не усмотреть в том событии знакового момента: по сути дела ситуация свидетельствовала о формировании альянса на совершенно неприемлемой для Москвы платформе, что не могло не подтолкнуть последнюю к отходу от демонстрируемого ею радикализма. К началу 1997 года позиция российской стороны состояла уже в том, чтобы водная поверхность

и толща моря были поделены на зоны двух типов. К первому предлагалось отнести зоны исключительной национальной юрисдикции каждого из прикаспийских государств, шириной 45 морских миль. Ко второму – зону центральную, остающуюся в общем пользовании. Таким образом, идея полного Condominiuma модифицировалась до Condominiuma *усеченного* – ранее ширина национальной зоны, отстаиваемая РФ, составляла всего 10–20 морских миль.

В октябре 1996 года в Тегеране состоялись переговоры заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств по статусу Каспия. В ходе них сторонам не удалось прийти к единому мнению и подписать предложенный Ираном проект совместного заявления, которым игнорировалась продвигаемая Казахстаном идея секторального раздела дна моря.

В ноябре 1996 года в Ашгабате было созвано совещание министров иностранных дел прикаспийских государств. На нем было решено создать Специальную рабочую группу по определению правового статуса Каспийского моря с задачей отработки проекта соответствующей Конвенции. 22–23 мая 1997 года состоялась первая рабочая встреча членов группы – представителей всех пяти прикаспийских стран. За основу проекта упомянутой Конвенции был принят казахстанский его вариант. Он основан на концепции внутреннего моря с имплементацией в нее основных принципов и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Наиболее четко была сформулирована позиция Астаны относительно дна моря и его недр: они подлежат делимитации между прибрежными государствами, которые должны обладать национальной юрисдикцией и исключительными правами относительно разработки и разведки минеральных ресурсов в своей части дна. При этом Казахстан не возражал против совместного использования водных ресурсов моря.

Некоторые эксперты расценили уступчивость казахстанского руководства как *тактически* верный ход, позволивший разблокировать процесс разрешения не терпящей долгих отлагательств проблемы. Вторая часть предложенной Астаной формулы раздела Каспия, касающаяся акватории моря, выглядит совсем не столь однозначно, что действительно оставляет возможности для *стратегических* дополнений.

На упомянутой рабочей встрече произошла очередная эволюция российской позиции – делегацией РФ было отозвано предложение об установлении 45-мильных зон национальной юрисдикции. Мотивировалось это решение отсутствием должной поддержки со стороны заинтересованных сторон. Итоги же работы группы по согласованию положений проекта Конвенции были весьма скромными: удалось договориться всего лишь о преамбуле проекта, содержащей формулировки общих положений.

Осенью 1997 года одним из сторонников Condominiuma – Российской Федерацией – предпринимается акция, которая не только шла в разрез с декларированной позицией, но и положила начало дальнейшим серьезным подвижкам в этом отношении. Речь идет о тендере, на который министерством природных ресурсов РФ был выставлен ряд нефтяных месторождений того самого заповедного северного Каспия, в число которых попало и Курмангазы, находившееся в казахстанском секторе шельфа (согласно тем самым *ведомственным* секторальным линиям). Тендер носил закрытый характер, к участию в нем были приглашены только российские компании. Казахстанской стороной эта акция была расценена как грубое нарушение суверенных прав республики, являющейся естественным правопреемником КазССР.

Казахстанские дипломатические демарши лишь несколько затормозили процесс отбора победителя конкурса, который был объявлен к концу 1997 года. Им стал крупнейший представитель российского нефтяного бизнеса в Казахстане компания *Лукойл*. Таким образом, этим прецедентом явочным порядком были дезавуированы все предыдущие протесты РФ против односторонних форм активности в освоении нефтегазовых каспийских ресурсов.

В конце концов, инцидент разрешился компромиссом. Интересы российского бизнеса в Казахстане не только не пострадали, но позиции его лидера – *Лукойла* даже укрепились: в середине января 1998 года состоялась встреча президента этой нефтяной компании Вагита Алекперова с казахстанским президентом, в ходе которой тема скандала была окончательно исчерпана. Как следовало из последовавших комментариев в прессе, Нурсултан Назарбаев получил заверения в том, что *Лукойл* не будет предпринимать никаких односторонних действий по освоению

северного участка моря без консультаций с руководством Казахстана⁸.

4 июля 1997 года в Москве было подписано российско-азербайджанское соглашение об эксплуатации месторождения *Кяназ*.⁹ На следующий же день туркменское МИД выступило с резким заявлением по этому поводу, в котором говорилось о принадлежности месторождения Туркменистану (туркменское название *Сердар*) и содержалось требование об аннулировании соглашения. После достаточно невинных оправданий российской стороны это требование во время мартовского, 1998 года, визита туркменского президента в Москву было удовлетворено: руководство РФ заявило об одностороннем разрыве договоренности.

Сам факт разрешения конфликта подобным образом указывает на ряд важных подвижек в позициях сторон.

Во-первых, заключение между Москвой и Баку межгосударственных соглашений по разработке месторождений в оффшорной зоне, которую последний однозначно считает своей, означает фактическое признание российской стороной секторальной государственной принадлежности ресурсов Каспия. Реверсивные шаги Москвы в ответ на протесты Ашгабата опять-таки являются косвенным свидетельством российского признания существования спорных азербайджано-туркменских участков моря, иными словами – тех же самых, *нарезанных* в советские времена секторов.

Во-вторых, объективные экономические стимулы заставили колеблющийся Ашгабат сделать окончательный выбор в пользу секторального раздела моря. По сообщению информационных агентств, в Туркменистане, в соответствии с постановлением президента этой страны, в начале 1998 года была создана экспертная группа по определению координат срединной линии и пределов юрисдикции Ашгабата и Баку в акватории Каспия¹⁰. А туркменская позиция, судя по приводившимся при этом высказываниям Сапармурата Ниязова, претерпела существенные изменения. «Каспий можно делить по секторам, – сказал президент, – и [...] признав за каждым государством 45-мильную зону, а остальное сделать нейтральным. Оба варианта нас устраивают, лишь бы другие прикаспийские государства были согласны». Вскоре последовало и практическое

подтверждение – уже через месяц Азербайджан и Туркменистан выступили за раздел Каспия по срединным линиям и согласились временно применять его в двусторонних отношениях.

9 апреля 1998 года президенты Российской Федерации и Казахстана договорились о разделе дна Каспийского моря и об использовании его ресурсов. Через месяц – в мае 1998 года – в Алматы проходил саммит Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Воспользовавшись ситуацией, казахстанский и иранский президенты провели встречу с глазу на глаз – впервые после российско-казахстанского заявления по поводу упомянутой договоренности. Накануне этой встречи аккредитованным на саммите журналистам стало известно про существование проекта документа под названием *Совместное коммюнике*, посвященного проблеме статуса Каспия. Предполагалось, что свои подписи под ним должны были поставить министры иностранных дел Ирана и Туркменистана. Проектом, в частности, фиксировалось мнение сторон о том, что «[...] соглашение, основанное на совместном использовании Каспия прибрежными государствами с определенной прибрежной линией, установленной как национальная зона, – самая подходящая основа для правового режима». Интрига заключается в том, что президент Нурсултан Назарбаев, говоривший на пресс-конференции по итогам саммита про «обсуждение всех вопросов» в ходе его приватной встречи с президентом Хатами, в то же время заявил, что про *документ X* ему «ничего не известно»¹¹.

То, о чем договорились в апреле 1998 года российский и казахстанский президенты, через два месяца – в июле обрело уже форму двустороннего соглашения по разделу шельфа. Азербайджанским МИД оно было расценено как *шаг вперед* по пути к окончательному разрешению проблемы. Ашгабатом заявлено про его намерение придерживаться теперь принципа срединной линии до завершения процесса определения правового статуса моря.

Июль 1998 года. Очевидно, достигнутые договоренности не прошли мимо внимания и Ирана, поскольку он также начал отходить от жесткой апологетики кондоминиума. В совместном заявлении лидеров Ирана и Туркмении, сделанном во время июльского 1998 года визита Сапармурата Ниязова в Тегеран, говорится, что «[...] оптимальным

вариантом, отвечающим интересам всех прикаспийских государств, является принцип сохранения определенной национальной зоны при общей срединной части моря»¹². Президенты продемонстрировали и готовность к компромиссным подходам, заявив, что «[...] в случае секторального деления моря между прибрежными государствами в основе будет лежать принцип равенства и справедливого использования ресурсов Каспия»¹³.

Весна 1999 года. В пробуксовывающий процесс выработки соглашения по статусу Каспия подключился специальный советник президента США по Прикаспийскому региону Ричард Морнингстар. Он даже прогнозировал, что к июню коммюнике будет подписано. К сожалению, политические прогнозы, как подтвердилось еще раз, вещь неблагодарная.

Территориальные претензии Туркмении к Азербайджану разгорелись с новой силой. Очередной раз официальный Ашгабад напомнил об этом, направив ноту посольству Великобритании в этой стране. Как заявил первый вице-президент государственной нефтяной компании Азербайджана Ильхам Алиев, «[...] английские компании *British Petroleum* и *Рамко* ведут незаконную разработку в туркменских территориальных водах». Имеется в виду разработка месторождения Чираг в азербайджанском секторе Каспия. В процесс межгосударственного урегулирования спорных вопросов подключились Соединенные Штаты. Ричард Морнингстар передал президенту Туркменистана Сапармурату Ниязову и руководству Азербайджана пакет предложений по разделу ресурсов Каспия, призванные урегулировать спорные вопросы, возникшие между Туркменистаном и Азербайджаном по поводу месторождения Кяпаз. США склоняются к тому, чтобы разделить Каспий путем двусторонних соглашений, по примеру того, как это сделали Россия и Казахстан.

При этом иранская сторона продолжает настаивать, что все вопросы по разделу Каспия должны решаться только совместно и только после окончательного определения юридического статуса водоема. Более того, у Тегерана появились свои претензии к Баку. Посольство Ирана в Азербайджане выразило протест по поводу контрактов, заключенных государственной нефтяной компанией (ГНКАР) с компаниями *Mobil* и *Exxon*. Иран считает большую часть месторождений, которые будут разрабатывать *Mobil* и *Exxon*,

своими. В заявлении МИД Ирана говорится, что эти контракты незаконны. Вновь повторяются требования сначала определить юридический статус Каспия, а затем приступать к его разделу. Азербайджан называет претензии Ирана необоснованными.

Таким образом, в результате дрейфа российской позиции неизменным в своих взглядах остается пока только Азербайджан, по-прежнему отстаивающий идею полного секторального раздела моря с признанием государственных границ. Тем не менее периодические обострения двусторонних отношений замедляют процесс поиска компромиссных решений.

Пойдет ли процесс?

Поставить точку в многолетнем споре должно принятие прикаспийскими странами соответствующей Конвенции о статусе моря. Но как скоро шаг, сделанный в этом направлении казахстанским и российским президентами, может привести к желанному финалу?

В середине декабря 1998 года в Москве состоялось второе заседание Специальной рабочей группы по выработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Примечательно, что комментарии российской прессы относительно итогов этого события существенно разнятся. По мнению одних наблюдателей заседание вновь оставляет после себя лишь *огорчительное многоточие*¹⁴. Другие же полагают, что его «в определенной степени можно считать историческим»¹⁵. И те, и другие по-своему правы: юридический статус моря остается по-прежнему неопределенным. В то же время прошедшая встреча окончательно развеяла иллюзии относительно возможности возврата к формуле кондоминиума и засвидетельствовала главное: общим морю уже не быть, стороны неуклонно продвигаются к его разделу на национальные сектора.

Так, в совместном коммюнике зафиксировано, что «Азербайджанская Республика и Туркменистан выступают за полный раздел Каспийского моря, что предполагает деление как дна, так и водной поверхности и толщи; Исламская Республика Иран, отдавая предпочтение правовому режиму кондоминиума в Каспийском море, может поддержать полный раздел Каспийского моря; Республика Казахстан и Российская Федерация придерживаются раздела только дна Каспия, оставляя в общее пользование его

водную поверхность и толщю»¹⁶. Таким образом, как следует из текста документа, на сегодняшний день бескомпромиссная позиция Баку уже откровенно поддержана Ашгабатом, и не встречает отторжения в Тегеране. Казахстанские же предпочтения объективно совпадают с азербайджанскими, так что задекларированное совпадение мнений Москвы и Астаны можно достаточно уверенно охарактеризовать как временное. Не в стратегических интересах Казахстана, который стремится занять место в десятке мировых экспортеров нефти, ставить в зависимость от воли третьей стороны перспективы собственной добычи и транспортировки углеводородов. Похоже, что при таком раскладе *каспийского пасьянса* Москва оказывается в одиночестве перед все более консолидированной группой остальных участников дискуссии.

В уже достаточно консолидированной позиции центральноазиатских государств катализатором процесса завершения полного раздела моря объективно может стать Иран, который и так уже, как это видно, достаточно активно начал участвовать в поисках взаимоприемлемой юридической формулы. Представляется, что лучшим стимулом для Тегерана стало бы изменение в отношении его жесткой позиции washingtonской администрации. Поскольку, как было отмечено, экономические интересы являются определяющими для прикаспийских государств, имеется в виду более определенный сигнал о готовности Запада к пересмотру своей позиции в отношении блокирования экономических проектов с иранским участием. В первую очередь это касается прокладки экспортного нефтепровода для каспийской нефти через иранскую территорию.

Впрочем, можно отметить, что за океаном начинают проявлять некоторую негибкость в отношении Ирана. Для наблюдателей не прошло незамеченным, что, выдерживая стандартно жесткую линию по отношению к Тегерану, Вашингтон уже начал осторожный поиск возможностей нормализации отношений. Так, предложение иранского президента относительно налаживания культурного обмена между двумя странами встретило весьма благожелательную реакцию американского президента. А в марте 1998 года Билл Клинтон направил в иранскую столицу поздравления с иранским Новым годом. Ираном же была поддержана идея палестино-израильских мирных переговоров.

Весьма примечательно и нью-йоркское выступление Мадлен Олбрайт перед членами Азиатского общества в июне 1998 года. Госсекретарь США тогда, в частности, заявила, что «[...] Вашингтон готов проложить дорогу к нормальным отношениям с Тегераном»¹⁷. Но, пожалуй, самым мощным катализатором процесса американо-иранского сближения выступают экономические интересы. Все больше представителей западного нефтяного бизнеса выражают свою заинтересованность в возобновлении сотрудничества с Ираном. Так, один из нефтяных гигантов, британская *British Petroleum*, вновь открыла свое представительство в Тегеране, а американская *Mobil* заявила о своей готовности к обменным операциям своей нефти, добываемой ею в Туркмении, на экспортную иранскую. Французские *Elf* и *Total* и российский *Газпром* активно участвуют в разработке крупнейших иранских месторождений.

Некоторыми наблюдателями высказываются предположения о том, что хотя Иран – в основном из-за сопротивления этому со стороны США – и не сумел принять участие в привлекательном для него Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК), Баку вполне в состоянии отыскать для Тегерана альтернативный вариант кооперации. Это может быть, к примеру, совместное освоение соседями участка азербайджанского нефтеносного шельфа. При позитивном отношении к такому проекту Вашингтона его реализация также поможет снять возражения Тегерана против азербайджанской концепции полного раздела Каспия с признанием государственных морских границ. Астана также достаточно активно стала сотрудничать с Тегераном, чаще стало озвучиваться мнение, что иранский маршрут транспортировки казахстанской нефти – один из наиболее приоритетных.

Иран проявляет заметный интерес к возрождению *великого шелкового пути*. Речь идет о строительстве системы межрегиональных железнодорожных и шоссейных сообщений Иран–Центральная Азия–Кавказ. Начало осуществлению этого проекта было положено открытием железнодорожного маршрута Иран–Туркменистан. В результате же реализации транспортной системы странам Центральноазиатского и Кавказского регионов будет обеспечен выход через Иран к Персидскому заливу. Тем самым пробивается брешь в их континентальной замкнутости.

Следующим шагом должно стать полное восстановление древнего пути: от Ирана, через Туркменистан и Казахстан к Китаю.

Вполне очевидно, что эти планы объективно способствуют интеграции стран региона и одновременно противоречат интересам Российской Федерации, которая в случае их реализации перестанет играть роль безальтернативного транзитера, что приведет к потерям как экономическим, так и политическим. Если эту кальку долговременных стратегических интересов прикаспийских государств наложить на проблему раздела моря, то становится достаточно очевидно, что расклад голосов вскоре вполне может трансформироваться к виду: *РФ против всех остальных*.

Укажем еще вот на что. Находящемуся в политической изоляции Тегерану безопаснее наращивать экономическое сотрудничество с центральноазиатскими странами, одновременно упрочивая свое влияние в регионе, чем взаимодействовать с Москвой, любые контакты с которой вызывают подозрения Вашингтона – главного инициатора различного рода международных санкций и обструкций. Более того, несмотря на многолетние, традиционные связи с Россией, Иран сегодня все же более российский соперник, чем партнер в Центральной Азии. Возвращаясь к основной региональной проблеме – транспортировке каспийской нефти, заметим, что в сравнении с альтернативными проектами трубопроводов через нестабильные Чечню и Кавказ иранский маршрут к Персидскому заливу выглядит привлекательнее. Остается устранить единственное *но* – изменить к лучшему негативный имидж самого Тегерана, что лучше всего сделать через вовлечение его в экономические проекты, не связанные с оружием и двойными технологиями.

Как утверждают некоторые эксперты, на фоне нефтяного кризиса реальная ценность региона Каспия для Запада состоит, скорее, в геополитике, чем в его геоэкономике¹⁸. Это утверждение базируется на выводе о том, что «[...] сегодня, по-видимому, большая каспийская нефть мировому сообществу еще не нужна. Судя по отдельным прогнозам, реальная потребность в ней может возникнуть лет через 10–15, а пока крупные международные компании пытаются застолбить участки на Каспии»¹⁹. Если все это так, то Западу тем более есть полный резон пойти на экономические уступки Ирану в

обмен на его лояльность политически выгодному секторальному варианту деления моря.

Секторальный вариант раздела Каспия встречает поддержку и у других стран, которых привлекает регион. Следует, например, вспомнить о том, что по результатам 1997 года лидером по объемам инвестиций в Азербайджан является Турция. Они составили 139 млн долл. Далее следуют США (100 млн долл.), Германия, ОАЭ и Великобритания. Российская Федерация находится на весьма скромной, шестой позиции (5,8 млн долл.)²⁰. Помимо западных инвесторов и РФ весьма влиятельными (по разным причинам) лоббистами секторального раздела моря могут оказаться также Китай и Япония, Грузия и Украина.

Каспий в контексте концепции зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии

Как известно, в настоящее время государства Центральной Азии ведут направленные переговоры о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). Границы зоны – один из ключевых вопросов. Юридическая формула должна удовлетворять не только естественным претензиям сторон на каспийские ресурсы, но и идеологии безъядерной зоны. Исходя из представления о ЗСЯО как о пространстве с вполне однозначной географией границ, выходим на два принципиально удовлетворительных решения:

- акватория Каспийского моря не включается в будущую зону. В этом случае западная граница ЗСЯО будет определяться либо береговой чертой Казахстана и Туркменистана, либо условной береговой линией, образованной в результате условного понижения горизонта относительно уровня Мирового океана;
- западная граница предлагаемой зоны будет соответствовать ныне официально не признанным морским границам тех же Казахстана и Туркменистана.

Первая из предлагаемых версий привлекательна тем, что существенно упрощает и без того непростую задачу определения географии ЗСЯО. Ведь из истории создания региональных ЗСЯО известно, что наибольшие сложности всегда возникали именно с их морскими и океанскими компонентами. Однако она не представляется беспроблемной. *Во-первых*, не ясно, насколько удачно подобная идея

впишется в стратегические представления Астаны и Ашгабата о целях и задачах поддерживаемой ими концепции зоны. Во-вторых, в условиях отсутствия согласованного решения о статусе Каспия и морских государственных границ реализация подобного сценария может послужить дополнительным консерватором ситуации неопределенности. А это не в интересах сторонников полного раздела моря. Наконец, в-третьих, такое решение означало бы предоставление возможности бесконтрольной активности в бассейне Каспийского моря ядерной прикаспийской державе Российской Федерации и подозреваемому в ракетно-ядерных амбициях Ирану. Это вряд ли встретило бы понимание со стороны, скажем, США, что может привести к блокированию проекта зоны.

Проблема второго варианта, как было показано выше, заключается в том, что перспективы определения устраивающих все стороны морских границ выглядят пока достаточно туманными. Произведенный между Казахстаном и РФ раздел морского дна, хотя и выглядит достаточно обнадеживающим шагом, все же трудно считать его значительным успехом в деле продвижения идеи зоны. Ведь возможность четкого обозначения морской границы ЗСЯО представится лишь при условии полного секторального раздела Каспия. Гипотетически, для зоны, как таковой, приемлемы как *иранский* (от срединной точки) так и *азербайджанский* (по принципу срединной линии) варианты. Как это было показано, у Баку на сегодня больше явных и потенциальных сторонников. Однако не стоит забывать, что в затянувшемся каспийском дележе роль доминант играют отнюдь не интересы безъядерной зоны. ■

¹ Цит. по Договору о торговле и мореплавании между СССР и Ираном, заключенном 22 марта 1940 года. Архив Минюста Республики Казахстан.

² Из интервью бывшего заместителя министра иностранных дел Республики Казахстан, Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Иране В. Гиззатова. *Oil & Gas of Kazakhstan*, октябрь 1996, с.35, 36

³ То же

⁴ Нургожин М. Пять стран, одно море и много-много нефти. *Деловая Неделя*, 3 апреля 1998

⁵ Об этом на условиях анонимности сообщил высокопоставленный чиновник МИД Азербайджана. При этом оригинал приказа по министерству нефтяной и газовой промышленности СССР азербайджанская сторона никогда не

предъявляла во время переговоров, а лишь ссылалась на существование этого документа.

⁶ *Деловая Неделя*, 3 апреля 1998

⁷ Документ ООН А/49/475

⁸ См., например, *Деловая Неделя*, №16 (294), 24 апреля 1998

⁹ Соглашение было подписано 4 июля 1997 года в Москве. Российские и азербайджанские нефтяные компании заключили соглашение о разработке месторождения *Кяназ*. Среди российских компаний главным участником проекта должен был стать российский *Лукойл*. Под давлением Туркмении российская сторона во время визита президента Туркменистана Сапармурата Ниязова в Москву заявила об одностороннем аннулировании соглашения по *Кяназу*. Это означало признание Москвой того факта, что данное месторождение расположено в туркменском секторе или, по крайней мере, что оно является спорным. В более широком контексте аннулирование соглашения свидетельствует о неоспаривании российской стороной того, что советская часть Каспия была поделена в свое время между союзными республиками, и что это обстоятельство дает определенные права для каспийских государств на минеральные ресурсы в соответствующих секторах Каспия.

¹⁰ *Reuters*, 16 января 1998

¹¹ *Деловая Неделя*, №20 (298), 22 мая 1998

¹² *Независимая Газета*, 10 июля 1998

¹³ То же. Следует, однако, иметь в виду, что в Тегеране сегодня под *секторальным делением* понимается пока правило, согласно которому зеркало внутреннего озера (а именно таковым предлагается трактовать Каспийский водоем) делится на равные части между прибрежными государствами путем соединения его срединной точки лучами с пунктами выхода к береговой черте государственных сухопутных границ. Однако возникает закономерный вопрос о практической реализуемости этой схемы в условиях, когда такие, еще не согласованные границы, могут оказаться нарушенными уже ведущими разведочные работы Азербайджаном и российским *Лукойлом* (последним – в заповедной северной зоне моря). Предположение о возможности их прекращения до достижения общего соглашения о правовом статусе моря можно отнести, очевидно, только к разряду гипотетических.

¹⁴ См., например, Алимов Гаяз. Каспий: опять не договорились. *Известия*, 19 декабря 1998, с.3

¹⁵ См., например, Петров Эдуард. Общим Каспию уже не быть. *Независимая Газета*, 22 декабря 1998, с.5

¹⁶ То же

¹⁷ Эггерт Константин. Вашингтон отпускает былые грехи Тегерану. *Известия*, 19 июня 1998, с.3

¹⁸ См., например, интервью вице-президента Международного фонда *Экспериментальный творческий центр* Ю. Бялова газете *Panorama*, 17 апреля 1998

¹⁹ *Нефтегазовая Вертикаль*, №2, 1998

²⁰ Громько А. Новая великая игра. *Независимая Газета*, 20 августа 1998

Полемика**ПЕРВЫЙ УДАР ОСТАЕТСЯ ВАЖНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ СОВРЕМЕННОЙ
ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ****Игорь Николайчук****кандидат технических наук**

Общественно-политическая реакция на события в Косово вызвала в России повышенный интерес к вопросам, так или иначе связанным со способностью России применять политически и в военном плане существующий ядерный потенциал. Редакция журнала Ядерный Контроль считает необходимым возобновить прерванную в силу известных политических обстоятельств дискуссию о российской ядерной стратегии. В рамках этого подхода редакция публикует статью, посвященную такой базовой в вопросах ядерной стратегии теме как деклараторная политика и надеется на продолжение дискуссии.

После окончания *холодной войны* взгляды на сущность и назначение первого ядерного удара в форме внезапного ракетно-ядерного нападения (ВРЯН) подверглись коренному пересмотру.

Для США угроза подвергнуться ВРЯН (здесь имеется в виду разоружающий контрсилловой удар) отступила на третий план, поскольку параметры ядерного потенциала этой страны в сопоставлении с нынешним потенциалом стратегических ядерных сил (СЯС) их гипотетических противников дают американцам основания для заявлений о *принципиальной неуничтожимости национальных ядерных сил*¹.

Для других стран угроза подвергнуться ВРЯН хотя и существует теоретически, на практике потеряла всякий политический и военно-стратегический смысл. Однако подготовка этих стран к осуществлению внезапной ракетно-ядерной атаки (если это только не иррациональный акт отчаяния) уже невозможна по чисто политическим причинам.

Можно констатировать, что внезапный массированный первый ракетно-ядерный удар, призванный в одночасье решить исход конфликта между ядерными сверхдержавами в пользу стороны, успевшей *первой нажать курок*, даже как явление военной теоретической мысли стал достоянием истории.

Вместе с тем, по мере того, как угроза полномасштабной ядерной войны становится событием все более гипотетическим, центр тяжести практического использования ядерного потенциала основных ядерных держав смещается из военно-стратегической в политическую область. Одновременно возрастает роль ядерного оружия в качестве нового и достаточно специфического инструмента военной дипломатии. Именно здесь мы наблюдаем казалось бы неожиданное для улучшившегося международного климата расширение дискуссий по поводу все того же первого удара.

При этом необходимо сделать существенную оговорку. Предметом таких дискуссий является не классический *первый удар (first strike)* времен ядерного противостояния, а граница целесообразности и предел решимости одной из сторон в ходе конфликта первой использовать (*first use*) имеющееся у нее ядерное оружие. Именно случай применения первым или, наоборот, отказа от применения первым ядерного оружия (*no-first-use*) постепенно становится центральной темой при обсуждении ядерной проблемы в ее политическом аспекте.

Надо сказать, что к теме *неответного* использования ядерного оружия после отказа США взять на себя гарантии не применять этого оружия первыми и известного решения России признать возможность при определенных условиях использования ядерного оружия первой проявляется большой интерес. Декларации о возможности применения или неприменения первыми ядерного оружия широко используются в практической дипломатии, что с учетом теоретической неразработанности вопроса для условий после окончания *холодной войны* создает массу двусмысленных ситуаций и оставляет ощущение недоговоренностей, которые могут разрушить доверие в отношениях между различными странами.

Проблема первого удара и деклараторная политика

В современных условиях чрезвычайно подвижной военно-политической обстановки

для органов государственного управления, ответственных за обеспечение национальной безопасности, актуальной становится задача создания новой концептуальной конфигурации ядерной политики, которая позволяла бы максимально эффективно использовать существующий страновой ядерный потенциал для достижения широкого спектра внешнеполитических, а в некоторых случаях и внутривнутриполитических целей. Решение такой задачи может быть связано с динамичным изменением направлений и характера государственной ядерной политики, в первую очередь – доктринальных установок и официально декларируемых принципов использования ядерных средств.

Политическая переконфигурация ядерного потенциала на практике реализуется посредством подготовки и распространения различных официальных заявлений и открытых правительственных документов, разъясняющих и дающих однозначное (или наоборот заведомо неоднозначное) толкование намерений правительства по поводу выбранных принципов использования ядерного оружия и других ядерных средств в различных гипотетических ситуациях. Мероприятия технического или военно-оперативного плана в данном случае имеют второстепенное значение. Разумеется, при этом предполагается, что вся деятельность подобного рода проходит в условиях, когда существует соответствующая внешняя общественно-политическая среда, способная к необходимой реакции.

Целенаправленная деятельность по определению приемлемых принципов и сценариев использования ядерного оружия, а также деятельность по доведению соответствующей информации до заинтересованных сторон, равно как и разносторонняя последующая интерпретация подобной информации, в настоящее время получила название деклараторной политики².

Деклараторная политика не должна быть жестко привязана к вопросам стратегии и тактики ядерных сил. Она не носит характера международных юридических обязательств и фактически является инструментом того, что ныне принято называть *ядерной дипломатией*.

Хотя деклараторная политика тесно связана с другими аспектами ядерной политики государства³, она является достаточно автономным элементом этой политики в том смысле, что она, при всех оговорках, не

требует своей привязки к каким-либо крупным программам перестройки или наращивания ядерного потенциала.

Эта политика должна, по возможности, четко определять круг тех обстоятельств в ходе развития вооруженного конфликта, при возникновении которых политическое и военное руководство страны будет вынуждено приступить к подготовке осуществления первого ядерного удара, вплоть до уровня проработки тактических деталей данной операции. Другими словами, деклараторная политика должна обозначить для потенциальных или непосредственных противников те пределы развития ситуации, выход за границы которых руководство конкретной страны считает для себя абсолютно неприемлемым и оправдывающим применение ядерного оружия первыми.

Из данного общего положения между тем следует, что сигналом о превышении допустимого для одной из сторон уровня развития конфликта в данном случае парадоксальным образом объявляется заранее определенная и неизбежная *реакция*. Причем форма такой ответной системной реакции задается *только* в виде нанесения первого ядерного удара. Важно и то, что подобные контрмеры, которые по своей сути являются лишь возможными (гипотетическими), открыто объявляются безальтернативными.

Предваряя подробное рассмотрение отмеченных выше внутренних противоречий деклараторной политики, укажем, что она в определенных пределах обязательно должна быть реалистичной и иметь под собой некий гарантированный материальный базис. Безусловным требованием здесь является включение положения о возможности использования ядерного оружия первыми в нормативные документы по военному строительству, в частности в военную доктрину государства и в директивы верховного командования по военно-стратегическим вопросам. Разумеется, должна быть обеспечена и военно-техническая сторона дела. Как пишут по этому поводу американские эксперты в области ядерной стратегии Д.Гомперт (Gompert D.), К.Уотмен (Watman K.) и Д.Уилкнинг (Wilkening D.): «Очень рискованно, если США будут угрожать мерами, к которым они не готовы. Если США не выполняют своих угроз, последующие угрозы будут менее весомыми»⁴.

Важной специфической чертой деклараторной политики является то, что она несет на себе печать своей внутренней противоречивости. Декларируемая в ее рамках твердость и однозначность намерений предпринять самый радикальный из всех возможных политических шагов – первыми применить ядерное оружие, равно как и необходимость ясного обозначения усилий по всестороннему обеспечению этого шага, вместе с тем подразумевает, что она не должна обязывать страну-заявителя к каким-либо четко обозначенным конкретным ответным действиям. Всякая деклараторная политика рухнет, если государство связывает себя юридически или иным образом с *гарантиями* нанесения первого удара в определенных условиях. Фактически, роль деклараторной политики должна сводиться к тому, чтобы односторонне установить *право* на неограниченный военный ответ. Вместе с тем вопрос о том, будет или нет это право реализовано, или же будет найдена другая форма ответа, должен оставаться всегда открытым. В этой связи представляется, что любые попытки создания чего-то вроде *уложения о неотвратимых ядерных наказаниях* (к чему последнее время призывают некоторые отечественные специалисты), особенно в современную эпоху, противоречат самой сути деклараторной политики и не только из-за сложностей составления сценариев *упреждающего ядерного возмездия*, сколько из-за некоторых органических пороков этой политики как таковой.

Отметим первый из этих пороков. Если следовать нормам международного права, примат которых над национальным законодательством признается правительствами многих демократических стран, то может быть поставлено под серьезное сомнение *право на присвоение права* использования ядерного оружия первым. Прозрачные аналогии из области уголовной юриспруденции, где бесконечно дискутируется вопрос о «превышении допустимых границ самообороны», говорят только о том, что *право* на применение оружия весьма слабо регулирует *практику* применения оружия в реальных ситуациях⁵.

С этой точки зрения приходится признать, что если отвлечься от нетипичной ныне задачи поддержания стратегической стабильности в условиях биполярного мира при наличии ядерного паритета, которая ранее решалась в рамках достаточно убедительных теорий

центрального ядерного сдерживания, то рациональная ядерная доктрина должна либо предусматривать отказ от применения ядерного оружия вообще (понятно, что данный вариант можно исключить из рассмотрения), либо предусматривать *ядерное возмездие* не за нанесенный в ходе развития конфликта ущерб, который будет признан *неприемлемым*, а уже только за то, что имеется факт развязывания противником конфликта, который считается *неприемлемым* для национальной безопасности одной из вовлеченных в этот конфликт сторон. Возможно, данная аналогия не будет выглядеть безупречной, однако рискнем сказать, что стереотип поведения типа того, что *полиция Далласа сначала стреляет, а потом думает*, является наиболее подходящей метафорой для описания принципов *полноценной* деклараторной политики, призванной обеспечить сдерживающее начало от вероятной эскалации или даже вообще от возникновения острых конфликтных ситуаций.

Здесь важно также подчеркнуть, что задача *конструирования* критериев *неприемлемости конфликта*, которые были бы приняты в расчет противной стороной при оценке последствий принятия своих решений по дестабилизации обстановки, все-таки проще, чем выработка критериев *неприемлемости ущерба* в конфликтах регионального и особенно локального уровня.

Вторым отрицательным моментом, усложняющим формирование адекватной деклараторной политики в современных условиях, является то, что ныне обнаруживается явный недостаток рациональных сценариев военного применения ядерного оружия вообще и тем более применения этого оружия первыми. В этом контексте можно наблюдать стремление некоторых экспертов в военно-стратегической области и военачальников представить существующее тактическое ядерное оружие и ядерное оружие театра военных действий либо как своего рода *резерв верховного командования*, который может использоваться в критических военных ситуациях в самом широком спектре конфликтов, либо как оружие *технически выгодного типа*. При такой постановке вопроса можно предвидеть, что даже в конфликтах низкой интенсивности и особенно в вооруженном столкновении с противником, подавляющим обычной мощностью, но не обладающим ядерным оружием, первый удар становится абсолютно *целесообразным*,

нужно только, чтобы для этого сложилась необходимая оперативная обстановка или выбраны подходящие цели.

Таким образом, *политическая* часть проблемы ядерного оружия в данном контексте вступает в противоречие с ее *военной* частью, а само ядерное оружие как бы стремится превратиться опять из оружия политического, предусматривающего определенное сдерживание, в *большую бомбу* конца сороковых годов.

Отметим и следующее. Ранее необходимость *первого удара* во многом выводилась из самых разнообразных вариаций на тему *необходимости поддержания стратегической стабильности*. Например, многие отечественные специалисты считали целесообразным начать применение ядерного оружия первыми после того, как противник обычным оружием высокой точности осуществит постепенное уничтожение ядерных систем до такого уровня, по достижении которого противнику уже нельзя будет нанести заданный (неприемлемый) ущерб. Само собой разумеется, что пороговое число *разрешенных к уничтожению* систем можно было точно рассчитать. На другом полюсе мнений по поводу использования ядерного оружия первыми отметим попытки представить такое использование, как элемент современной политики канонерок.

Если обобщить все вышесказанное, то эффективная деклараторная политика в ее современном понимании должна выходить за рамки общих предостережений о возможности использования ядерного оружия для *предотвращения разгрома*. С теоретической точки зрения эффективность такой политики действительно обеспечивается, если первый ядерный удар в военно-политическом отношении превращается в средство достижения *эквивалентной* реакции. Понятно, что в нынешних условиях *размытых* и плохо структурированных угроз поле ситуаций, требующих подобных реакций, радикально расширяется. Кроме того, если наблюдается общее ослабление военной мощи того или иного государства, обладающего ядерным оружием, можно ожидать и снижения порога такой реакции. Окончательно запутывается при этом и вопрос о возможности управляемой деэскалации конфликта или даже о его стабилизации. Например, если акт применения ядерного оружия не будет предусматривать окончательного разгрома противника, его последствием может стать

переход конфликта в фазу тотальной войны. Но также ясно и то, что если нанесшая удар сторона после этого попытается реализовать этап окончательного разгрома противника, то это будет означать не что иное, как заведомое планирование применения ядерного оружия в качестве инструмента *заблаговременного срыва замыслов противника*. В таких условиях говорить о какой-либо *эквивалентной реакции* уже не приходится. Таким образом, рациональность деклараторной политики опять оказывается связанной с запуском механизмов сдерживания (в каком-то его новом, специфическом качестве), а не в попытках создать условия для исчерпания конфликта.

Первый удар и парадокс слабости силы

Парадоксальная проблема *слабости силы* обозначилась в последнее время в связи с попытками американских специалистов в области ядерного планирования связать фактор возможности использования ядерного оружия первыми с актуальной задачей обеспечения регионального сдерживания. При ближайшем рассмотрении данного вопроса выявились многочисленные сложные коллизии, вытекающие из необходимости выбора тактики использования ядерного оружия в реальных условиях.

На сегодняшний день существует концептуальный вакуум в понимании того, что же в действительности должен представлять собой первый ядерный удар. Чаще всего задача нанесения первого ядерного удара в контексте регионального сдерживания трактуется как целенаправленное и в известной мере ограниченное использование ядерных боеприпасов малой или сверхмалой мощности против целей противника, имеющих для него стратегическое значение. *Во-первых*, подразумевается, что применение подобных ядерных боеприпасов позволяет резко увеличить огневую мощь задействованных в конфликте группировок войск, что в свою очередь позволяет достичь быстрой и решительной победы при минимуме потерь для стороны, применившей ядерное оружие. *Во-вторых*, уже только сам факт развертывания ядерного оружия малой мощности позволяет резко повысить реалистичность сдерживания проявляющих агрессивность стран среднего уровня мощи (для США в данном случае подразумеваются такие страны, как Иран, Ирак, Северная Корея и т.д.) от применения ими оружия массового уничтожения (ОМУ).

Однако ряд аналитиков ВВС США после тщательного изучения этого вопроса высказывает мнение (хотя, разумеется, их точка зрения и не является официальной), что использование в обозначенных выше ситуациях ядерного оружия малой и сверхмалой мощности явно не соответствуют критерию *стоимость–эффективность*. С самого начала понятно, что приобретение возможности гарантированного уничтожения *региональных стратегических целей*, которыми на самом деле могут являться такие малоценные в политическом отношении объекты, как пункты управления, аэродромы, укрепленные районы и прочее, не идет ни в какое сравнение с *политической ценой* угрозы их уничтожения ядерным оружием, то есть с теми политическими издержками, которые повлечет за собой развертывание тактического ядерного оружия на том или ином региональном театре военных действий. Разумеется, такие политические издержки еще более возрастут для той страны, которая первой использует ядерное оружие в конфликте. Следует учитывать то, что первое использование ядерного оружия в региональном конфликте против противника, не обладающего ядерным потенциалом, разрушит существующий ныне хрупкий неформальный консенсус относительно запрета на использование ядерного оружия, даже если данный конфликт будет исчерпан с военной точки зрения. Разумеется, сценарий *полуядерного* конфликта не несет угрозы его перерастания в глобальную термоядерную войну, однако по выходе из него (и это следует, безусловно, учитывать) мир окажется в принципиально новой ситуации с точки зрения возникновения иных условий обеспечения международной безопасности. Например, можно ожидать снятия де-факто всех ограничений на распространение ядерного оружия или на реализацию *нецивилизованных* механизмов осуществления возмездия за использование ядерного оружия, гуманитарные последствия и экономические потери от которого трудно предсказать.

Анализ возможных сценариев развития ситуации после нанесения ядерного удара дает основания поставить под сомнение и довод о ценности такого удара для снижения возможных потерь в своих войсках. Даже если предположить, что применение микроньюков поможет спасти от разгрома некую полностью окруженную и деморализованную группировку американских войск, это не будет означать, что удастся сохранить уровень потерь на приемлемой черте в последующих

конфликтах, которые вероятнее всего будут вестись с активным двусторонним применением ядерного оружия.

Более реалистично, по мнению американских экспертов, выглядит сценарий развертывания тактического ядерного оружия для сдерживания потенциальных агрессоров от применения ОМУ против расположенных за границей войск США или же для сдерживания от нападения этих агрессоров на союзников США, которые получили соответствующие гарантии. Однако при этом надо учитывать, что *массовое* или *чувствительное*, то есть превышающее некий пороговый уровень, использование ОМУ против крупной ядерной державы, имеющей, кроме того, подавляющее преимущество в обычной военной силе, на начальной стадии конфликта маловероятно. В таком политическом раскладе можно говорить лишь о применении ядерного оружия как акте отчаяния и возмездия на некоторой продвинутой стадии конфликта. Для *ядерной* стороны возникает сложная проблема принципиального обоснования возможности применения ядерного оружия для предотвращения или в ответ на химическую или биологическую атаку.

Первый удар и проблема сдерживания распространения и применения оружия массового уничтожения

Основополагающим принципом деклараторной политики всегда считалось, как уже отмечалось выше, закрепление права осуществить эквивалентный ответ при использовании противником ОМУ. В этой связи традиционная тактика *око за око* объявлялась императивом, поскольку контрудар, по определению, должен быть пропорционален атаке. В условиях биполярного мира предполагалась четкая классификация ответных ударов: возможность ядерного контрудара определяла для США и СССР сдерживание ядерного нападения; биологический и химический ответные удары должны быть использованы соответственно для сдерживания биологической и химической угроз; а обычные вооруженные силы предполагалось использовать для сдерживания нападения с применением обычных вооружений.

В годы *холодной войны*, несмотря на всю естественность логики доктрины *око за око*, деклараторная политика США реально была построена на *тотальном* ядерном устрашении с целью сдерживания с помощью ядерного оружия всех возможных угроз: ядерной,

обычной и т.п. Это объяснялось американской стороной, как известно, тем, что угроза развязывания ядерной войны необходима для сдерживания нападения превосходящих по численности советских обычных вооруженных сил на союзников по НАТО. США настойчиво отвергали отказ от применения первыми ядерного оружия, несмотря на оказывавшееся на них со стороны мирового сообщества давление.

После окончания *холодной войны* в условиях подавляющего превосходства США в военной мощи перед другими странами оказалось, что перед лицом слабых противников Соединенные Штаты будут располагать только обычными вооружениями (которые не признаются достаточными для осуществления эффекта сдерживания) и ядерными вооружениями для сдерживания возможной угрозы применения биологического и химического оружия.

Казалось, что здесь логичен следующий подход к построению деклараторной политики. Основные ядерные державы открыто сохраняют за собой право отвечать ядерным оружием на угрозу любых атак с использованием ОМУ, однако, на угрозу нападения обычных вооруженных сил будут отвечать симметричной угрозой. При этом не делаются исключения и для противников, связанных союзническими обязательствами с государством, обладающим ядерным арсеналом. Однако данная политика характеризуется руководством США как противоречащая американским *негативным* гарантиям безопасности⁶.

Известно альтернативное предложение сформулировать деклараторную политику США и других крупных ядерных держав таким образом, чтобы максимально снизить роль ядерной угрозы как средства сдерживания и, соответственно, повысить роль ответного удара обычными вооружениями. Предлагалось объявить ядерное оружие только средством предотвращения ядерных ударов по территории других ядерных стран, по вооруженным силам этих стран, расположенным за границей и по территории союзников этих стран. При этом безъядерным державам при условии подписания ими Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) или похожего договора и в том случае, если они не являются союзниками другой ядерной державы, давались бы гарантии ядерного неприменения. Ценность такого положения состоит в том, что

позволяет принявшей такую деклараторную политику стране играть главную роль в ограничении роли ядерного оружия, которая будет сводиться только к функции сдерживания от применения такого же оружия.

Существует теоретическая возможность создать условия для того, чтобы ведущие ядерные державы (в первую очередь, разумеется, Соединенные Штаты) могли полностью положиться на свои превосходящие обычные вооружения в вопросе сдерживания всех форм агрессии даже со стороны третьих стран, обладающих ограниченным ядерным потенциалом. Эта доктрина предполагает, что ведущие в военном отношении державы будут воздерживаться от использования ядерного оружия при любых обстоятельствах. Такая деклараторная политика была бы направлена на государства, обладающие относительно малыми арсеналами ОМУ.

Однако реальность слишком расходится с этими идеальными схемами. По мере того, как выясняется, что все большее число государств стремится иметь ядерное оружие, все большее число специалистов и политических деятелей склоняется к мысли о допустимости превращения угрозы ядерного контрудара в *рабочий инструмент* поддержания стабильности в регионе. Менее утопическим вариантом деклараторной политики считается вариант, когда признается возможным осуществить ядерный контрудар в ответ на ядерное нападение на территорию основной ядерной державы, а в случае угрозы применения ОМУ по расположенным на территориях других стран войскам данной державы или по территории ее союзников, использовать сдерживание обычными вооружениями. Основным недостатком этого варианта является то, что он может не устроить союзников указанной державы, так как они обязательно зададутся вопросом, насколько адекватно угроза применения обычных вооруженных сил будет сдерживать ядерное нападение на объекты, представляющие меньший интерес для лидера коалиции (то есть на эти страны), если опора на обычный контрудар была признана недостаточной для сдерживания подобного нападения на самого лидера.

Теоретики международных отношений в принципе возражают против обозначения связи между использованием ОМУ и возможным ядерным контрударом.

Аргументом здесь является то, что в современных условиях необходимо или, по крайней мере, желательно обеспечить многовариантность возможных ответов в этой ситуации. Кроме того, указывается на возможность возникновения межгосударственных противоречий в условиях даже косвенного обсуждения вопроса о том, в каких случаях ядерный лидер коалиции будет, а в каких не будет применять ядерное оружие. В подобной ситуации признается целесообразным отказаться от пересмотра существующих доктрин применения ядерного оружия первыми, а на растущую опасность со стороны химических и биологических вооружений отвечать, как и во многих других случаях, *туманными заявлениями*. Такая политика просто подчеркивала бы, что любая страна, применяющая ОМУ против той или иной основной ядерной державы или ее союзников, *пострадает от серьезных последствий*, при этом средства контрудара не были бы обозначены.

Представляется однако, что основные недостатки такой *распывчатой* позиции состоят, *во-первых*, в том, что она не позволяет должным образом использовать доказавшую свою политическую эффективность концепцию ядерного сдерживания и, *во-вторых*, в том, что она не ведет к *прорыву в постбиополярный мир*, поскольку предполагает возможность первого применения ядерного оружия для целей сдерживания от нападения обычными вооруженными силами. Таким образом, косвенно узаконивается первый удар с использованием ОМУ и, следовательно, подрывается способность основных ядерных стран сдерживать биологическое и химическое нападение.

По мнению зарубежных экспертов подобная *нечеткая*, распывчатая политика, (между прочим, считается, что именно такой модели соответствует современная деклараторная политика США) на самом деле не обеспечивает эффективного сдерживания. Идеалом в данном случае называется такая деклараторная политика, которая была бы максимально конкретной, *с одной стороны*, но с другой, – не лимитировала бы возможности *наносить контрудар определенным образом*.

Здесь следует иметь в виду следующее очевидное обстоятельство. Достоверность угрозы и, следовательно, действенность деклараторной политики определяется двумя взаимосвязанными факторами: верят ли

противники в то, что страна-заявитель может сделать то, что говорит, и может ли на самом деле эта страна сделать то, о чем говорит. В принципе способность основных ядерных держав применить ядерное оружие после того, как противник совершил нападение, ни у кого сегодня сомнения не вызывает. Вопрос заключается в том, насколько достоверны заявления этих держав, что они сделают подобный шаг против более слабого, хотя и агрессивного противника, который не применил первым ядерное оружие.

Современная деклараторная политика основных ядерных держав

Американские политические деятели и высокопоставленные военные не устают повторять, что центральным вопросом принятия или непринятия со стороны США обязательств не использовать первыми ядерное оружие является вопрос о влиянии доктрины неприменения ядерного оружия первыми на параметры режима сдерживания. Обычно эта проблема анализируется с позиций влияния указанной доктрины на три уровня сдерживания: стратегического (центрального), регионального и конвенционального.

Согласно существующим взглядам, сохранение в структуре вооруженных сил США современных боеспособных и боеготовых стратегических ядерных сил, задачей которых является осуществление ядерного сдерживания на глобальном уровне, есть высший приоритет американской оборонной политики. Впрочем, ныне особенно подчеркивается и тот факт, что стратегическое сдерживание рассматривается американскими должностными лицами только в качестве оборонительной меры, а полномасштабная ядерная война исключается из перечня способов достижения целей национальной безопасности.

Американская военная наука пришла к выводу, что в существующих условиях отсутствуют какие-либо рациональные, обоснованные с военно-стратегической точки зрения сценарии ведения боевых действий, в рамках которых имелась бы необходимость нанесения первого (пусть даже и весьма ограниченного по масштабам и целям) ядерного удара. Имеются также обоснованные данные, свидетельствующие о том, что с точки зрения общественного мнения такой удар считается совершенно неприемлемым, и, таким образом, возникают серьезные проблемы с его политической легитимизацией.

Вместе с тем, как считается, принятие на себя обязательств не применять первыми ядерное оружие не имело бы никакого влияния на режим поддержания стратегической стабильности в условиях так называемого *центрального* сдерживания, в том числе и в сдерживании полномасштабного первого ядерного удара против основных ядерных держав. Однако долгосрочные последствия принятия на себя подобных обязательств признаются весьма неопределенными и даже негативными, поскольку существует слишком широкий круг сценариев возможного развития обстановки. В этой связи большинство специалистов склоняется к мнению, что применительно к задаче центрального сдерживания деклараторная политика, предусматривающая принятие на себя односторонних обязательств по неприменению первыми ядерного оружия, особого значения не имеет.

Переходя к вопросу о взаимосвязи деклараторной политики и регионального сдерживания нельзя упускать из виду, что традиционные подходы к реализации сдерживания на региональном уровне уходят своими корнями в эпоху, когда НАТО приняло стратегию гибкого реагирования, предусматривающую возможность нанесения ядерного удара для сдерживания возможной атаки войск, имеющих ощутимый количественный перевес советских войск. Согласно этой же классической теории сдерживания, основная цель деклараторной политики со стороны Запада в тот момент состояла в создании ситуации стратегической неопределенности результатов принятия решения о нападении на страны НАТО для Советского Союза. Основными переменными в этом *уравнении со многими неизвестными* считались такие факторы, как оборонительный потенциал обычных сил НАТО, способность и готовность НАТО нанести первый ядерный удар, возможность США, Англии или Франции принимать самостоятельные решения в области ядерного планирования, в том числе и по поводу *несогласованного* ядерного удара своими национальными ядерными силами. В таких условиях принятие на себя односторонних обязательств по неприменению первыми ядерного оружия считалось абсолютно неоправданным, поскольку снижало *уровень неопределенности* для вероятного противника в условиях краха обычной обороны стран-членов НАТО. Важно учесть и то, что со стороны западных стран сознательно проводилась политика, дезавуирующая их готовность выполнять свои

гласные международные обязательства в ядерной области даже в случае принятия на себя обязательств по неприменению ядерного оружия первыми. Подобная политика считалась оправданной, поскольку также создавала еще одно *направление неопределенности* для СССР. Основным направлением военно-политического процесса в этой связи объявлялось постепенное укрепление обычных оборонительных сил НАТО в Европе, которое рассматривалось бы как своего рода альтернативная деклараторная политика. В дополнение к вышеназванному обычно упоминался и второй основной аргумент в пользу отказа от принятия на себя обязательств по неприменению. Речь идет об укреплении так называемого единства Альянса. Противники подобных обязательств обычно оперировали тем доводом, что они могут разрушить доверие европейцев, особенно Германии, к прочности союза Европы и Америки, который являлся стержнем всего НАТО и стратегической безопасности Западной Европы. В то же время выдвигались идеи о необходимости укрепления альянса за счет постепенного снижения роли ядерного оружия при достижении *разумных пропорций* в сочетании мощи обычных вооруженных сил и ядерного оружия.

Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что несмотря на коренные изменения международной обстановки, подобные аргументы продолжают широко использоваться как в научных дискуссиях относительно формата новой деклараторной политики США, так и в официальных документах администрации президента Билла Клинтона. При этом ситуация в Европе начала восьмидесятых годов берется в качестве модели современных подходов к осуществлению регионального сдерживания как в его *очищенном*, теоретическом виде, так и в качестве универсального метода сдерживания применительно к различным регионам Земного шара⁷.

Вместе с тем сложность современной ситуации с формированием адекватной деклараторной политики, направленной на осуществление регионального сдерживания, находит свое отражение в провале попыток расчленить данный вопрос при его анализе на три независимые *функциональные части*⁸. Своего рода *правило неопределенности* видно здесь, например, в явно нереальной, но теоретически безупречной посылке следующего рода: заявление о неприменении

ядерного оружия первыми означает, что страна, принявшая подобные обязательства, собирается защищать свои коренные национальные интересы только с помощью обычных вооруженных сил при условии, что агрессор не применит ядерное оружие. Весьма показательно в этой связи, что военные теоретики США, безоговорочно признавая подавляющее военное превосходство США в обычных вооружениях, специально подчеркивают тот тезис, что коренные интересы США, даже в региональном контексте, не могут быть надежно защищены без возможности использования ядерного оружия.

Под данное, достаточно уязвимое с позиций здравого смысла утверждение, подводится обоснование, прямо граничащее с натяжкой. Задача регионального ядерного сдерживания в Европе объявлена американской стороной как продолжающая сохранять свою актуальность в эпоху после окончания *холодной войны*, поскольку, якобы, с военно-политической точки зрения существует неопределенность в прогрессе политических и экономических реформ в России. В этих условиях делаются прямые указания на то, что в случае внезапного возникновения экспансионистской России, находящейся под управлением диктатора, нельзя переоценить тот факт, что потенциальная ценность ядерного оружия западных стран для защиты их национальной безопасности и безопасности Европы одномоментно возрастет и будет иметь решающий характер. В этой связи ядерные силы США в Европе выступают как *фактор предосторожности и подстраховки* против внезапного возникновения угрозы со стороны России. В таких условиях признается нецелесообразным (что вполне естественно) принятие со стороны США на себя обязательств не применять ядерное оружие первыми, поскольку это ослабит практическую сторону политики страховочных мер.

Отношение европейских стран к идее отказа от первого ядерного удара также достаточно однозначно. Например, бывший министр обороны Великобритании Малькольм Рифкинд (Malcolm Rifkind), находясь в этой должности, выразил *глубокий скептицизм* относительно ценности принятия соответствующей декларации. По его мнению, такая декларация означала бы, что обычная война опасным образом признается безопасным решением⁹. Отметим: такие выводы делаются даже в условиях, когда

Россия полностью потеряла свое превосходство в обычных вооруженных силах и не обладает ни экономическими ресурсами, ни политической волей своего национального руководства восстановить это превосходство в обозримом будущем.

Европейские эксперты весьма обеспокоены и тем, что принятие США на себя обязательств не применять первыми ядерное оружие неизбежно приведет к выводу ядерного оружия США из Европы. Это в свою очередь приведет к смещению акцента в обеспечении регионального сдерживания на стратегические ядерные силы НАТО и обычные вооруженные силы, что чревато серьезными экономическими издержками.

Как уже говорилось, размещение ядерного оружия США в Европе рассматривается западными политиками как материальное подтверждение *жизненно важной привязки* Северной Америки к Европе. Принятие США на себя доли риска и ответственности за европейские дела посредством предоставления европейцам американских ядерных гарантий считается стержнем альянса. Собственно говоря, все существующие по этому поводу рассуждения и теоретические построения сходятся в фокусе обеспечения гарантированного регионального сдерживания угроз против стран НАТО. Удаление Америки из структуры сдерживания НАТО означало бы крах всей такой структуры. Вот почему эксперты в области военной стратегии европейских государств постоянно подчеркивают, что принятие на себя обязательств не применять первыми оружие со стороны США, неминуемо подорвет единство альянса и тем самым поставит под сомнение способность НАТО к сдерживанию агрессии. Критики подобных взглядов указывают, впрочем, на то, что эти соображения могут быть применимы только в проекции на ближайшее будущее. Долгосрочные же последствия принятия подобных обязательств носят более сложный характер. Одним из возможных результатов принятия подобных обязательств американцами может явиться полный вывод ядерных вооружений США из Европы либо на добровольной основе, либо в результате согласованных требований европейских стран. Взамен этого США могли бы пересмотреть свои гарантии, сообразуясь с новой конфигурацией сдерживания дабы подтвердить свое участие в системе европейской безопасности. Другой долгосрочный результат объявления США об отказе первыми использовать ядерное оружие

заключается в том, что такой шаг будет расценен как плохо замаскированная попытка США прекратить свои европейские обязательства и уйти из Европы в русле набирающих силу тенденций американского неоизоляционизма. Это может привести к совместным усилиям Англии и Франции компенсировать ослабление ядерного потенциала НАТО за счет разработки чисто европейской ядерной доктрины. Не исключено и то, что такой шаг может стимулировать руководство Германии начать разработку ядерного оружия для обеспечения гарантии собственной безопасности.

Американские политические деятели именно с этим склонны связывать выдвижение бывшим президентом Франции Франсуа Миттераном в январе 1992 года так называемой *европейской ядерной доктрины*. От их внимания не ускользнуло также и то, что Великобритания, хотя и не поддержала в целом идею французского президента, тем не менее, одобрила *исходные рамки, в которых необходимо вести диалог по этой теме*. При этом надо иметь в виду, что проблема приемлемости *европейского ядерного зонтика* для Германии является в западной политологии крайне болезненной темой.

Каковы же, по мнению американских специалистов, долговременные последствия принятия на себя обязательств не применять первыми ядерное оружие в проекции на задачу обеспечения режима сдерживания в Европе? Если не считать активно публикующихся ученых, придерживающихся пацифистских взглядов, то общее мнение здесь сводится к тому, что подобная политика подорвет прочность Альянса и, как следствие, ослабит режим сдерживания. Произойдет своего рода цепная реакция, связанная с тем, что европейские страны будут считать свою национальную безопасность нарушенной. В результате можно ожидать серьезной перестройки всей структуры европейской безопасности. Состояние нестабильности в Европе в свою очередь может вызвать угрозу национальной безопасности США. В условиях наличия американских гарантий неприменения ядерного оружия первыми региональное сдерживание окажется неэффективным против целого ряда конкретных государств, владеющих ядерным оружием, и даже против различных *неядерных* региональных агрессоров. Таким образом, присутствие американских ядерных сил в Европе вкупе с возможностью США развернуть крылатые ракеты с ядерными

боезарядами на подводных лодках и надводных кораблях может, по мнению американских экспертов, обеспечить приемлемый уровень стабильности и (в предельном случае) сдержать Россию от попыток силой нарушить региональную стабильность в случае превращения ее в агрессивную державу.

Что касается задачи конвенционального сдерживания, то война в Персидском заливе продемонстрировала всему миру подавляющее превосходство американских обычных вооруженных сил. Считается, что подобное подавляющее превосходство обеспечивает достаточный уровень сдерживания против применения обычных вооруженных сил и (с некоторыми оговорками) даже против ограниченного применения ОМУ, в том числе и ограниченной ядерной атаки. В этих условиях для решения задач конвенционального сдерживания декларация США о неприменении первыми ядерного оружия не будет иметь большого смысла, поскольку не усилит достоверность такого сдерживания, хотя и не ослабит его.

Отдельным вопросом является влияние подобной декларации на эффективность сдерживания от *выше, чем ограниченного* применения химического и биологического оружия. Хотя многие специалисты по разным причинам и предлагают отказаться от угрозы использования ядерного оружия для сдерживания химической или биологической атаки, в кругах действующих политиков все-таки больше склоняются к мнению о необходимости использовать подобную угрозу для сдерживания от применения неядерных видов ОМУ. Понятно, что принятие указанной декларации ослабит достоверность подобного сдерживания и повредит, как считается, целям американской практической дипломатии.

Особо следует рассмотреть вопрос о возможной реакции ядерных союзников США по НАТО в случае, если Соединенные Штаты примут на себя обязательства не применять первыми ядерное оружие. Сейчас уже совершенно ясно, что Великобритания (даже при правлении лейбористов) откажется последовать примеру США. Высказывания ведущих английских политических деятелей на этот счет достаточно однозначны. Например, бывший министр обороны Великобритании Малькольм Рифкинд говорил по этому поводу следующее: «Однозначным следствием принятия на себя обязательств по неприменению ядерного оружия первыми

является то, что мы признаем за агрессором способность предпринять нападение и развивать агрессию без всякой опасности для него превысить порог, за которым последует ядерное возмездие. Фактически, это сигнал ему, что обычная война безопасна. Несмотря на всю свою этическую привлекательность, декларация о неприменении ядерного оружия первыми заставит нас перейти от политики предотвращения войны к политике ограничения масштабов войны»¹⁰. Взгляды британских государственных деятелей на ядерное оружие вообще отличаются известным консерватизмом. В отличие от других основных ядерных держав, где нарастают антиядерные настроения, британские политики продолжают считать, что ядерное оружие вносит решающий вклад в поддержание мира и стабильности. Фактически за этим стоит важная для Великобритании необходимость обоснования траты значительных финансовых средств на совершенствование ядерных сил и сохранение статуса великой державы¹¹.

Аналитические службы США указывают в этой связи, что любые расхождения в позициях Великобритании и США относительно принципов их деклараторной политики могут иметь для Соединенных Штатов далеко идущие последствия и как бы ставят США в зависимость от своего *особого союзника*. Во-первых, возможно сближение Великобритании с Францией и создание европейских ядерных сил под такими предложениями, как необходимость обеспечения национальной безопасности Великобритании и снятия обеспокоенности Германии по поводу отсутствия у нее ядерного оружия. Во-вторых, в этом случае будет поставлена под сомнение ценность ядерных сил Великобритании для НАТО и произойдет смещение акцентов на чисто национальный характер таких сил. Возникнет и обеспокоенность по поводу того, что действия США по отказу от первого удара открыто ставят под угрозу национальную безопасность Великобритании, и, поскольку она не может в современных условиях *вести дела в одиночку*, начнутся активные поиски форматов европейской совместной (отнюдь не коллективной в атлантическом смысле) безопасности. Итогом поиска Великобританией новых союзников может стать перестройка всего баланса сил на европейском континенте.

Позиция Франции по поводу возможности принятия декларации со стороны США о

неприменении первыми ядерного оружия также прогнозируется откровенно отрицательной¹². Таким образом, возникнут разногласия между США и их основными европейскими союзниками, что поставит под угрозу само существование НАТО.

Как известно, одним из краеугольных камней существования НАТО является осуществление так называемого расширенного сдерживания, то есть предоставление ядерных гарантий со стороны ядерных стран НАТО неядерным членам этого блока. За всю историю существования Альянса этот тезис ни разу и ни в малейшей степени не ставился под сомнение. Поэтому считается, что отнюдь не пресловутая атлантическая солидарность, но именно ядерные гарантии малым странам являются цементирующим фактором в блоке. Однако нельзя сбрасывать со счетов и то утверждение некоторых западных политологов, что так называемая солидарность НАТО является мифом чистой воды, а связующим началом НАТО является необходимость соблюдения индивидуальных национальных интересов, которым отвечает существование Альянса¹³.

Особенно запутанные отношения возникают в данном случае с Германией, которая полностью зависит от НАТО в вопросах обороны и особенно от его *ядерного зонтика*. Существуют обоснованные опасения, что Германия воспримет декларацию о неприменении первыми ядерного оружия со стороны США как нежелание этой страны быть вовлеченной в европейскую войну из-за боязни подвергнуть риску ядерного удара свою территорию или наоборот как желание США предпринять лишь маломасштабную интервенцию своих войск в Европу, дабы, таким образом, ограничить регион ядерного конфликта территорией Европы. Другим аргументом, который часто приводится в этой связи является тот, что Германия может потребовать от США предоставления ей особых *жизненно важных* ядерных гарантий. Это повлекло бы за собой вывод американских ядерных сил с германской территории в обмен на двусторонний договор о ядерных гарантиях¹⁴.

Одной из самых больших проблем разработки деклараторной политики США для Европы, с точки зрения американских экспертов в этой области, является то, что Германия вряд ли согласится быть субъектом ядерных гарантий Великобритании и Франции или даже субъектом, в интересах которого

осуществлялось бы сдерживание со стороны вышеназванных стран, поскольку объединенная Германия вряд ли будет иметь склонность целиком полагаться в делах защиты своего суверенитета на сдерживающий потенциал Великобритании и Франции. Вопрос в практической плоскости ставится ею следующим образом: либо опора на ядерное оружие США в Европе, либо на свое собственное ядерное оружие. Именно поэтому принятие США односторонних гарантий неприменения первыми ядерного оружия может нарушить режим нераспространения ядерного оружия в Европе, а, возможно, и в зоне так называемых *виртуальных пролиферантов*, к которым относятся Тайвань, Япония, Южная Корея.

Наименее проявленной можно считать деклараторную политику США по отношению к странам третьего мира. *С одной стороны*, считается, что отказ ведущих ядерных держав (в первую очередь США и Российской Федерации) от использования принципа неприменения ядерного оружия первыми со всей очевидностью подчеркнет тот факт, что ядерное оружие продолжает оставаться важнейшим средством военной политики и международной дипломатии. Это может вызвать определенные трения с развивающимися странами, которые могут признать такую позицию для себя неприемлемой, и что якобы может подтолкнуть их к нарушению режима нераспространения. *С другой стороны*, нет никаких доказательств тому, что принятие указанной декларации каким-то образом повлияет на решение этих стран приобретать или не приобретать ядерное оружие. В гораздо большей степени на режим нераспространения могут повлиять такие факторы, как предоставление различных гарантий безопасности странам, которым угрожает агрессия, и то, что можно назвать *эрозией имиджа особых прерогатив ядерных держав*. Сейчас предлагается сделать деклараторную политику США более гибкой, в частности, предусмотреть возможность давать гарантии неприменения ядерного оружия для стран, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия. И, наоборот, целесообразно демонстративно декларировать возможность применения ядерного оружия первыми против некоторых конкретных стран, неприсоединившихся или нарушающих ДНЯО.

Современная деклараторная политика Российской Федерации

Деклараторная политика России имеет специфический характер. Известно, что заявленный в Основных положениях новой военной доктрины Российской Федерации тезис о том, что при определенных условиях Россия может первой применить ядерное оружие, особых комментариев и тем более официально выраженной обеспокоенности во внешнем мире не вызвал. Это было отчасти связано с прозападной ориентацией политического курса России в то время, а отчасти с пониманием того, что данное положение в международно-политическом плане преследует крайне ограниченные цели и отражает необходимость решения некоторых сугубо внутренних российских проблем. Например, реакцию официального Вашингтона на недавнее оживление в обсуждении проблем деклараторной политики в среде российского руководства можно рассматривать как недоумение по поводу столь большого внимания к такой периферийной теме. Представитель госдепартамента США Николас Бернс сказал в частности: «Мы полагаем, что публичные дискуссии лучше вести об уменьшении риска возникновения ядерной войны и сокращении уровня ядерных вооружений, а не о том, чтобы не наносить первыми ядерный удар»¹⁵. Как писали в 1997 году зарубежные эксперты, подтверждение положения о возможности нанесения первого ядерного удара в тексте Концепции национальной безопасности РФ может интерпретироваться достаточно просто: в этом случае политика России в области ядерных вооружений будет полностью соответствовать политике Соединенных Штатов.

С данным утверждением, впрочем, можно согласиться лишь отчасти. Как отмечалось выше, деклараторная политика США выстраивается в контексте чрезвычайно сложного переплетения проблем европейской политики, задач регионального сдерживания от применения ОМУ и военно-технических вопросов. Российская деклараторная политика, в отличие от американской, достаточно цельна и гармонична. Она имеет исключительно военно-прикладное значение и изначально не претендовала на роль важного инструмента *большой политики*. Ее задача заключалась в обозначении роли ядерного оружия как *усилителя* недостаточной мощности обычных вооруженных сил или, если по определению генерал-майора В.Дудника, роли временного компенсатора оборонной мощи, утраченной в

ходе неудачных политических и экономических реформ¹⁶.

Весьма показательно, что российская деклараторная политика ориентировала мировое сообщество на то, что проблема первого удара рассматривается российской стороной отнюдь не как способ выстраивания союзнических отношений или систем коллективной безопасности, не как инструмент регионального сдерживания и даже не как инструмент сдерживания конфликта. Постоянно давалось понять, что первый удар может быть нанесен только на некоторой продвинутой фазе вооруженного конфликта при неспособности сдерживать развязанную агрессию только одними силами общего назначения¹⁷. Выражаясь словами бывшего заместителя секретаря Совета безопасности РФ Бориса Березовского, «[...] мы не говорим о применении ядерного удара первыми в смысле достижения преимуществ. Но если мы будем загнаны в угол и ничего кроме такого решения у нас не останется, мы будем применять ядерное оружие»¹⁸. На наш взгляд, абсолютно адекватно роль российского ядерного потенциала была обозначена в опубликованной через полгода после появления серии упомянутых *ядерных* заявлений Концепции национальной безопасности Российской Федерации: «Россия оставляет за собой право на применение всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, если в результате развязывания вооруженной агрессии возникнет угроза самому существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства»¹⁹.

Такой формат российской деклараторной политики вполне соответствовал и теории данного вопроса и реальному состоянию российских вооруженных сил. Кроме того, он не давал оснований для подозрений о наличии у России глобальных амбиций и даже был безопасен в том смысле, что не давал особых поводов для заявлений о необходимости в связи с российским подходом другим странам приобретать ядерное оружие, поскольку подразумевалось, что первый удар Россия нанесет не для достижения решительной победы и навязывания своей воли противнику, а, фактически, для восстановления статус-кво на поле боя²⁰.

Констатацией факта эффективности российской деклараторной политики можно было бы и ограничиться, если бы не многочисленные предложения имеющих вес

российских экспертов о превращении этой политики в некий *симфонический концерт* нашей военной дипломатии. Последнее представляется крайне опасным для процесса упрочения военной безопасности Российской Федерации.

Прежде всего, необходимо на официальном уровне дезавуировать все высказывания российской стороны относительно связи отказа от неприменения ядерного оружия первыми и процесса расширения НАТО. Интересам России в настоящее время не соответствует превращение ее ядерного оружия в инструмент решения региональных проблем, особенно в Европе.

Необходимо отмежеваться от заявлений о том, что Россия, при определенных условиях, будет готова к инициированию глобального ядерного конфликта, что следует, например, из весьма спорных в военно-политическом и военно-стратегическом отношении следующих рекомендаций высокопоставленных российских экспертов: «В случае угрозы перерастания агрессии из фазы регионального вооруженного конфликта в широкомасштабную войну Россия может использовать ядерное оружие первой для нанесения обезоруживающего удара по военным объектам»²¹. Последнее представляет собой лишь новую разновидность классического контрсилового первого удара. Принятие подобной доктрины может инициировать весьма негативные международные процессы.

Вряд ли способно выдержать критику и предложение об использовании угрозы первого ядерного удара для конвенционального сдерживания конфликтов в зонах политической турбулентности. Предложения о том, чтобы применять тактическое ядерное оружие *при определенных условиях и соблюдении заявительной технологии* в качестве решающего фактора в локальных приграничных конфликтах по периметру России, обеспечивающего на определенном этапе срыв и отражение агрессии, уже прозвучали со страниц российской прессы. Именно так можно интерпретировать и слова бывшего Председателя комитета по обороне Государственной Думы Льва Рохлина: «Нам необходимы средства ядерного сдерживания, у нас на Дальнем Востоке оголены огромные территории»²².

Наконец, представляется недопустимым *размывание* режима *центрального* сдерживания со стороны российских стратегических ядерных сил попытками нагрузить эти силы задачами нанесения первого ограниченного ядерного удара в региональных и локальных конфликтах. Отметим в этой связи недвусмысленную рекомендацию Совета по внешней и оборонной политике о том, что «[...] нанесение ограниченного ядерного удара стратегическими ядерными силами осуществляется для деэскалации вооруженного конфликта и предотвращения его перерастания в широкомасштабную войну против России и ее союзников». Подобный тезис нашел достаточно сторонников среди российских военных, некоторые из которых пытаются положить его в основу новой российской ядерной доктрины. В частности, утверждается, что «[...] изменение геополитической ситуации привело к созданию множества реальных предпосылок развития локальных конфликтов, уровень которых ограничивается целями и возможностями региональных центров силы. Очевидно, что Стратегические ядерные силы не могут полностью заменить силы общего назначения, но они способны служить надежной гарантией сдерживания не только от крупномасштабной агрессии, но и от региональных угроз. [...] Если ранее в задачу СЯС входило сдерживание от агрессии ядерных государств, и прежде всего США, то в новых военно-политических условиях задача сдерживания должна и может решаться и по отношению к другим, в том числе пограничным с Россией (СНГ) государствам. Целевая установка должна базироваться на возможности нанесения демонстрационных и выборочных одиночных и групповых ядерных ударов прежде всего по пунктам управления, складам оружия и боеприпасов, объектам противовоздушной обороны, аэродромам и другим подобным объектам. Это расширяет требования к качеству ядерного оружия. Стратегические системы должны обеспечивать нанесение *хирургических* ударов в широком диапазоне направлений и дальностей, в кратчайшие сроки и с минимальными экологическими последствиями»^{23,24}.

Число подобных примеров можно было бы продолжать, однако представляется, что с учетом сложившейся ситуации оптимальным вариантом деклараторной политики России явилось бы точное следование тем ее

основным положениям, которые были объявлены в 1993 году.

Хитросплетения современной ядерной политики напоминают кроссворд, где и по горизонтали и по вертикали зашифровано много слов, но после разгадки все они оказываются одним и тем же понятием – использование ядерного оружия первыми. К сожалению, жизнь лишь дописывает к этой головоломке все новые и новые фрагменты. Трагический балканский кризис, как представляется, еще аукнется миру желанием многих стран и режимов создать в своих *кустарных мастерских* ОМУ, в том числе и ядерное. Этот кризис явился и толчком к новым теоретическим спорам специалистов о роли национальных ядерных сил и о возможности их использования. Поле для состязания умов здесь, увы, широкое, а практические результаты подобных штудий трудно переоценить. Для России же крайне важно (пусть это и будет главным выводом статьи) выдержать интеллектуальные стандарты подобной дискуссии и не пугать своих контрагентов на международной арене (партнеров, соперников, потенциальных противников – *нужное подчеркнуть*) заявлениями типа: «В новую военную доктрину России должно быть включено положение о том, что если угроза применения сил общего назначения какого-либо государства против РФ значительно превышает возможности ее обороны силами общего назначения, то она имеет право на нанесение превентивного ядерного удара, а не только ответного или ответно-встречного». Что ж, вот еще одно доказательство того, что данная работа не исчерпала всей темы. ■

¹ Разумеется, это в первую очередь касается США, где такие концепции возобладали уже в первый срок президентства Билла Клинтона. Официально они были закреплены в известном докладе «Пересмотр ядерной политики», подготовку которого инициировал первый министр обороны в администрации Клинтона, ныне покойный Л.Эспин. Подобные выводы опирались на теоретические разработки известной корпорации RAND (Buchan G.C. US Nuclear Strategy for the Post-Cold War Era. RAND Corp., 1992, 124 p.). Данный вопрос достаточно подробно разобран нами: Николайчук Игорь. Ядерная политика США. В книге: США в новом мире: пределы могущества. РИСИ, М., 1997, с.217–256

² Необходимо указать: для российских исследователей приведенный выше термин пока не является общепринятым. В

большинстве переводных статей по данной тематике эта деятельность определяется как *декларативная политика*. Такое название представляется не совсем удачным. Согласно словарю Ожегова слово *декларативный* означает *имеющий форму декларации, торжественный*. Это определение как бы предполагает наличие скрытого подтекста, связанного с утверждением о необязательности: нечто может провозглашаться, но не исполняться. Из данного определения выпадает важное свойство указанной политики, связанное с тем, что ее назначение – информировать противника или противников относительно тех условий или пределов, нарушение или превышение которых чревато применением ядерного оружия. Более удачным кажется используемый в отечественной научной и военной литературе термин *заявительная политика*. Однако понятно, что под этим можно подразумевать весьма широкий круг явлений, которые могут иметь весьма отдаленное отношение к ядерной теме. Такой термин можно трактовать как *политику, проводимую путем выступления с различного рода заявлениями*. Данное определение не акцентирует внимание на ядерных аспектах. Зарубежные специалисты предлагают деятельность по достижению политических целей путем обозначения *ядерных рамок и пределов терпения* определять термином *деклараторная политика (declaratory policy)*, которому придается максимально узкое значение.

³ По мнению зарубежных экспертов, в ядерной политике, помимо деклараторной политики следует дополнительно выделять следующие четыре относительно самостоятельные ее части:

- Политика развития ядерных сил (*force development policy*). Данная политика предполагает достижение заданных военно-политических и военно-дипломатических целей с помощью комплекса мероприятий по реальному или предполагаемому изменению размеров ядерных сил, переходу на новые тактико-технические характеристики систем ядерных вооружений, способы базирования ядерных сил, выбору новых районов их дислокации и т.д.
- Политика контроля за ядерными вооружениями (*arms control policy*) имеет дело с достижением политических и военно-политических целей путем манипулирования такими категориями, как стратегический баланс, параметры стратегической

стабильности, основные направления переговорного процесса в области ограничения или сокращения ядерных потенциалов, допустимые уступки, стратегия ведения переговоров и прочие.

- Политика в области оперативной деятельности ядерных сил (*operational policy*) ставит целью полномасштабное использование во внешнеполитической деятельности государства таких аспектов функционирования ядерных сил, как варьирование уровнями готовности ракет к пуску, выбор объектов нацеливания, определение районов боевого патрулирования подводных ракетноносцев и прочие.

- Политика использования ядерных сил (*action policy*) для тех же целей определяет, каким образом будут использованы ядерные силы в случае обмена ядерными ударами.

⁴ Данный авторский коллектив работает в корпорации RAND, где рассматриваемая тема считается одной из самых перспективных. Цитата дается по последней работе авторов: Gompert D., Watman K., Wilkening D. US Nuclear Declaratory Policy. The Question of Nuclear First Use. RAND Corp., 1995, p.31

⁵ Все подобные *теоретические сложности* на самом деле рискуют вылиться в крупные *теоретические скандалы*. Исследования ядерной политики западных стран, проведенные независимыми учеными Берлинского информационного центра трансатлантической безопасности (*Berlin Information Center for Transatlantic Security (BITS)*) и Информационного совета Британско-Американской безопасности (*British American Security Information Council (BASIC)*), дали им основания заявить, что «[...] возможность нанесения ядерных ударов по целям, не имеющим государственной субъектности (*nonstate actors*), является частью американской официальной ядерной стратегии». В известной Доктрине по координации операций с применением ядерного оружия на театре военных действий (*Doctrine for Joint Theater Nuclear Operations*, 1996) прямо говорится, что «[...] негосударственные формирования, подозреваемые в обладании оружием массового уничтожения», являются *возможными целями* для нанесения первого ядерного удара. Дело в том, что с точки зрения американских стратегов такие удары вовсе не представляют собой нарушение норм международного права. В упомянутой Доктрине, в частности, прямо утверждается, что «[...] ни существующие согласованные

нормы ведения войн, ни ныне действующее, ни общепринятое международное право не запрещает использование ядерного оружия в вооруженных конфликтах», а указанные цели могут поражаться «тактическим или *субстратегическим* ядерным оружием». Европейские ученые-алармисты справедливо указывают в этой связи на удручающе слабую действенность международного законодательства по проблеме предотвращения использования ядерного оружия, на применение отдельными странами двойных стандартов ядерной политики, наконец, на опасность нанесения американских ударов по *негосударственным формированиям* с территории европейских стран для сохранения безопасности последних. Борьба с терроризмом с помощью таких ударов, по их мнению, «[...] ставит серьезный вопрос об истинном характере американских ядерных сил в Европе и о будущей ядерной доктрине НАТО». (Berlin Information Center for Transatlantic Security. Press Release. US Targets Nuclear Weapons at *Nonstate Actors*. 22 August 1998.)

⁶ В последнее время эта тема все чаще попадает в фокус теоретических изысканий американских военных специалистов. Ведущие американские эксперты в этой области справедливо указывают, что после краха биполярного мира ядерное оружие потеряло свое значение в качестве инструмента сохранения статус-кво, компенсатора недостаточной мощности американских обычных вооруженных сил и даже в качестве средства устрашения силой. Ныне ядерное оружие фактически рассматривается как *нечто, позволяющее осуществить сдерживание того, чего нельзя сдержать конвенциональными силами*. Понятно, что в этих условиях ядерное оружие становится *слишком* удобным инструментом политики, а это как раз то, чего следует избегать. Поэтому предлагаются различные (порой весьма искусственные) схемы *повышения порога* нанесения ядерного удара. Например, считается целесообразным принять ядерными странами на себя четкие обязательства не применять ядерное оружие в ходе конфликтов, ведущихся только с применением обычных вооружений, а ядерный удар осуществлять лишь в ответ на применение противником оружия массового уничтожения. (Gompert D.C. Rethinking the Role of Nuclear Weapons. *Strategic Forum*, No. 14:1, May 1998.)

⁷ Американская академическая наука менее косна в этом отношении. Постепенно идеи о

том, что глобальный уровень сдерживания является атрибутом прошлого, завоевывают все больше сторонников. На смену приходят теоретические построения, в которых исходным пунктом становится *многополярный мир*. *Большой стратегией* США объявляется комплекс отдельных *региональных стратегий*. (См., в частности, Richard L. Kugler. U.S. Military Strategy and Force Posture for the 21st Century: Capabilities and Requirements. National Defense Research Institute, RAND, MR-328-JS, 1998, 228 p.)

⁸ Проблему принятия на себя обязательств не применять первыми ядерное оружие не удастся свести к полноценному анализу отдельно ее политических, военных аспектов и аспектов, связанных с реализацией режима регионального сдерживания.

⁹ Malcolm Rifkind. UK Defence Strategy: A Continuing Role for Nuclear Weapons? Speech given at Center for Defence Studies. King's College. 16 November 1993, p.7

¹⁰ Malcolm Rifkind. Op.cit., p.13

¹¹ Современная ядерная политика Великобритании, особенно в части официальных взглядов на использование ядерного оружия вообще и на возможность нанесения первого удара, в частности, может характеризоваться как тупиковая. *С одной стороны*, нынешний состав ядерных сил Соединенного Королевства (АПЛ с МБРМ *Трайдент*) рассчитан исключительно на условия *холодной войны*, и можно ставить вопрос о критическом снижении их значения для обеспечения национальной безопасности. Это, отчасти, и было подтверждено в изданном пришедшим к власти в 1997 году правительством *новых лейбористов* документе «Strategic Defense Review». *С другой стороны*, это же правительство не сделало каких-либо конкретных шагов по выработке новой концепции использования ядерного потенциала Великобритании. *Трайденты* до сих пор рассматриваются в Англии как атрибуты великой державы. В то же время остро встает вопрос, как в условиях *многополярного мира* применять имеющиеся у Великобритании ядерные силы для регионального сдерживания и для сдерживания вероятных противников от применения оружия массового уничтожения. В последнем из известных исследований на эту тему (Rebecca Johnson. British Perspectives on the Future of Nuclear Weapons, Henry L. Stimson Center, October 1998, 24 p.) делается вывод, что долгосрочная *новая лейбористская ядерная политика* может развиваться в пяти возможных направлениях, а именно:

- сохранить нынешний состав СЯС Великобритании, но через восемь–десять лет осуществить замену ракет *Трайидент* на аналогичные системы нового поколения;
- сохранить ракеты *Трайидент* в качестве единственной системы СЯС и не производить их замену (отложенное решение);
- изменить состав ядерных сил Великобритании, воссоздав тактическое ядерное оружие;
- вступить в особые союзнические отношения с Францией, создав двусторонние объединенные ядерные силы для осуществления так называемого *евросдерживания*;
- присоединиться к процессу сокращения ядерных вооружений, решая судьбу системы *Трайидент* в ходе переговоров пяти основных ядерных держав или в аналогичных переговорах в более расширенном составе.

Специалисты делают вывод, что наиболее вероятно правительство лейбористов изберет именно пятый путь, тем более что в предвыборной кампании ведущие деятели лейбористской партии уделяли много внимания вопросу о том, что Англия должна инициировать подписание многостороннего соглашения об отказе от применения ядерного оружия первыми между странами, заключившими подобный договор.

¹² Возможность нанесения первого ядерного удара военные специалисты Франции выводят из особого положения этой страны, территория которой, в силу ее географического положения, остается уязвимой для агрессии обычных вооруженных сил. История страны доказала бесперспективность практики заключения военных союзов с другими странами. Кроме того, исторический опыт Франции в полной мере продемонстрировал пагубные последствия военных поражений и оккупации на общественную мораль и возможность достойного существования нации. Именно поэтому, якобы, и возникла французская концепция *разубеждения* (*dissuasion*), основанная на возможности нанесения массированного ядерного удара возмездия по противнику, посягнувшему на жизненно важные для безопасности Франции геополитические центры (национальная территория, Западная Европа, Северная Африка, Ближний Восток). Таким образом, в отличие от США, французская ядерная доктрина сдерживания ориентировала военных не на подготовку к *реальной* ядерной войне, а на *предотвращение войны и*

обеспечение мира. (Grand Camille. A French Nuclear Exception? Henry L. Stimson Center, October 1998, 17 p.)

¹³ Следует признать, что в фундамент деклараторной политики той или иной страны нередко закладываются достаточно общие *цивилизационные мифы*. Например, КНР сразу после первого испытания своего ядерного оружия объявила об отказе применять его первой. Спустя почти 35 лет этот шаг обосновывается тем, что «[...] традицией китайской стратегической культуры является ориентация на активную оборону и на минимальное использование силы. В этой связи отказ от первого удара отражает стремление Китая осуществлять исключительно *минимальное сдерживание*, а не *наступательное сдерживание*, как это практикуют ядерные сверхдержавы». (Huaqiu Liu. China's No-First-Use Policy. Henry L. Stimson Center, October 1998, 18 p.) Напомним также, что 23 декабря 1993 года китайское правительство предложило другим ядерным державам начать переговоры по неприменению ядерного оружия первыми. В начале марта 1994 года Китай подтвердил свое предложение.

¹⁴ Здесь уместно напомнить тот нешуточный скандал, который вызвало робкое упоминание нового министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера о том, что федеральное правительство хотело бы обсудить при выработке новой стратегической концепции НАТО вопрос о целесообразности сохранения доктрины первого ядерного удара. Хотя, может быть, подобные взгляды в Альянсе и не являются *изолированными* только внутри движения *зеленых*, реакция всех официальных лиц по этому вопросу была единой – первый ядерный удар является необходимым средством стратегии устрашения. (Евгений Григорьев. Ядерная склака в НАТО. *Независимая Газета*, 28 ноября 1998, с.6.)

¹⁵ Американская печать о событиях в мире. Международная экспресс-информация. *Итар-Тасс*, 12 мая 1997

¹⁶ Дудник В.М. Стратегия и тактика военной реформы. Какая армия нужна России? Материалы *круглого стола*. Ассоциация *Гражданский мир*. М., 1997, 59 с.

¹⁷ К такому формату деклараторной политики российские политики пришли не сразу. В некоторых проектах документов, подготовленных высшими должностными лицами Российской Федерации по этим вопросам, особо подчеркивалось, что правительство РФ будет «[...] твердо придерживаться позиции, что для отражения

агрессии регионального масштаба (деэскалации вооруженного конфликта) Россией могут быть использованы все обычные средства вооруженной борьбы, которыми она располагает. [...] В случае угрозы перерастания агрессии из фазы регионального вооруженного конфликта в широкомасштабную войну, Россия может использовать ядерное оружие первой для нанесения обезоруживающего удара по военным объектам. (Павлиди Петр. Замысел аппарата Совета обороны. *Независимая Газета*, 22 января 1997, с.1.)

¹⁸ *Интерфакс*, 12 мая 1997

¹⁹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. *Российская Газета*, 26 декабря 1997, с.5

²⁰ Тонко чувствующий нюансы ядерной политики бывший министр обороны США Р.Макнамара считает, что заявления России о возможности первой использовать ядерное оружие – это с политической точки зрения далеко не оптимальный, хотя и вынужденный шаг. В статье (Pincus Walter. Re-Read His Lips: Reduce Arms Now. *Washington Post*, 10 November 1998, p.1) цитируется его призыв к правительству США в одностороннем порядке сократить ядерные арсеналы Америки. Предвидя возражения оппонентов, он специально оговаривает, что переход России к стратегии первого ядерного удара вызван тем, что «[...] вооруженные силы русских распались и они опасаются первого удара со стороны США. Русские обязательно положительно прореагируют на снижение числа американских ядерных систем, поскольку они отдают себе отчет в том, что ядерное оружие не является ответом на те проблемы, которые действительно стоят перед ними».

²¹ Коротченко Игорь. Изменение подходов к ядерному планированию. *Независимая Газета*, 13 февраля 1997, с.2

²² Жеглова Юлия. Ядерные возможности КНР. *Независимая Газета*, 25 января 1997, с.4

²³ Зуев Ю., Кузнецов Г. Предупреждение возможному агрессору. *Независимая Газета*, 29 марта 1997, с.3

²⁴ Стефан Бланк не оставил без внимания все подобные заявления наших неофициальных стратегов. Их предложения получили следующую интерпретацию: «Москва заявила о своей готовности нанести упреждающий ядерный удар и по тем противникам, которые имеют союзнические отношения с ядерными державами. [...] Современные российские доктринальные установки допускают применение ядерного оружия даже в условиях

расширяющихся этнополитических конфликтов». (См.: Stephen Blank. Russia Armed Forces on the Brink of Reform. Conflict Studies Research Center. October 1997, 34 p.)

Сообщения

О КОНФЕРЕНЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

С 20 по 22 мая в Комо (Италия) состоялась международная конференция «Ядерное оружие в Южной Азии: проблемы и решения». Конференция была проведена под эгидой ЮНЕСКО при участии Группы Ландау – Центра Вольта (*Landau Network – Centro Volta*) и при поддержке министерства иностранных дел Италии.

В ходе конференции, приуроченной к первой годовщине серии ядерных испытаний в Южной Азии, были подняты, среди прочих, такие вопросы? как мотивация решений Индии и Пакистана в связи с проведением ядерных испытаний и развития военных ядерных и ракетных программ; нынешнее состояние военно-ядерных и ракетных программ Индии и Пакистана; отношение обеих стран к ДНЯО, ДВЗЯИ, РКРТ и конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей (ЗПРМ) и возможности по коррекции сформировавшейся позиции; меры по снижению ядерного риска, создание мер доверия; взаимоотношения в треугольнике Индия–Китай–Пакистан; место и роль Соединенных Штатов и России в снижении напряженности и контроле над ОМУ на Индостанском субконтиненте; возможные сценарии развития событий. В заключение участники сделали попытку сформулировать набор предложений по выводу ситуации вокруг ядерного оружия в Южной Азии из тупика. Вопреки программе конференции, участники сочли необходимым подробно остановиться на ситуации, сложившейся в результате бомбардировок Югославии со стороны НАТО, которые подорвали международную стабильность и заставили ряд государств взглянуть по-новому на роль ядерного оружия в качестве фактора сохранения их территориальной целостности и национального суверенитета.

Конференцию открыли координатор по вопросам безопасности и разоружения МИД Италии Марио **Сика** (Mario Sica) и мэр Комо Альберто **Ботта** (Dr. Alberto Botta). С докладами и сообщениями в ходе конференции выступили: от Индии – директор Института оборонных исследований и анализа Джазит **Сингх** (Comm. Jasjit Singh), заместитель директора этого института Удай **Баскар** (Comm. Uday Bhaskar), профессор Центра политических исследований Брама

Челлани (Prof. Brahma Chellaney), глава делегации на конференции по разоружению в Женеве, посол Савитри **Кунади** (Amb. Savitri Kunadi) и другие; от Пакистана – генеральный секретарь Ассоциации безопасности и развития, посол Ниаз **Наик**, президент Института региональных исследований генерал-лейтенант Ахмад **Нишат**, генеральный секретарь Фонда изучения проблем национального развития и безопасности Сайед Магиур **Рахман**, посол Абдул **Саггар** и другие; от Китая – старший советник Института международных исследований, посол Рейсен **Чен**; от России – руководитель отдела МИД Виктор **Мизин**, директор ПИР-Центра Владимир **Орлов** и другие; от США – директор проекта по нераспространению Международного института Карнеги Джозеф **Сириционе** (Prof. Joseph Cirincione), профессор Гарвардского университета Стивен **Миллер** (Steven Miller) и другие; от Израиля – сотрудник Директората иностранных дел, контроля над вооружениями и безопасности, полковник Шмуэль **Лимон**; от Италии – профессор Миланского университета Паоло **Котта-Рамузино** (Prof. Paolo Cotta-Ramusino), председатель Пагуошского совета, профессор Франческо **Калогеро** (Prof. Francesco Calogero) и другие; от Мексики – посол Мигель **Марин-Бош** (Amb. Miguel Marin-Bosch), а также дипломаты и ученые из Великобритании, Норвегии, Швейцарии, Южной Кореи, Японии, делегация МАГАТЭ.

Конференция показала, что Индия и Пакистан по-прежнему находятся на противоположных полюсах в том, что касается вопросов контроля над ядерным оружием. Более того, индийские представители подтвердили отсутствие всякой заинтересованности в подписании ДВЗЯИ в ближайшем будущем, настаивая на признании Индии в качестве нового официального государства. В качестве *компромисса* индийской стороной была выдвинута идея протокола к ДНЯО, где бы фактически фиксировался ядерный статус Индии. Китайский представитель обратил внимание на то, что Китай исходит из того, что для него отсутствует угроза со стороны Южной Азии, в то время как серьезная угроза против Китая нарастает на *восточном направлении* – прежде всего со стороны Тайваня, в отношении которого «у Пекина приходит конец терпению», но также со стороны США.

Противоречия во взглядах участников конференции не позволили сформулировать набор взаимоприемлемых рекомендаций для Индии и Пакистана. Как отметил один из участников конференции, представитель Южной Кореи, профессор Марк Су, «[...] разочарование – вот ощущение, которое

нарастало во мне с каждым новым выступлением дипломатов и ученых из Южной Азии. В результате мы, вероятно, получим цепную реакцию и новую волну распространения – прежде всего в Восточной Азии, но также и на Ближнем Востоке и в других регионах мира».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕГКОГО И СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ: О ПОЗИЦИИ РОССИИ

С уходом в прошлое *холодной войны* угрозы международному миру и безопасности стали представлять региональные конфликты, как внутренние, так и носящие межгосударственный характер. Они существовали и раньше, но на фоне глобального противостояния находились на задворках мировой политики. Всплески военной активности вокруг Ирака, кризис и гражданская война в Афганистане, конфликты в Анголе, Сомали, Бурунди, Косово и в других районах уже унесли десятки тысяч жизней. При этом боевые действия ведутся в основном с применением легкого и стрелкового оружия (ЛСО), за исключением, пожалуй, иракского кризиса.

Становится все более массовым и применение стрелкового оружия при столкновениях преступных группировок с полицией, гангстерских разборках, при совершении преступлений на улицах многих городов мира. Ситуация усугубляется еще и тем, что все чаще оружие берут в руки даже подростки и дети. Подростки составляют до 10% бойцов вооруженных формирований в конфликтах в Либерии и Афганистане, 20% – в Сальвадоре¹. За последние годы в США наблюдалась буквально эпидемия массовых расстрелов школьниками своих товарищей и учителей.

Все это заставляет мировое сообщество бить тревогу – неконтролируемое расползание в мире ЛСО может сделать не только более кровавыми и продолжительными региональные войны, но и грозит взрывами преступности и терроризма в таких относительно спокойных регионах, как Северная Америка и Западная Европа. В итоге, если еще три–четыре года назад в центре внимания была проблема ликвидации и предотвращения распространения противопехотных мин, жертвами которых были преимущественно мирные жители, то уже сейчас проблема ЛСО приобрела особую остроту. Недаром эта тематика оказалась включенной в повестку дня в работах

восьмерки среди других проблем, связанных с нераспространением ОМУ и борьбы с терроризмом. Было также решено рассмотреть вопрос о созыве международной конференции по незаконному экспорту оружия, на которой вопросы предотвращения распространения ЛСО заняли бы центральное место.

В отличие от передач таких видов обычного вооружения, как танки, БМП, артиллерия, самолеты, поставки ЛСО достаточно легко скрыть, точно также как и его хранение, и транспортировку. В то же время ПЗРК, ПТУРСы и гранатометы обладают большой поражающей способностью при массированном применении, сопоставимой с тяжелыми видами оружия. Очевидно, что переносной зенитной ракетой можно сбивать гражданские самолеты (что подтверждают катастрофы самолетов ООН в Анголе), а противотанковой ракетой можно разрушить жилой дом.

Среди наиболее распространенных способов попадания ЛСО в сферу незаконного оборота следует указать следующие:

- хищение со складов и при транспортировке;
- захват в бою или при разоружении противника;
- незаконное производство;
- скупка у населения оружия преступными группировками.

В нелегальные каналы попадает и ЛСО, переданное на вполне законных основаниях получателю, например, вооруженным силам, но потом, при содействии коррумпированных чиновников и военных, оказавшееся в руках международных контрабандистов.

В некоторых регионах – Африке, Центральной Америке, Юго-Западной Азии – обращается большое количество ЛСО, незаконно переходящее из рук в руки. При этом дестабилизирующим фактором является не только поставка новых партий ЛСО из одной

страны в другую, но и оборот, и распространение уже имеющихся запасов с помощью государственных и негосударственных структур².

Это наиболее типично для развивающихся стран, не имеющих надежной системы экспортного, таможенного и пограничного контроля и достаточных сил полиции. Тем не менее, международные контрабандисты ЛСО действуют и в районе Флориды, странах Юго-Восточной Азии, Юго-Восточной и даже Северной Европы и странах СНГ.

Еще в середине девяностых годов ООН выразила свою озабоченность положением дел с распространением ЛСО. Группе экспертов было поручено провести специальное исследование о причинах и последствиях распространения ЛСО, его роли в конфликтах. Проведенная работа закончилась принятием доклада генеральному секретарю ООН, в котором были обозначены основные причины неконтролируемого расползания этого оружия, а также намечены основные пути борьбы с его распространением. Среди основных причин такого положения дел отмечалось недостаточное социально-экономическое развитие, давние территориальные, этнические и религиозные конфликты. Указывалось также на легкую доступность стрелкового оружия во многих развивающихся странах и на то, что культура насилия способствует массовым убийствам мирного населения.

Среди наиболее эффективных мер противодействия предлагалось следующее:

- сотрудничество правовых, таможенных, лицензионных служб разных стран;
- усиление национальных систем контроля за производством и передачей ЛСО;
- пресечение основных каналов нелегального распространения;
- ужесточение правил хранения и выкуп оружия у населения;
- уничтожение запасов оружия, захваченного у комбатантов;
- уничтожение излишков оружия и обмен информацией в этой сфере³.

За последние два-три года усилилось взаимодействие государств в области борьбы с незаконным распространением ЛСО, раскрыты некоторые каналы его нелегальных передач, арестованы члены бандформирований и контрабандистов, ужесточен контроль за легальным хранением ЛСО и его

транспортировкой. Все это относится и к странам СНГ.

В соответствии с инициативой Бамако объявлен мораторий на поставки ЛСО в Западную Африку, принято межамериканская конвенция по борьбе с нелегальным производством и торговлей ЛСО, боеприпасами и взрывчаткой. Принят европейский кодекс поведения в области экспорта оружия, а также Совместный план действий ЕС по борьбе с нелегальным распространением ЛСО.

Тем не менее всех этих мер, а также двусторонних и многосторонних механизмов явно недостаточно для решения данной проблемы⁴. Выдвинуто предложение провести в 2000 году международную конференцию в Швейцарии по проблемам борьбы с незаконным распространением оружия и прежде всего ЛСО. Эта инициатива была поддержана большинством государств-членов ООН. Тем не менее, пожалуй, на этом, а также на признании важности проблемы ЛСО, согласие в подходах заканчивается. Главный вопрос – что конкретно надо делать дальше, вызывает серьезные споры.

В чем же заключаются разногласия и какова их причина? Если говорить в целом, основные различия в позициях государств по проблеме борьбы с распространением ЛСО лежат в плоскости определения самого предмета дискуссии. С чем бороться – с незаконной торговлей оружием или брать во внимание такие сферы, как производство, хранение, торговлю и легальный оборот оружия. Это далеко не праздный вопрос. В отличие от других видов оружия – ядерного, химического, ракетного большой дальности, передача которых является априорно незаконной, то есть попадает под действие международных договоров и режимов, ЛСО вполне легально может продаваться.

В зависимости от того, что будет взято в качестве отправной точки зрения для действий на ближайшую и на дальнюю перспективу, должна выстраиваться вся работа и взаимодействие стран.

Ряд государств, прежде всего Норвегия, Канада, Япония, а также многие неправительственные организации уже сильно *раскачали* эту проблему, предлагая поставить ЛСО если не вне закона, то сильно сузить международно-правовую базу для их легальных поставок. Смысл их предложений

сводится к тому, чтобы борьба велась не только с незаконными поставками оружия, но также вводились бы ограничения на легальные его передачи, прежде всего на те, которые подрывают международную и региональную безопасность и ведут к внутренним репрессиям и нарушениям прав человека. Одновременно должны быть предприняты меры по контролю и введению ограничения на поставки некоторых видов оружия (прежде всего переносных зенитных ракет), уничтожению запасов и излишков ЛСО в странах, которые являются ведущими центрами их производства и экспорта. Такой подход содержит долю истины, но несмотря на кажущуюся привлекательность, также порождает множество вопросов и разногласий.

Прежде всего торговля оружием – это не только легальный бизнес, но одновременно и необходимость для некоторых государств, не производящих оружие. Причем поставки ЛСО важны не только с точки зрения обеспечения обороны и борьбы с терроризмом и для поддержания общественного порядка, но в ряде случаев, когда государство слабо, а уровень преступности высок, наличие у рядовых граждан огнестрельного оружия является единственной возможностью защитить свой дом и семью.

Во многих странах, как развитых, так и развивающихся, ношение стрелкового оружия издавна было национальной традицией. Было налажено его производство, в том числе и кустарно-ремесленное, созданы устойчивые каналы сбыта, как легальные, так и нелегальные, что особенно типично для районов Кашмира и Северного Пакистана. В этом случае вопрос о притоке ЛСО в результате экспорта не столь важен, его имеется более чем достаточно на месте. Такое положение дел весьма опасно (и пример тому – Афганистан), поскольку завод по производству оружия в районе конфликта оказывает влияние на ситуацию в долгосрочном плане намного больше, чем просто поставки оружия⁵.

Однако опыт многих государств показывает, что далеко не всегда большое количество ЛСО на руках у населения ведет к конфликтам и росту преступности (например, в Швейцарии). Это дает повод многим противникам ограничений передач ЛСО, например, из американской ассоциации стрелкового оружия, утверждать, что опасность преувеличена, что убивает не оружие, а люди, и препятствовать обладанию стрелковым

оружием, в том числе автоматическим, означает ограничение прав граждан на самооборону. Хотя это отчасти верно, но верно и то, что неконтролируемое распространение ЛСО многократно увеличивает число жертв как в региональных и внутренних конфликтах, так и в преступлениях, совершаемых на улицах городов.

У этой проблемы имеется и другая сторона – коммерческая. Торговля оружием вообще, в том числе легким и стрелковым, приносит многомиллионные доходы. Очевидно также, что его производители и экспортеры, такие, как Франция, Россия, КНР, Италия, заинтересованы в сохранении рынков сбыта и были бы не очень довольны введением международного контроля и тем более ограничений на экспорт оружия. В отличие от Японии, Канады, Норвегии, Колумбии им есть, что терять.

Вместе с тем ситуация и здесь далеко не однозначна. Под давлением общественного мнения, неправительственных организаций правительства США, Англии, ФРГ начинают более последовательно выступать за принятие мер по контролю за международной торговлей ЛСО, за ужесточение правил его передачи и большую транспарентность в этой сфере. Американцы и англичане серьезно озабочены распространением, в том числе легальным путем, ПЗРК, которые могут эффективно использоваться не только против военных, но и гражданских самолетов. Такой подход определяется во многом американской стратегией борьбы с международным терроризмом.

С практической точки зрения распространение ПЗРК, безусловно, опасно, и к передачам этих систем надо подходить с осторожностью. Не меньшую опасность представляют и ПТУРСы, с помощью которых можно легко поразить автобусы или поезда. Как показал опыт конфликтов на пространстве СНГ, наиболее опасными и часто используемыми против гражданских объектов и мирного населения являются автоматы и гранатометы, жертвами которых стали тысячи людей.

Вместе с тем западные страны стремятся, в первую очередь, ограничить поставки ПЗРК, в том числе и российских типа *Игла*, которые представляют собой весьма эффективное и недорогое оружие. С учетом того, что и другие наши зенитные системы – С-300, *Тор М-1* – рассматриваются как дестабилизирующие

(хорошо известна история с поставками российских С-300 на Кипр), складывается впечатление, что США и ряд их союзников просто стремятся сохранить свое преимущество в авиации. Подоплека такого подхода лишний раз стала очевидной в ходе бомбардировок НАТО Югославии.

Что же касается ограничения возможностей попадания такого оружия, как *Игла* в руки террористов, то это скорее зависит от способности обеспечить жесткий контроль за складами оружия в ряде развивающихся стран. Очевидно, имеют место чисто коммерческие соображения – вытеснить конкурентов. Российское охотничье и стрелковое оружие, известное своим качеством, ограничивается к доступу на американский рынок высокими пошлинами и запретами на определенные модели.

Все это свидетельствует о том, что несмотря на актуальность проблем предотвращения бесконтрольного распространения в мире ЛСО, *наскоком* данную проблему не решить. Требуется не столько быстрые и решительные действия, сколько продуманные, всесторонние и рассчитанные на перспективу меры.

Что касается России, то хотя ранее СССР был одним из крупнейших экспортеров ЛСО, сейчас мы не являемся ведущими поставщиками в этой области, уступив пальму первенства Китаю и США. Хотя АК-47 и его последние модификации, а также уже упоминавшаяся *Игла*, снайперские винтовки Драгунова и т.д. высоко котируются среди специалистов, выгодно продать их непросто. В региональных конфликтах и криминальных разборках чаще используются китайские подделки автомата Калашникова, ненадежные, но дешевые.

На черном рынке также больше в ходу старое списанное оружие непонятного происхождения. В этой связи напрашивается вывод о том, что в первую очередь нужно бороться с нелегальной торговлей оружием, и *вне закона* должно быть поставлено ЛСО сомнительного качества и происхождения и произведенные безлицензионно его разновидности. Уничтожение же армейских складов автоматов и гранатометов еще является делом будущего, при том понимании, что они должны хорошо охраняться.

В этой связи позиция Российской Федерации по проблеме ЛСО изложена в соответствующих документах. В докладе

генерального секретаря ООН на 53-ей сессии Генеральной ассамблеи изложены следующие положения, касающиеся данной проблемы.

- Россия озабочена распространением в мире ЛСО, особенно в районах конфликтов, и предпринимает меры по ужесточению контроля за его экспортом, производством, продажей и усиливает борьбу с его незаконным распространением;
- Россия согласна с необходимостью совместной борьбы с нелегальным оборотом ЛСО в мире и активизацией сотрудничества между полицейскими, таможенными, лицензионными организациями различных стран;
- Россия полагает, что вопрос об уничтожении излишков такого оружия должен быть оставлен на усмотрение самих государств, что предусмотрено рекомендациями доклада экспертов ООН;
- Россия разделяет точку зрения о необходимости разоружения бывших комбатантов в зонах конфликтов, сбора и уничтожения их оружия;
- Россия не против введения моратория на импорт ЛСО странами какого-либо региона, если это осуществляется на добровольной и недискриминационной основе;
- Россия считает, что на данном этапе какие-либо меры по введению международного контроля за законной торговлей оружием и ее ограничением были бы преждевременными и контрпродуктивными⁶.

Представляется, что международные организации пока недостаточно заняты решением конкретных вопросов, акцентируя свое внимание на общих теоретических вопросах.

Планы по созыву международной конференции, разработке обязывающих мер по контролю за легальной торговлей оружием вплоть до выработки конвенции и т.д. представляют собой далеко идущие меры по контролю над ЛСО. Между тем только из Албании, страны с небольшой территорией, с 1997 года нелегально было распространено более 750 тыс. единиц ЛСО, 3,5 млн гранат и 1,4 млн противопехотных мин. Это оружие поступает в Косово, Македонию, Грецию. Сейчас уже ясно, что несмотря на все усилия миссии ООН в Албании, проблема вышла за рамки одного региона. К сожалению, ЕС и ОБСЕ не уделили этому достаточно внимания, акцентируя усилия на политических аспектах

кризиса в Косово и утрашении Слободана Милошевича. В итоге в 1997–1998 годах 50 сербских пограничников практически не смогли остановить поток нелегального оружия. Только на рубеже 1999 года в Швейцарии и ФРГ стали активнее раскрываться каналы незаконных поставок оружия, организованные албанской диаспорой.

На наш взгляд, проблема предотвращения в мире ЛСО достаточно сложна и многопланова. Решать ее надо поэтапно, усилиями всего мирового сообщества при активном участии поставщиков и получателей. В первую очередь требуется повседневная кропотливая работа по предотвращению новых конфликтов и урегулированию старых, сбору оружия, демобилизации бывших комбатантов, борьбе с нелегальным оборотом оружия.

В докладе группы экспертов ООН 1997 года намечена целая программа по борьбе с распространением ЛСО в мире. Как представляется, далеко не по всем направлениям развернута эффективная работа.

Во многих аспектах взаимодействие государств еще только началось.

В таких условиях принимать новые широкомасштабные решения и двигаться дальше было бы преждевременно и вряд ли оправданно.

Петр Литаврин

¹ *The Bulletin of the Atomic Scientists*, No.6, Vol.53, November/December, 1997, p.34

² *Society Under Siege. Licit Responses to Illicit Arms*, Institute security Studies. South Africa, 1998, p.20

³ Доклад группы правительственных экспертов по стрелковому оружию. Генеральная ассамблея ООН, A/52/298, 27 августа 1997, с.22–25

⁴ *Curbing Illicit Trafficking in Small Arms and Sensitive Technologies. An Action-Oriented Agenda UNIDIR*. NY-Geneva, 1998, p.40

⁵ *North-South. A Worldwide commitment against Light weapons*. Pax Christi International, Brussels, Belgium, 1998, p.31

⁶ Report of the Secretary-General, A/53/169, 7 July 1998. General and complete disarmament: Small Arms, pp.10, 11

Из редакционной почты

- **Что думают читатели *Ядерного Контроля* о журнале (из ответов на вопросы нашей анкеты)**

Сергей Павленко:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Журнал нужен.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Высокий.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Высокий.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Контроль экспорта неядерных вооружений.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Экспорт программного обеспечения.

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Повседневно.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Продолжать.

Автор ответов на анкету – Заместитель начальника Главного контрольного управления администрации президента РФ, Москва.

Виктор Попов:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Сегодня особенно необходим.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Отвечает уровню известных международных изданий данного профиля.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Независимость и объективность редакции являются одним из важнейших преимуществ *Ядерного Контроля*.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Проблемы учета, контроля и физзащиты ядерных материалов; проблемы утилизации делящихся материалов; проблемы контроля безопасности в ядерной энергетике и промышленности.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Новые ядерные технологии: аспекты безопасности и нераспространения.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – Иван Сафранчук «Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности», Виктор Михайлов «К стратегической стабильности – через баланс силы и

транспарентности», Роланд Тимербаев «К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты)».

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Используем материалы при сопоставительном анализе широкого круга проблем развития ядерной энергетике и ядерного топливного цикла.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Сохранить высокий уровень профессионализма и объективности. По возможности давать заблаговременную информацию о планируемых конференциях, семинарах по тематике журнала.

Автор ответов на анкету – кандидат химических наук, начальник лаборатории информационно-аналитических исследований РНЦ Курчатовский институт, Научно-технологический комплекс Системный анализ, Москва.

Виктор Воронов:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Публикации журнала непосредственно касаются тематики деятельности ядерного центра. Безусловно, такой журнал необходим.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – В целом, как достаточный.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Встречаются субъективные суждения, что вполне естественно.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Проблемы сокращения ЯО, нераспространения, учета и контроля ДМ, Договоры СНВ-2, СНВ-3, тактическое и оборонительное ЯО, ПРО.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Договор СНВ-3, перспективы ЯО, ПРО и др. Параметры стратегической стабильности.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – Николай Соков «Эволюция российских стратегических наступательных вооружений», Владимир Белоус «Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3».

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Как источник информации в аналитической работе по ЯО.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Привлечь к публикации в журнале материалы специалистов и ученых ядерных центров РФ.

Автор ответов на анкету – кандидат технических наук, начальник отдела РФЯЦ-ВНИИЭФ, Саров.

Валерий Володин:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Достаточно высокий, нужен.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Высоко.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Достаточный.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Текущее состояние и перспективы развития ЯО и контроля за его состоянием в Англии, Франции, Китае, Индии и других странах.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Целесообразно публиковать материалы аналитического характера по вопросам технического состояния существующего ЯО, мнения специалистов на возможность продления сроков его эксплуатации.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – Александр Яковенко «О компьютерной проблеме 2000 года».

Какие материалы показали вам неудачными (автор, название)? – Виктор Михайлов «К стратегической стабильности – через баланс силы и транспарентности».

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – В качестве справочного материала.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Изыскать возможности распространения электронных версий документов по ЯО (постановлений, договоров, решений конференций) по просьбе пользователей журнала.

Автор ответов на анкету – командир воинской части, Москва.

Александр Гольц:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Чрезвычайно нужен.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Высоко.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Журнал стремится к объективности.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Проблемы ядерных стратегических вооружений, СНВ-2, нераспространения.

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Использую в качестве справочного материала.

Автор ответов на анкету – обозреватель журнала Итоги, Москва.

Николай Кравченко:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Журнал полезен для специалистов, занимающихся проблемой борьбы с незаконным оборотом ядерных и радиоактивных материалов.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Достаточный.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Достаточный.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Проблемы пресечения незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов.

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Как дополнительную информацию.

Автор ответов на анкету – заместитель начальника Регионального информационно-технического таможенного управления ГТК России.

Владимир Крохин:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Высоко. Безусловно, нужен. Журнал является основным источником информации по ядерной тематике.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Достаточно высоко.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Достаточно независимый и объективный (по пятибалльной шкале на четверку).

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Проблемы ядерной безопасности, экологии, учета и контроля за ядерными материалами.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Хотелось бы больше внимания уделять указанным выше проблемам.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – Владимир Орлов «С унижением работников предприятий ЗАТО должно быть покончено».

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Как источник информации при определении идеологии и стратегии проводимых работ.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Сохранить все положительное и меньше иметь отрицательного.

Автор ответов на анкету – главный физик комбината Электрoхимприбор, Лесной.

Игорь Голоскоков:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Это, пожалуй, наиболее интересное для меня издание.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – На мой взгляд, в большинстве своем авторы материалов – профессионалы в своей сфере.

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – У меня нет в них обоснованных сомнений.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Учет и контроль ядерных материалов оружейных кондиций. Программа использования оружейного плутония.

Какие важные проблемы мы не затронули или затронули недостаточно? – Физическая защита ядерных материалов и ядерных объектов. Антитеррористические и противодиверсионные меры.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – «С унижением работников ЗАТО должно быть покончено», Владимир Белоус «Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3», Игорь Терехов, Андрей Титаренко, Виталий Цымбал «Проблема управления развитием технологий двойного назначения в современной России», рубрика «Страницы истории» и др.

Какие материалы показались вам неудачными (автор, название)? – Для меня не представляют профессионального интереса статьи, касающиеся проблемы обычных вооружений.

Как вы используете статьи Ядерного Контроля в своей работе? – Расширяют кругозор, дают возможность обратить внимание на проблемы, ранее упущенные по какой-то причине.

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Не упускать и в дальнейшем из поля зрения проблемы ЗАТО и предприятий Минатома. Были бы полезны комментарии юриста к

публикуемым нормативно-правовым актам (их можно было бы вынести в приложение).

Автор ответов на анкету – заместитель генерального директора по безопасности Сибирского химического комбината Минатома РФ, Северск.

Евгений Аврорин:

Как вы оцениваете значение журнала Ядерный Контроль? Нужен ли такой журнал вам? – Нужен.

Как вы оцениваете уровень профессионализма материалов журнала? – Высокий (как правило).

Как бы вы оценили уровень независимости и объективности редакции журнала? – Достаточный.

Какие затронутые проблемы для вас наиболее важны? – Нераспространения ЯО.

Какие статьи вызвали ваш особый интерес (автор, название)? – Борис Литвинов, Владимир Лоборев «Об определении назначения ядерного взрыва».

Какие пожелания вы бы высказали редакции? – Документы по тематике журнала желательно накапливать в виде общедоступной электронной базы данных.

Автор ответов на анкету – академик РАН, научный руководитель, РФЯЦ-ВНИИТФ им.Е.Н. Забабахина, Снежинск.

Редакция с благодарностью принимает письма, но оставляет за собой право отказать в их публикации или опубликовать с сокращениями, не искажающими смысла. В переписку редакция не вступает. ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылается по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Библиотека

ИЗРАИЛЬ И БОМБА. Авнер Коэн. Нью-Йорк, Колумбийский университет, 1998, XVIII+470 стр.

Israel and the Bomb. Avner Cohen. New York, Columbia University Press, 1998, XVIII+470 p.

Литература по атомной программе Израиля и созданию его ядерного потенциала пополнилась новой солидной монографией. Ее автор – Авнер Коэн, израильский политолог, живущий в США. Следует сразу сказать, что новая книга выгодно отличается от других работ по этой теме своей чрезвычайно обстоятельной архивной и мемуарной основой. Автору удалось поработать как в американских, так и в израильских архивах, ознакомиться с малоизвестными широкому кругу исследователей воспоминаниями (как правило, на иврите) тех, кто был у истоков атомной программы, проинтервьюировать многих израильских ученых и администраторов, а также американских специалистов. Авнер Коэн продемонстрировал недюжинные способности аналитика, которые позволили ему прийти к нестереотипным, нетрадиционным выводам и рекомендациям относительно возможного дальнейшего подхода израильского истеблишмента к атомной проблеме.

Особая актуальность новой работы израильского исследователя состоит в том, что после ядерных испытаний, проведенных Индией и Пакистаном в мае 1998 года, неизбежно возникает вопрос, каковыми могут стать действия Израиля, единственного из трех *околоядерных* государств, которое не провело ядерных испытаний и, следовательно, не предприняло шагов по оформлению своего статуса как государства, располагающего ядерными взрывными устройствами¹.

То, что Израиль располагает ядерным оружием и средствами его доставки, признается повсеместно, особенно после известных разоблачений, сделанных в 1986 году Мордехаем Вануну, который работал на атомном объекте в Димоне, и подтвержденных французскими специалистами, оказавшими решающую помощь в становлении атомного потенциала Израиля². Из рецензируемой книги можно узнать много существенных и доселе не известных или малоизвестных подробностей о том, как атомная программа зачиналась и развивалась и как вырабатывалась политика Израиля в ядерной области.

У истоков ее стояли первый премьер-министр Израиля Давид Бен Гурион, ученый-химик Эрнест Бергман и основной организатор атомного проекта Шимон Перес (впоследствии премьер-министр). Вскоре после создания государства Израиль была поставлена задача овладения новым источником энергии и, соответственно, новым оружием, и уже в 1948 году в военном ведомстве был создан научный департамент во главе с Эрнестом Бергманом, а в 1952 году образована атомная комиссия, руководителем которой был назначен тот же Эрнест Бергман. В свою очередь Шимон Перес «устанавливал и цементировал» связи с Францией в ядерной области (с.19). При этом в Тель-Авиве исходили из того, что в условиях францужско-алжирского конфликта «[...] в интересах Франции было иметь сильного в военном отношении Израиля, способного угрожать Насеру» (с.49). Как теперь стало хорошо известно, вскоре после Суэцкого фиаско 1956 года французы согласились построить в Димоне промышленный реактор на тяжелой воде и подземный радиохимический завод по выделению плутония.

Что касается США, то автор пишет, что администрация Эйзенхауэра узнала о Димонском проекте уже в 1958–1959 годах, но никаких действий не предпринимала, «[...] установив прецедент, согласно которому израильская программа по созданию ядерного оружия рассматривалась в качестве особого случая. Политики и руководители разведки сочли необходимым вести себя деликатно в связи с этой проблемой. Конец пятидесятых годов, – продолжает Авнер Коэн, – по всей видимости, был единственной возможностью, когда Соединенные Штаты могли бы оказать на Израиль успешный нажим, с тем чтобы он отказался от проекта создания ядерного оружия в обмен на американские гарантии безопасности, но этот шанс не был использован» (с.84, 85).

Однако когда в январе 1961 года к власти пришел президент Кеннеди, то американская администрация поставила перед Бен Гурионом вопрос о посещении Димоны американскими специалистами, на что израильтянам пришлось согласиться. С мая 1961 года по июль 1969 года было осуществлено восемь посещений атомного реактора, но «секреты

Димоны так и не были раскрыты». Эти визиты (в Израиле тщательно избегали называть их инспекциями) были организованы израильской стороной таким образом, что американские визитеры не обнаружили подземного радиохимического завода и даже «признаков его существования» (с.332).

Однако, считает автор, в условиях определенного давления на Израиль со стороны демократических администраций Кеннеди и Джонсона, которое оказывалось на фоне проходивших в тот период переговоров по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), завершившихся его подписанием большой группой государств в июле 1968 года, израильским правительством была выработана политика *неопределенности* (*ambiguity*) в отношении своего ядерного потенциала. Эта политика была формально закреплена при правительствах Леви Эшкола и Линдона Джонсона в марте 1965 года, когда между Израилем и США был подписан «меморандум о понимании», в котором Израиль заверил США, что он «[...] первым не введет (*introduce*) ядерное оружие в арабо-израильский регион» (с.207).

При этом Израиль отказался подписать ДНЯО и принять гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Свое отношение к гарантиям МАГАТЭ израильский министр иностранных дел Абба Эбан объяснил в беседе с госсекретарем США Динотом Раском в феврале 1966 года «[...] все более ослабевающей позицией Израиля в МАГАТЭ и растущей силой арабов в этом органе». (На что Дин Раск иронически заметил, что те заверения, которые дает Израиль, не мешают ему довести дело до опасной ситуации, когда наступит *восьмимесячная беременность*.) (с.211).

Значительный интерес представляют собранные и скрупулезно проанализированные автором открытые, но малодоступные материалы и воспоминания очевидцев относительно того, когда и каким образом Израиль овладел ядерным оружием. Так, он ссылается в частности на автобиографическую книгу (на иврите) одного из руководителей израильского атомного проекта Мунья Мардора, который писал, что 2 ноября 1966 года «[...] было проведено испытание особого значения. Оно ознаменовало окончание стадии разработок и явилось шагом, который подвел одну из наших главных систем оружия к завершающим фазам развития и производства.

[...] Испытание увенчалось полным успехом, так как мы получили недвусмысленное экспериментальное доказательство адекватности той системы, которую мы разрабатывали. [...] Мы ожидали этого результата в течение многих лет». Г-н Коэн полагает, что это было «[...] испытание либо законченной импловивной конструкции, либо устройства нулевой или близкой к нулевой мощности» (с.232).

Почти одновременно, в марте того же 1966 года, был осуществлен успешный запуск двухступенчатой баллистической ракеты *Иерихон*, которая также была изготовлена в основном французскими руками. Таким образом, констатирует Авнер Коэн, в 1966 году, то есть до шестидневной войны июня 1967 года, Израиль овладел всеми тремя составляющими, позволяющими ему располагать ядерными возможностями: производством расщепляющихся материалов, конструкцией взрывного устройства и средствами доставки³. Автор, ссылаясь на свидетельства современников, которые он считает достойными доверия, утверждает, что накануне войны Израиль располагал двумя ядерными взрывными устройствами, которые могли бы быть доставлены имеющимися средствами доставки (с.274). В своих мемуарах, опубликованных в 1995 году, Шимон Перес пишет, что в тот период он внес на рассмотрение министра обороны Моше Дайяна предложение, которое «[...] сдержало бы арабов и предотвратило бы войну». Это высказывание, которое Шимон Перес не детализирует по причинам его секретности, было истолковано, пишет Авнер Коэн, как предложение произвести демонстрационный ядерный взрыв. Предложение Шимона Переса принято не было, поскольку оно, как решило израильское руководство, могло бы привести к опасным и непредсказуемым последствиям (с.275, 276).

После того, как в конце шестидесятых годов Израиль овладел ядерным потенциалом, он при премьер-министрах Леви Эшколе и Голде Меир перешел от атомной политики *неопределенности* (*ambiguity*) к политике *непрозрачности* (*opacity*)⁴. Примерно в это же время в США пришла к власти республиканская администрация Никсона, в которой вначале пост советника по национальной безопасности, а затем госсекретаря занял Генри Киссинджер. Это обстоятельство, по мнению автора, позволило обоим правительствам закрепить новый режим *непрозрачности* (с.277). Летом 1969 года

визиты американцев в Димону были прекращены⁵. Указанное решение отразило понимание между Никсоном и Голде Меир «[...] новых политических и стратегических реальностей». Согласно этому пониманию, «[...] предполагалось, но не признавалось, что Израиль является государством, располагающим ядерным оружием» (с.323).

Подводя итог исследованию процесса создания ядерного потенциала и формированию ядерной политики Израиля, автор приходит к следующим выводам и рекомендациям. Политика *непрозрачности*, считает он, базируется на следующих постулатах:

- «для безопасности Израиля жизненно важно располагать ядерным оружием;
- не должно быть допущено, чтобы арабы овладели ядерным оружием и, следовательно, израильская ядерная монополия должна быть сохранена;
- но Израиль не может открыто претендовать на ядерную монополию и, таким образом, должен сохранить свой ядерный статус непризнанным;
- ядерный вопрос не должен быть предметом публичного обсуждения; он должен быть оставлен на усмотрение анонимных ядерных профессионалов;
- и, наконец, политика *непрозрачности* хорошо служит Израилю и альтернативы ей нет» (с.343).

Но в этом, убежден Авнер Коэн, таится большой минус: «[...] культура непрозрачности [...] знаменует разительный провал демократии», существует «[...] противоречие между ядерным оружием и принципами и ценностями либеральной демократии»; ядерное оружие «[...] противоречит духу демократического правления, оно разъедает и разлагает его». В этом – *трагический парадокс*. В 1994 году автор пытался издать свою монографию в Израиле, но военная цензура без каких-либо конкретных объяснений, ссылаясь лишь на *государственные соображения*, наложила запрет. Дело дошло до Верховного суда, но запрет остался в силе (с.344, 345).

Сохранится ли и далее политика *непрозрачности*? Израильские лидеры считают, что да. Авнер Коэн не согласен, она, по его мнению, все больше становится анахронизмом. Именно из-за этой политики зашла в тупик созданная в рамках Мадридского процесса многосторонняя

рабочая группа по ограничению вооружений и региональной безопасности, поскольку Израиль отказывается обсуждать в этой группе ядерный вопрос. А без продвижения в рассмотрении этого вопроса застынет весь процесс ближневосточного урегулирования. И все же Израилю «[...] придется подойти к моменту истины в отношении своей ядерной программы» (с.346).

Путь к постепенному отказу от политики *непрозрачности*, полагает автор, лежит через переговоры о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ). Более того, по его мнению, «[...] должным образом подготовленный договор о ЗПРМ» может дать Израилю ряд преимуществ: легитимизацию обладания ядерными расщепляющимися материалами и, следовательно, легитимизацию ядерного статуса. Такого рода договор, не распространяющийся на имеющиеся запасы подобных материалов, устраивал бы Израиль, поскольку не затрагивал бы «[...] бомбы и даже не требовал бы инвентаризации в прошлом произведенных ядерных материалов». Таким образом, «[...] активное обсуждение договора о ЗПРМ неизбежно подтолкнет Израиль к выходу за пределы стадии непрозрачности» (с.348).

Общий итог: «[...] соображения как построения мира, так и укрепления демократии в Израиле требуют перехода страны к эре *прозрачности*» (с.349).

В логике этим рассуждениям не откажешь. Соответствуют ли они реалиям сегодняшнего дня, покажет, однако, только время, да и сам автор считает, что решения должны вызревать постепенно. Работа Авнера Коэна, бесспорно, заслуживает внимания и изучения как для более глубокого знания истории атомного века, так и с точки зрения поисков путей выхода из атомного тупика в ближневосточном регионе.

Роланд Тимербаев

¹ Заметим в скобках, что в связи с предстоящими переговорами по запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) в международной практике все большее распространение получает термин *государства с ядерными возможностями* для обозначения тех стран, которые являются *окоядерными* или де-факто ядерными

государствами. По-английски: *nuclear-capable states* или сокращенно NCS.

² См. Тимербаев Роланд. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М., Наука, 1999, 153 с.

³ Вышеупомянутый Мардор сделал в своем дневнике запись за 28 мая 1967 года, что в тот день он наблюдал за тем, как в сборочном цехе бригады специалистов «[...] собирали и проверяли систему оружия, разработка и производство которой были завершены до начала войны. [...] Выражения их лиц были торжественными и полными сознания важности дела и понимания громадного, почти что рокового значения системы оружия, которое они привели в оперативную готовность» (Israel and the Bomb. Avner Cohen.

New York, Columbia University Press, 1998, p.273

⁴ Подразумевается, что в условиях *неопределенности* не было ясно, располагает Израиль ядерным потенциалом или нет, между тем как *непрозрачность* предполагает официально необъявленное и непризнаваемое наличие ядерного арсенала.

⁵ Авнер Коэн приводит любопытную деталь: спустя два десятилетия после прекращения *визитов* один ответственный правительственный чиновник (Гэри Сэймор, в настоящее время директор отдела нераспространения в аппарате Белого дома) не смог найти в американских архивах документов, рассказывающих, каким образом и по чьему указанию это произошло (с.337).

ВНИМАНИЕ!

У ПИР–Центра изменились банковские реквизиты.

Новые реквизиты для платежей в рублях:

АНО "ПИР – Центр"

расчетный счет 40703810938310100593

Москворецкое отделение Сбербанка 5284

МБ АК СБ РФ, г. Москва

кор/сч. 3010181060000000342 в ОПЕРУ ГУ ЦБ РФ

БИК 044525342

*Прием пожертвований, других перечислений на прежние счета
с 15 июня 1999 года прекращен*

Новости ПИР-Центра

14 мая состоялось ежегодное собрание Совета ПИР-Центра – его высшего органа управления.

Совет ПИР-Центра заслушал отчетный доклад директора автономной некоммерческой организации «ПИР-Центр политических исследований» Владимира Орлова по итогам работы АНО ПИР-Центр за 1998 год. Деятельность организации в прошедшем году признана полностью соответствующей ранее утвержденным Советом «Основным направлениям деятельности ПИР-Центра в 1997–1998 годы». Деятельность директора АНО «ПИР-Центр» Владимира Орлова в 1998 году решено признать удовлетворительной.

Совет ПИР-Центра принял «Основные направления деятельности ПИР-Центра политических исследований в 1999–2000 годах». В частности, утверждена структура научных программ ПИР-Центра, определен список приоритетных научно-исследовательских, издательских, информационных, образовательных и специальных проектов.

Совет ПИР-Центра принял решения по ряду финансово-хозяйственных вопросов. В частности, Совет утвердил исполнение бюджета за 1998 год, признал расходование целевых средств по грантам в 1998 году соответствующим уставным задачам и проектам Центра. Утвержден финансовый план (смета) АНО «ПИР-Центр политических исследований» на 1999 год, представленный заместителем директора по финансовым вопросам Вячеславом Зайцевым. Директору ПИР-Центра Владимиру Орлову поручено осуществить дополнительные мероприятия по изысканию источников финансирования для выполнения в полном объеме научно-исследовательских проектов ПИР-Центра в 1999–2000 годах.

Совет ПИР-Центра рассмотрел организационный вопрос. По предложению члена Совета директора ПИР-Центра Владимира Орлова единогласно принято решение избрать члена Совета ПИР-Центра Роланда Тимербаева Председателем Совета ПИР-Центра.

Председатель Совета ПИР-Центра Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации (в отставке) Роланд Михайлович **Тимербаев** принадлежит к числу крупнейших специалистов в области контроля над вооружениями и нераспространения в

России и в мире. Он родился 27 сентября 1927 года в Москве. В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 год – в МИД СССР. Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями (Договор ОСВ-1, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и другие), в работе Конференции по разоружению в Женеве, конференций по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (1975, 1980, 1985, 1990), Конференции по рассмотрению и продлению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (1995). Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы – президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий («ООН и поддержание мира», «Проблемы верификации», «Милитаризм и разоружение», «Полное запрещение ядерных испытаний» и другие) и статей по вопросам ядерного нераспространения. В 1998 году работал над книгой «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968», которая вышла в издательстве *Наука* в феврале с.г. Активно занимался преподавательской деятельностью: в МГИМО, Монтерейском институте, МИФИ.

В ПИР-Центре сформирована новая программа – «Внутренняя политика и безопасность России». Директором программы назначен старший научный сотрудник ПИР-Центра кандидат политических наук Дмитрий **Евстафьев**.

Председатель Совета ПИР-Центра Чрезвычайный и полномочный посол Роланд **Тимербаев** назначен страшим советником ПИР-Центра и с 1 июня приступил к исполнению обязанностей, среди которых – участие в проектах «Будущее ядерного оружия», «Россия и подготовка Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 года», «Российский ядерный регионализм», чтение лекций по нераспространению для студентов МИФИ, работа над подготовкой двух глав для первого в России учебника по ядерному нераспространению для высших учебных заведений.

24 мая состоялась беседа директора ПИР-Центра Владимира **Орлова** с министром иностранных дел Индии Джасвантом **Сингхом**. Были затронуты вопросы отношения Индии к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), перспектив индийско-российского сотрудничества и роли внешнего давления. Министр особо остановился на позитивных изменениях, наметившихся в отношениях между Индией и США в результате визитов в Дели Струоба Тэлбота, отметив, что завалы в двусторонних отношениях, хотя и постепенно, но безусловно, расчищаются.

Российские предприятия продолжают оказывать поддержку изданию журнала *Ядерный Контроль*. Так, в **апреле** мы с благодарностью приняли помощь на издание журнала от ПО *Маяк* (Челябинская область).

Расширяется число коллективных членов Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра (ЭКС). В **мае** ЭКС пополнился за счет вступления в него **Российского федерального ядерного центра «Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (РФЯЦ-ВНИИТФ)**.

В письме директора РФЯЦ-ВНИИТФ Георгия **Рыкованова** на имя директора ПИР-Центра главного редактора журнала *Ядерный Контроль* Владимира Орлова, в частности, отмечается, что «[...] весь круг вопросов, связанных с нераспространением ядерного оружия, экспортным контролем, инспекциями на местах и другими вопросами, относящимися к проблемам ядерного оружия... обсуждается на страницах Вашего журнала на высоком профессиональном уровне. Это, безусловно, вызывает большой интерес к нему со стороны многих специалистов нашего института. Мы полагаем, что в нынешних условиях наше сотрудничество должно стать более тесным и перейти традиционные границы отношений индивидуального читателя и редакции».

28 мая состоялась встреча Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра по теме «Будущее ядерных сил России».

Генерал-полковник в отставке, бывший руководитель 12-го ГУМО РФ, старший советник ПИР-Центра Евгений **Маслин** представил доклад «Роль ядерного фактора для национальной безопасности». Научный

сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук** выступил на тему «Трансформация российской ядерной политики».

Во встрече приняли участие члены Экспертно-консультативного совета и гости ПИР-Центра: Василий **Кривохижа** (РИСИ), Василий **Лата** (РВСН), Владимир **Медведев** (Совет безопасности), Петр **Ромашкин** (Государственная Дума РФ), Андрей **Зобов** (Центр Карнеги), Сергей **Зеленцов** (Минатом), Юрий **Федоров** (МГИМО), Александр **Никитин** (Центр политических и международных исследований), Павел **Подвиг** (Центр по изучению проблем разоружения и экологии), Михаил **Виноградов** (Комитет ученых за глобальную безопасность), представители Минатома и аппарата Минобороны РФ, сотрудники ПИР-Центра.

В ходе дискуссии, проходившей в неформальной обстановке и в *режиме не для печати*, был затронут широкий круг вопросов, в том числе: роль ядерного фактора для обеспечения национальной безопасности России, перспективы развития российского ядерного арсенала, изменения в российской ядерной политике после окончания *холодной войны* и другие.

3 июня в Национальном институте прессы состоялась пресс-конференция «Ядерная политика России: испытание балканским кризисом». На пресс-конференции выступили с сообщениями и ответили на вопросы журналистов директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, генерал-полковник в отставке, бывший руководитель 12-го ГУМО РФ, старший советник ПИР-Центра Евгений **Маслин**, старший научный сотрудник – директор Программы ПИР-Центра Дмитрий **Евстафьев**, научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**.

В своих выступлениях участники пресс-конференции, среди прочих, затронули вопросы, актуальные с точки зрения перспектив развития российского ядерного арсенала, в особенности – вопрос о влиянии кризиса вокруг Косово и его последствий на основные положения российской ядерной политики. Многочисленные вопросы корреспондентов агентств *Интерфакс*, *Киодо*, *Цусин*, *Радио России*, американских, китайских, японских журналистов касались, в основном, роли тактического ядерного оружия, оценки итогов заседания Совета безопасности от 29 апреля 1999 года, планов разработки новой российской военной доктрины.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 46
Number 4, July – August, 1999

The **Editorial**, entitled «**Nonproliferation: Game without Rules?**», maintains «In May the international community witnessed the first war in history between *new nuclear weapon states* in Kashmir. It's not the first time when nuclear weapon states have been engaged in conflict with each other, albeit in an indirect manner. During the Cold War period Soviet and American soldiers were on either side of the battlefield on the Korean peninsula and in Vietnam; military advisers and instructors on special operations had a chance to meet even more frequently.

However, at that time both parties followed the rules of the game, which had been taking shape for years and were generally observed. These rules prevented the escalation of local conflicts and regional wars into global thermonuclear war. Why? Primarily due to the fact that hostilities took place in Third World countries (practically without exception), far from the borders of the Soviet Union or the United States. These were wars for influence and power in the world. Two empires preferred to test each other's strength far from home, at the global periphery. In such circumstances the possibility of escalation was minimal.

The Indian-Pakistani conflict is another case. The two states are doomed to fight on their own territory; hence, the stakes in conflict grow tremendously and justify the use of any and all offensive means available to the parties. That is why the May hostilities are so dangerous. India and Pakistan's refraining from employing nuclear weapons should not be regarded as a reassuring factor. So far the states have not completely brought up their arsenals to full-fledged combat readiness. They continue to develop missile programs and their main objective is to create intermediate-range missile delivery systems. Thus, both countries have no capabilities to start and conduct real nuclear warfare. But this is the way the situation is developing now. Who knows what will happen in two or three years when new missiles will be ready for serial production and will have nuclear warheads produced for them?

The Kosovo crisis gave *carte blanche* to those states that have been striving to solve their problems by force and enabled several states to abandon some previous commitments. For

instance, India, hiding behind the pretext of NATO aggression in Yugoslavia and attempts to violate the territorial integrity of the latter, refuses to discuss the CTBT treaty. All previous Indian pledges to sign the treaty in the near future (significant from the point of nuclear nonproliferation and disarmament) are no longer valid. Obviously, the Indian position is not flawless and it is doubtful that it will get away with not signing the CTBT by using the Kosovo conflict as a pretext. However, the state has a sovereign right to link its policy on certain issues to the world developments in other regions. This is a common right of all states.

The India-Pakistan conflict is not just another clash between the Indian military and separatists, which happens more or less regularly in this region. It's the conflict of a new generation, the first conflict between *new nuclear weapon states* and the first post-Kosovo conflict. And it has demonstrated, at least at the declaratory level, that countries like India feel more at ease in conducting their foreign policy.

What's the conclusion? Is the USA the most righteous state since it is vigorously participating in enforcement actions against Yugoslavia but has made minimal international commitments regarding wartime law? The same can be said of India and Pakistan: they are not NPT signatories and by the acquisition of nuclear weapons they are not guilty of breaking the international law».

«The nonproliferation arena is much broader than the provisions of its founding treaty, and it vests the international community with the power (moral imperative at least) to use enforcement actions against violating states. However, the USA agrees with the logic of nonproliferation regime violators, giving others the *go-ahead*. India and Pakistan are merely demonstrating their ability and willingness to be the first to make the most of this situation», concludes the Editorial.

Dr. Igor Nikolaichuk, a member of the PIR Research Council, in the article «**First Strike Concept Remains an Important Component of Modern Russian Nuclear Policy**» states that «First of all, it is necessary to disavow all the official statements of the Russian party associating its refusal not to use nuclear weapons

first with the process of NATO expansion. Presently, Russia is not interested in transforming its nuclear weapons into a tool to be used for solving regional problems, especially in Europe. It is necessary dissociate ourselves from any declarations that under certain conditions Russia will be ready to initiate a global nuclear conflict. This follows from recommendations of some top-ranking Russian experts: «If a threat of aggression develops from the phase of regional armed conflict to a large-scale war, Russia could use nuclear weapons first for making a disarming strike to military objects. This could be just a new type of classical counter-force first strike. However, if such a policy is adopted it may initiate rather negative international processes».

Prof. Yury Fyodorov, of the Moscow State Institute for International relations (MGIMO), in «**Caspian Region: Periphery or New Center of World Politics?**» argues that «on the edge of the XXI Century, the world economy, especially financial markets, has reached a period of vagueness, a sort of twilight zone, which is likely to last for several years. This uncertainty is typical to certain regions in Asia and Latin America as well as to the centers of economic might and influence. For instance, the consequences of massive capital inflow to the USA, resulting from crisis at the so called *emerging* markets in Asia, Russia, Brazil, etc., are still not clear. In current circumstances, unexpected turns of events are quite possible and they are normally not taken into account in the forecasts of economic and political development. Presumably, this conclusion is true with respect to the oil market. For example, today it is difficult to predict certain leaps in oil prices but they may appear in the next decade».

The commander of the Russian Biological Defense Troops and the key Russian official defense expert on BW-related issues **Gen. Valentin Yevstigneyev** in his interview «**Russia Got Ebola Culture from Its Spies**» maintains, «It wouldn't be a big problem for a biologist who is a real specialist to commit a terrorist act. You only have to possess some specific traits of character. It's not difficult to procure a biological agent for a weapon and then to act. For instance, let's take the case of the 201st division in Tajikistan. A warlord from Afghanistan got acquainted with a nurse in a hospital. She collected the urine of a patient suffering from hepatitis for him. The urine was used to wash melons and watermelons; sometimes it was put inside the fruit with a syringe. Then the infected melons were sold at a very low price to divisions of marching Russian soldiers. Our soldiers of

course bought the fruit with pleasure and, as a result, were infected with hepatitis. It all happened in 1995, but it may be regarded as a classical example of biological terrorism.

Who can prevent a terrorist from coming to an agreement with the staff of hazardous laboratories engaged in work with pathogens? It would be enough to procure one gram of the biological agent, multiply it in a nutrient medium and the weapon is ready. The thing is that even beef broth may serve as a nutrient medium. And then when you have a multiplied agent, you can use it in public places, on fruit and stationery, on door handles or you can spray it into the ventilation system. This would be terrorism».

Ivan Safranchuk, PIR Center Research Associate, in his article «**The Russian Position on the Creation of a Nuclear-Weapon-Free Zone In Central Asia**» says, «Russia's position is that until the status of the Caspian Sea is determined in line with international legal standards, it should not be covered by the treaty on the creation of the NWFZ in Central Asia. This is impossible for the time being because in formal terms the borders of the countries washed by the Caspian Sea run along the sea edge. That is, the zone ends on the sea edge. Russian diplomats agree that if all concerned parties reach an agreement on dividing up the surface of the sea the national waters of the Central Asian states will be covered by the NWFZ CA».

Gen. Yury Solomonov, the Director and Designer General of the Moscow Institute of Heating Engineering in «**US Missile Defense? There Is Still a Chance for Dialogue**» argues that «At present it is too early to assess the cost of an adequate Russian response as there is no clear understanding of what the US missile defense will be. Anyway, if we presume that the USA will break the ABM Treaty limits Russia's efforts to create an adequate response will draw money away from other sectors of national economy».

The issue contains articles by the head of a department of the Russian Foreign Ministry **Dr. Pyotr Litavrin** on small arms proliferation and Russian position on this matter, by **Guzal Taipova**, President of the Kazakhstani Association of Researchers of Nonproliferation Issues, on legal status of the Caspian Sea, *Library* section, and information from the PIR nuclear and missile dossier including the problem of export controls and the Security Council meeting of April 29, 1999 on the future of Russian nuclear policy.

Об авторах

Евстигнеев Валентин Иванович – генерал-лейтенант медицинской службы. Родился в 1945 году в городе Андреаполь Тверской области. Окончил Военно-медицинский факультет при Горьковском медицинском институте и Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Кандидат медицинских наук. Автор более ста научных работ в области иммунологии, эпидемиологии и биотехнологии. В настоящее время исполняет должность заместителя начальника войск радиационной, химической и биологической защиты министерства обороны Российской Федерации.

Литаврин Петр Геннадиевич родился в 1952 году в Москве. В 1974 году окончил МГУ. Кандидат исторических наук. С 1974 по 1987 годы работал в ИСКАН АН СССР. С 1987 года – в МИД СССР (РФ). В настоящее время работает в департаменте по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР). Является экспертом ООН по проблемам легкого и стрелкового оружия. Сфера профессиональных интересов: вопросы разоружения и нераспространения, контроль над экспортом ракетной техники, трансферты обычных вооружений. Автор ряда научных статей, в том числе в журнале *Ядерный Контроль* – «Проблемы ракетного распространения в Азии».

Николайчук Игорь Александрович родился в 1946 году. В 1971 году окончил МВТУ им. Баумана. Длительное время работал в Российском институте стратегических исследований (РИСИ). В настоящее время возглавляет аналитический отдел Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК). Специализируется на вопросах военной политики ядерных государств, военно-стратегических аспектах национальной безопасности, военного строительства России. С 1995 по 1997 годы – член рабочей группы ПИР-Центра по военно-гражданским отношениям. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Сафранчук Иван Алексеевич родился в 1974 году в Москве. Выпускник Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД РФ. С 1997 года - научный сотрудник ПИР-Центра политических исследований в России. С 1999 года – директор проекта ПИР-Центра «Будущее ядерного оружия». Автор ряда научных статей и докладов, опубликованных на русском и английском языках, по вопросам ядерной политики, ядерного разоружения, нераспространения ядерного оружия и российской внешней политики, в том числе «Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества», «Тактическое ядерное оружие в новом мире и нестратегические ядерные силы России», «Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности», «Роль России в урегулировании иракского кризиса и пути контроля российского критического экспорта в Ирак», «Новая система европейской безопасности и позиция России». Автор доклада «Будущее ядерных сил России», опубликованного в апреле с.г. в *Научных Записках ПИР-Центра* №10.

Соломонов Юрий Семенович родился в 1945 году. В 1969 году окончил Московский авиационный институт. С 1971 года работает в Московском институте теплотехники (МИТ). С 1995 по 1997 год – первый заместитель генерального конструктора. В 1997 году назначен директором и генеральным конструктором дважды ордена Ленина госпредприятия Московский институт теплотехники. В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 году ему присуждена степень доктора технических наук. В 1994 году присвоено звание профессора. В этом же году избран действительным членом Инженерной академии РФ и членом Международной инженерной академии. Лауреат Государственной премии (1981 год). Имеет правительственные награды. В 1987 году присвоено звание заслуженного изобретателя РСФСР. Автор многочисленных научных трудов и 155 изобретений.

Таипова Гузэль Зунуновна – президент Казахстанской ассоциации исследователей проблем нераспространения (КАИПН), основанной в 1997 году и являющейся независимой неправительственной организацией, занимающейся проблемами нераспространения оружия массового уничтожения. Является главным редактором издаваемого КАИПН бюллетеня *Проблемы Нераспространения*. В 1990 году окончила факультет журналистики КазГУ, после чего работала на *Би-Би-Си* и в агентстве *Рейтер*, специализируясь на вопросах региональной безопасности. В 1996 году проходила стажировку в Центре изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Федоров Юрий Евгеньевич – заведующий сектором Института США и Канады Российской Академии наук (ИСКРАН), профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации. Член Совета ПИР-Центра. Кандидат исторических наук. Специалист в области проблем международной безопасности и принятия политических решений. Автор ряда работ, среди которых «Каспийская нефть и международная безопасность», «Расширение НАТО и модернизация договора ОВСЕ», «Военная реформа и гражданский контроль над Вооруженными силами в России» (опубликована в *Научных Записках ПИР-Центра* № 7).